

Проповеди. Книга 8 (2009 г.) протоиерей Димитрий Смирнов

[Книга 1](#) * [Книга 2](#) * [Книга 3](#) * [Книга 4](#) * [Книга 5](#) * [Книга 6](#) *
[Книга 7](#)

Сестричество во имя Преподобномученицы Великой княгини
Елизаветы; Москва; 2009

По благословению патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

Память блаженной Ксении Петербургской

Для того чтобы нам укрепиться на предстоящее поприще Великого поста – этого хоть и малого, но подвига, – перед его началом в храме читаются страстные Евангелия. Святая Церковь напоминает нам, что Христос претерпел ради нашего спасения: как Его мучили, избивали, предавали, били, плевали на Него, хулили. Все это Он претерпел, но и продолжает претерпевать, потому что Церковь – это есть Тело Христово, и она с тех пор, как начала продолжать дело Христа на земле, испытывала те же самые гонения, которые и Христос испытывал. Поэтому вся жизнь церковная – это жизнь в постоянных искушениях и трудностях.

Церковь есть народ Божий, люди, которые стремятся следовать заповедям Божиим. И нам нужно так стараться жить, чтобы оказаться среди этих стремящихся людей, а не среди тех, у которых все в жизни благополучно. Потому что если человек здоров, богат, если у него дома все хорошо, если у него замечательные дети, если его никто не трогает, не обижает, не утесняет – то есть можно сказать, что он достиг счастья, – это может быть только в одном случае: если Бог отвернулся от этого человека и ему во всем помогает дьявол. Потому что тот, кто желает жить благочестиво, тот обязательно будет гоним.

Господь говорит: смотрите, как бы все не говорили о вас хорошо. Если Сам Христос, будучи совершенным человеком и совершенным Богом, такие скорби на земле претерпел, то истинные ученики Христовы претерпят то же. Это неизбежно. Каждый в свою меру и каждый в свою степень, но это обязательно. Поэтому чем больше мы будем преуспевать в благочестии, тем больше мы будем претерпевать всяких гонений. Эти гонения будут и извне, и изнутри. Это будет от людей внешних, безбожных, и это будет от собратьев по вере. Потому что как Христос от одного любимого ученика потерпел предательство и от другого любимого ученика – отречение, так и каждый христианин может испытать предательство и измену от

того, от кого совершенно не думал испытать. И это надо нам очень глубоко понимать.

Почему это так? Дело в том, что мир и духовная жизнь противоположны – настолько, что человек, когда он полностью уходит в мир духовный, вынужден умирать. Вот так велико противопоставление жизни мирской и духовной. Поэтому все, к чему стремится обычный человек в этой жизни, что для него является благом, все это перед Богом есть величайшая мерзость. Что для людей является вождленным, то перед Богом ничто. И наоборот, что у людей вызывает улыбку, насмешку, недопонимание, а часто и плевки, и неуважение, и гонения, как раз то перед Богом является очень высоким, и важным, и нужным.

И вот блаженная Ксения, в память которой сегодня читалось Евангелие о десяти девах – пяти мудрых и пяти юродивых, – оказалась всех мудрей. Вроде бы с точки зрения здравого смысла в чем она в жизни преуспела? Муж умер, она, овдовев, надела мужское платье, назвалась Андреем и стала жить бездомно, кормилась тем, что ей бросят, а ночи проводила в молитве, не было у нее даже, где главу приклонить.

Спрашивается, для чего она себя обрекла на такую жизнь, когда все люди стремятся строить теплые дома, жить богато, сыто и как можно больше продлить свою жизнь, чтобы как можно больше ею насладиться? А она своей жизнью утверждала, что нет, наоборот надо все делать. И поэтому ее такое поведение воспринималось всеми как безумное, на нее показывали пальцем, мальчишки ее дразнили, кидали в нее камни, комья грязи, и она это все смиренно претерпевала. Ради чего? Ради Христа.

Подвиг ее заключался в том, что она не была безумной, но приняла на себя такой вид, чтобы еще больше ради Христа пострадать, тем самым утверждая, что жизнь духовная все-таки имеет колоссальное преимущество. И вот прошел уже не один десяток лет, а народ ее и помнит, и любит, и почитает. Ее причислили к лику святых, и память о ней не иссякнет никогда. А много было на земле всяких миллионеров, людей богатых, сытых – и они уже забыты, а имена многих еще и прокляты,

потому что часто они свои деньги употребляли во зло и никакого добра не сотворили, а, наоборот, стремились к тому, чтобы это богатство употребить только для себя.

Евангельская притча о десяти девах как раз об этом и говорит, что по-разному бывает человек мудр: бывает мудр по-мирскому, а бывает мудр по-духовному. И мирская мудрость противоположна мудрости духовной, причем диаметрально противоположна.

У меня был один знакомый, с которым мы вместе учились в институте. Он как-то попросил почитать Евангелие. Я ему дал, и когда он прочел, то сказал: «Очень хорошая книга, здесь все написано правильно, но если я так буду жить, то меня затопчут». То есть он не хотел, чтобы его топтали, а хотел топтать сам. И действительно в жизни обычной он достиг успеха, у него и денег много, и квартира не одна, и даже дача не одна. Вот так преуспел. Но это ведь все кончится. Еще несколько лет пройдет: ну, может, десять, пятнадцать, двадцать, если хорошее здоровье, может быть, тридцать лет – и все это будет отнято. И с чем человек останется? С чем? С пустой душой и с воспоминаниями о том, что было и чего нет. Поэтому Господь говорит: «Там будет плач и скрежет зубов». Потому что все, чем жил, все отнято. А если человек в Бога богатеет, то, наоборот, имея сокровище духовное, он его не теряет, а приобретает гораздо больше, когда его душа отходит ко Господу.

Юродивым девам не хватило елея, и, когда они устремились к Богу, стали стучаться в двери Небесного Царствия, Господь сказал: отойдите, Я не знаю вас. И каждый из нас может эти слова услышать в конце своей жизни. Как ты Бога не знал, так и Бог тебя не знает, потому что как ты относишься к Богу, так и Бог относится к тебе. Какое место Бог занимает в твоей жизни? Второе, третье, четвертое, сотое, сто четырнадцатое, тысяча пятьсот тридцать второе? Сколько в твоей жизни уделяется места Богу? Вот насколько ты этим живешь, настолько ты и богат, причем настолько ты богат и вечно. А если это полностью для тебя исключается, тогда ты вообще в полный мрак погрузишься.

Христос для того и пришел на землю, чтобы нам всем это показать. Будучи Богом, Он одним словом мог и новую планету создать, и новых людей, и вообще все устроить совсем по-другому. Все Господь может в один момент переделать, но Он не такой путь выбрал. Он умалил Себя настолько, что стал просто как обыкновенный человек, и показал в этом Своем человечестве великую благодать – великий этот дар, великую способность к жизни подлинно духовной, которая заключается в отречении от самого себя и в полном послушании Отцу Небесному.

И вот так Господь и прожил для того, чтобы каждому человеку показать, как надо. Поэтому любой человек, изучая Евангелие, выучив его наизусть, постепенно поймет, как надо. И когда поймет, начнет свою жизнь так исправлять. Но бывает, что, читая Евангелие, нам как-то трудно приложить это к себе. Поэтому надо читать продолжение Евангелия – жития святых. Вот посмотрим, как жила блаженная Ксения, как жила Ксения преподобная, как жили другие святые, как жили многие люди – их было сотни тысяч, – которые занимались не тем, чтобы приобретать себе богатство земное, а занимались тем, чтоб приобретать себе богатство духовное; и как они в этом преуспели, какие они к этому употребляли средства.

Серафим Саровский, наш великий святой, говорил: я из купцов (а у него и фамилия была Мошнин; мошна – значит кошелек с деньгами; родители его были люди богатые, большой собор построили в городе Курске), и надо так духовную жизнь приобретать, как купец торгует: деньги туда пускать, где больше прибыль. Потому что один человек более сдержанный, а другой, наоборот, более общительный. Один более угрюмый, молчаливый, другой разговорчивый. У каждого свой характер, и каждый по своему характеру, по своему устройению может избрать себе такое дело, чтобы наилучшим образом самому себе послужить, и людям, и Богу. Вот подумать, пораскинуть мозгами, кому что лучше. У кого лучше получаются добрые дела – давай ухаживай за больными, помогай многодетным, ходи за старыми; у кого лучше получается еще какое-то делание: пост или молитва, – тем трудись. У кого что

получается, тот этим должен и жить, эту добродетель, которая у него лучше получается, исполнять.

Но лучше всего, Серафим Саровский говорит, молитва. В тюрьме ли ты, на свободе, в очереди ли стоишь, на автобусе едешь или на работе что-нибудь делаешь – молиться можно всегда. Как ты Бога ни призови – Господь рядом. Поэтому наиболее удобно для спасения – это всегда обращаться к Богу с молитвой. И так можно постепенно сокровище себе приобретать. Видишь в себе какой недостаток – молись Богу все время, ежечасно, чтобы Господь исправил тебя, потому что сам ты не можешь исправиться. Только Бог, если захочет, может тебя из жадного сделать щедрым, из глупого – умным, из злого – добрым. Господь все может устроить. И если будешь все время взывать, то Господь будет помогать. И вот так собирая, собирая себе этот елей, мы зажжем свои светильники и встретим грядущего Жениха.

Соединение души человека и Бога всегда уподобляется браку, потому что это слияние полное. Это как муж и жена: если они любят друг друга, то постепенно с годами сливаются буквально в одно существо. И воистину так: муж и жена – одна плоть, и многие супруги в конце жизни становятся похожими друг на друга даже внешне. Очень часто наблюдается такое явление. Вроде бы удивительно – а вот настолько они срастаются душой и телом. Так и общение души человеческой и Духа Божия уподоблено браку. Поэтому и сказано, что девы встречают Небесного Жениха.

И эта встреча у нас тоже может произойти, но только в том случае, если мы будем постоянно об этом думать, постоянно об этом заботиться и постоянно к этому себя понуждать и над этим трудиться. Да поможет нам в этом подвиге Господь наш Иисус Христос. Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 6 февраля 1991 года

Вторник сырной седмицы. Память трех святителей

Когда человек входит в храм, он сразу, если у него, конечно, не мертва душа, ощущает, что попал в какое-то особенное место. И все верующие люди должны этому строю храмовой жизни подчиняться. Но так как мы люди в основном дикие и только учимся и благочестию, и правильному поведению в храме, то многое до нашего сознания не доходит.

Например, входит взрослый человек с ребеночком, а ребеночек маленький, не осознает еще всего величия того, что здесь совершается. Поэтому он может начать что-то говорить или плакать – и тогда надо моментально его из храма унести, чтобы ему в тишине объяснить, что так вести себя нельзя. А если у него не получается сразу прийти в себя, значит, надо с ним погулять минут пять. Вот он успокоился, утих – и потом можно опять внести его в храм. Ничего в этом страшного нет.

Конечно, каждому хочется побыть на службе, но ради своего дитя и ради того, чтобы оно не нарушало благоговения храма, чтобы не мешало остальным, надо приносить себя в жертву. И когда человек приносит себя таким образом в жертву, то, хотя он вроде бы уходит со службы, оказывается, этим-то он и совершает истинное христианское делание. Потому что он ущемляет себя ради всех остальных ближних.

Что самое главное должен вынести человек из своего детства? Вот мы учим детей многому: учим читать, писать и так далее. Это все очень важно, но есть вещь еще гораздо более важная – послушание. Послушание – это начальная христианская добродетель. Кто не умеет слушаться, тот никогда ничему не научится. Это невозможно. Поэтому в монастырях начинают учиться христианской жизни только с послушания. Человеку дают какое-то задание, и он обязан безукоризненно его выполнять. А почему послушание так важно? Потому что от непослушания Адам отпал от Бога. Господь ему заповедал, что от дерева познания добра и зла вкушать плодов нельзя, а он не послушался. И из-за этого человечество, и мы в том числе, до

сих пор, уже много тысяч лет, страдает: из-за непослушания всегда страдание.

И вот Христос Спаситель, придя на землю, дал нам образ послушания. На этой седмице читается Евангелие, которое предшествует Страстям Господним. Тем самым Церковь готовит нас к Великому посту, чтобы мы задумались, какой ценой мы искуплены. Господь Иисус Христос «пошел по обыкновению на гору Елеонскую, за Ним последовали и ученики Его. Придя же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение». Чтобы не впасть в искушение, надо молиться. Если бы мы жили всегда с молитвой, то от многого бы убереглись. А так как мы Бога забываем, дьявол бывает тут как тут.

«И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился, говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет». Господь знал, что Ему предстоит идти на страдания, что один ученик Его предаст. Он это знал, устрашался этого, и, конечно, Его сердце трепетало. Но несмотря на то что Его ждало нечто страшное, Он все-таки молился: пусть будет воля Твоя, но не Моя. Раз Отец Небесный послал Его на землю, Он Свое послушание выполнил до конца, даже до крови и до смерти. Вот насколько это важно. Поэтому если мы хотим быть верующими, хотим быть христианами, и нам надо стараться слушаться до конца.

Почему Господь так устроил, что человек, когда рождается, бывает сначала маленьким и потом растет долго-долго, пока не станет взрослым? Почему Господь не сделал, чтобы человек сразу рождался взрослым, сразу шел на работу или в институт или еще чем-то занимался? Почему долгие годы надо человеку быть ребенком и учиться, учиться – и прежде всего послушанию? Потому что, не научившись послушанию, нельзя, невозможно войти в Царствие Небесное. И Сам Господь Иисус Христос открыл нам этот путь – через послушание.

Конечно, слушаться трудно, и не каждый сразу этому сможет научиться, на это действительно уйдет несколько лет. Но если дитя не будет тратить времени зря, а будет стараться изо всех сил, тогда оно в этом преуспеет и к юношескому возрасту,

к тому времени, когда станет взрослым, уже научится слушаться. И тогда научится и молитве, тогда научится и остальным христианским добродетелям. Потому что легче всего учиться именно в детстве.

Послушание, конечно, необходимо и взрослым. К сожалению, многое в нашей жизни уже упущено, и многие взрослые тоже слушаться не умеют: жены не умеют слушаться мужей – а потом хотят, чтобы их дети слушались. Но это невозможно, потому что если жена не слушается мужа, то дитя не имеет примера послушания. А у многих семья вообще неполная. Как тут быть? Вот сегодня память трех святителей. У Иоанна Златоустого мама овдовела в девятнадцать лет и была молода, красива и богата, но второй раз замуж не стала выходить, хотя женихов было много, а посвятила всю жизнь сыну и вырастила Церкви великого святителя. Хотя и трудно без отца, но, оказывается, возможно, если прилагать к этому колоссальные усилия.

Поэтому цель воспитания не просто дитя накормить, одеть, обуть, а прежде всего – думать о его душе все время, постоянно, чтобы никакого слова, противного душе, не было; чтобы не было ничего со страстью, а все было с разумом; чтобы все время думать: то или иное действие будет на пользу душе или во вред? Главная цель воспитания заключается только в том, чтобы научить дитя смирению и послушанию. Это очень важно, это будет та благодатная почва, на которой может вырасти в дальнейшем христианин. А у нас все не так. Мы детей все время пропускаем вперед, мы даем им лучший кусок – а потом удивляемся, что они вырастают эгоистами. Нет, дитя должно получать все в последнюю очередь, обязательно. Это, конечно, надо делать с любовью, без зла, но все в последнюю очередь и никогда не первому.

Меня всегда поражает, когда взрослый человек, особенно пожилой, уступает ребенку место, проталкивает его вперед. Детей в церкви действительно причащают первыми, но только младенцев – из тех соображений, что если они заплачут, то можно будет их «нейтрализовать», а не потому, что эти младенцы более заслуживают причастия, чем взрослые, отнюдь

нет. По идее нужно причащать от самых старых до самых юных. Вот это было бы более правильное воспитание. Иначе дети привыкают к тому, что они самые главные люди на земле. А это совсем не так, они еще этого не заслужили. Конечно, по природе своей души их менее испорчены, чем у взрослых. Но все-таки взрослые в течение своей жизни совершили много подвигов и терпения, и труда, а многие пережили и голод, и смерть близких, и, упаси Бог, разводы, и всякие страшные вещи.

Поэтому вот в чем воспитание должно заключаться. И если бы главой семьи был действительно отец, если действительно он был бы в семье первым, он бы руководил, а не дитя, то тогда и дети могли бы на это смотреть, это впитывать. Таким образом можно будет воспитать и будущую хорошую жену, и будущего хорошего мужа и отца. И это станет той благодатной средой, которая будет способствовать возрастанию христианина. Цель воспитания в семье – воспитание чада Церкви. Если мы будем эту спасительную мысль держать в голове, то процесс воспитания пойдет гораздо лучше. Ну и, конечно, нужно деточек постоянно причащать, чтобы иметь помощь Божию. Если мы этого не будем делать, то все наши усилия пропадут.

Во всех странах существуют огромные общественные институты по воспитанию детей. И везде неуспех полный, начиная от Гренландии и кончая Африкой, Японией и Канадой. Причина в том, что утрачено самое главное: понимание таких важных вещей, как смирение, терпение, послушание. Где-то остаются еще какие-то христианские следы, а в основном и их нет. И поэтому везде дети выходят из-под контроля, из-под повиновения, становятся преступниками. В этом вина именно наша. Если только на секунду представить, что все родители вдруг по всей земле стали бы христианами: уверовали во Христа, уверовали в то, что Евангелие – это истина. Пусть они люди грешные, сами себя еще не умеют управить – но вдруг начали бы своих детей воспитывать так, как подобает. И тогда уже через пятнадцать лет все человечество было бы совершенно иное. Представляете?!

И на самом деле это все в наших силах, такое чудо преображения всего человечества на самом деле очень просто.

Вот все как по команде выкинули бы телевизоры, выкинули бы все плохие книги. Вместо того чтобы бросать ребеночка на произвол судьбы, каждый бы стал заниматься своим ребенком. Начал бы читать Евангелие, жития святых, начал бы молиться, все бы делал с любовью, с терпением, стремился бы не к тому, чтобы получше одеться и поесть, а наварил бы одной каши, и все. Потому что ребеночка можно к чему угодно приучить. Можно приучить спать на жестком: вот постели ему на доску тоненькое одеялко байковое – и он так будет спать. Он и в жизни никогда не подумает, что можно спать на мягком. Корми его одной гречневой кашей – и он привыкнет, и будет ее любить, и никогда не узнает, что существуют какие-то бананы, ананасы. И ничего особенно страшного не произойдет.

Многие люди старшего поколения не испытывают потребности в каких-то особенных одеждах, они привыкли к скромной, простой жизни и не страдают от комплекса неполноценности из-за того, что чего-то кожаного или мехового не имеют. То есть все зависит от того, что человек воспринял в детстве. Вот это очень важно. Поэтому надо нам стараться. И если мы создадим образ христианской семьи, то и наши детки будут это воспринимать. Эта задача, конечно, очень сложная, трудная, на всю жизнь. Но во всяком случае, слава Богу, это возможно. Помогите нам в этом всем Господь! Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 12 февраля 1991 года

Всенощное бдение под празднование «Державной» иконы Божией Матери

Поздравляю вас с праздником иконы Матери Божией «Державная». Мартовские дни 1917 года, когда эта икона была явлена, стали страшными для России днями, хотя множество людей тогда радовалось, торжествовало и ликовало. Многие, нацепив красные банты, присоединялись к толпам, которые в революционном возбуждении ходили по улицам. Но эта опьяняющая радость революции, радость свободы, конечно, была страшным обольщением, прелестью, и за ней очень скоро последовала скорбь для всей страны и всего народа.

В день явления «Державной» иконы, как вы знаете, произошло переломное и страшное событие: Император Николай Александрович отрекся от престола, вынужденный к этому многочисленными просьбами генералитета и тогдашних руководителей Российского общества. Он оказался предан всеми теми, кто окружал его, и даже члены императорской фамилии присягали на верность временному революционному правительству. И можно сказать, что именно с этих дней начала раскручиваться та кровавая мясорубка, которая впоследствии унесла миллионы жизней, исказила, поломала и наш храм, ныне нами восстанавливаемый, искалечила и душу русского народа.

Вспоминая прошлое, мы часто представляем его упрощенно: дескать, были в России Православие и царская власть, удерживающие зло, но потом власть захватили большевики и совершили кровавые, страшные преступления. А если бы не они, если бы иначе сложилась ситуация: Корнилов бы все-таки дошел до Петрограда и взял его, Керенский нечто сделал, Государь не был в то время в Ставке, окруженный генералами, которые советовали ему отречься от престола, – то все могло бы быть по-другому. И многим кажется, что этот захват власти явился роковой и несчастной случайностью, потому что силы большевиков были ничтожны и они были совсем не самой влиятельной партией в России. А из-за того,

что они захватили власть, Россию постигло то страшное несчастье, которое мы до сих пор еще до конца не расхлебали, и нам и детям нашим еще предстоит эту страшную, горькую чашу испивать до дна.

Но мы люди верующие и должны видеть глубинный смысл совершающихся событий, мы должны понимать, что партия большевиков была просто игрушкой в руках дьявола, который от создания мира борется с Самим Богом, противится Самому Богу и на этом пути борьбы выдумывает все новые и новые уловки, предпринимает все новые и новые усилия, чтобы как можно больше людей отвратить от Бога.

Господь пришел в этот падший мир не для того, чтобы воссоздать его заново, а чтобы принести на землю Царство Божие; не для того, чтобы устроить на земле рай, а чтобы принести на землю весть о Царстве Божием, которое не от мира сего. И Он оставляет этот мир его судьбе, оставляет греху развиваться еще больше, как в Апокалипсисе говорится: «Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще». Каждому сохраняется свобода, и каждый человек свободно избирает свой путь.

И это страшное падение России, в результате которого началась кровавая мясорубка и проснулись звериные инстинкты в людях, случилось не внезапно. Оно подготавливалось веками. Подготавливалось тем, что зло продолжает существовать на земле; подготавливалось грехом и нечестием русских людей: их формальным отношением к Церкви, их всего-навсего ежегодным причастием Святых Христовых Таин, дурным поведением священства, тем, что верующие люди теряли истинную, настоящую веру, что плохо преподавался Закон Божий в школах, что в семинариях царили нехорошие порядки. Это все подготавливало страшное крушение России, открывало дверь зверю, который вышел из бездны, давало дорогу сатане.

Источником зла в мире является не какая-то партия или политическая сила, источником греха является сатана. А сатана в этом мире действует через нас с вами. Поэтому можно

сказать, что источником греха в мире является каждый из нас. И то, что люди в России дошли до такого безумия, есть естественное развитие первородного греха, естественное развитие того зла, которое было даже среди учеников Христовых в лице Иуды Искарота, есть продолжение отступничества, противления Богу. И зло это так и будет преобладать до конца времен, когда станет настолько страшным, настолько неизбывным и всепроникающим, что дальнейшее существование этого мира будет уже невозможным и ненужным.

Что же мы сегодня празднуем в таком случае? А празднуем мы то, что даже совершающаяся трагедия служит к прославлению имени Божия; что это наступающее страшное время оказывается радостным для Церкви. И даже то, что время это начинается весной, как бы предвозвещает расцвет Церкви, потому что слава Церкви есть ее мученики.

Государь Император в день своего отречения от престола вступил на мученический путь, на котором уподобился Самому Христу, потому что, имея власть, богатство и славу, он добровольно лишился их, идя за Христом, как и Христос добровольно пришел на землю и взял на Свои рамена позорный крест, прославив его Своим вольным распятием.

В этом году праздник «Державной» иконы Божией Матери совпал с Крестопоклонной седмицей, с поклонением Кресту. И мы празднуем то, что все препоны, которые устраивает враг, все козни, все ухищрения его служат к еще большему прославлению святых, к еще большему прославлению Церкви Христовой. Ведь что бы ни предпринимал лукавый, что бы он ни делал, как бы ни тщился вратами адовыми поглотить Церковь Христову, все равно Церковь побеждает.

Поэтому хотя дни эти были трагическими для России, мы празднуем явление в это страшное время замечательной чудотворной иконы Матери Божией. Через нее Господь показал нам, что власть над Россией никаким большевикам не принадлежит, что власть эта в руках Божиих и, если отрекается от нее добровольно Государь Император, власть эта переходит в руки Матери Божией. Мать Божия является Царицей

России, Она является вершительницей судеб наших с вами и судеб Церкви Российской. И как бы ни увеличивалось в этом мире зло, мы знаем: чем сильнее зло восстает на нас, тем больше и помощь Божия; чем труднее нам и чем больше скорби на нашем пути, тем больше будет утешение Божие, являемое нам.

Святые мученики, пострадавшие за веру Христову, познали это на своем опыте. Служба, которую мы сегодня совершали, составлена именно при участии мученика, исповедника Патриарха Тихона, составлена теми, кто, быть может, потом пошел в тюрьмы, в лагеря и ссылки. И хотя в ней слышится вопль, исторгнутый скорбью из глубины сердца, но слышится в ней и то, что люди эти обретали утешение в своей молитве, что молитва их была услышана Богом, что Мать Божия изливала на них Свою богатую милость и благодать.

В другой службе, также составленной в это время – службе всем русским святым, – используются строки русского поэта: «Чем ночь темней, тем ярче звезды; чем глубже скорбь, тем ближе Бог». Нам с вами каждому так или иначе придется пройти через скорбь: через скорбь болезни и смерти. Но с верою во Христа, с крестом Его на груди, с верой в то, что Мать Божия является вершительницей наших земных судеб, – с этой верой ничего не страшно. И чем больше скорбь, чем темнее облако, которое покрывает нашу землю, тем ближе избавление; чем глубже ночь, тем ближе рассвет. Наша цель – не жить в этом мире вечно, а, участвуя в этих замечательных службах, молясь Спасителю и Его Пречистой Матери, подготовиться к тому, чтобы, пройдя через скорби, которые обязательно грядут на нас, войти в Царство Небесное.

И на этом пути нами управляет Божия Мать. Она наша Предстательница, Она указывает нам крестный путь. На Своей «Державной» иконе Она держит в руках Крест, как царский скипетр. Этот скипетр царский в Крестопоклонную неделю лежит здесь, посреди храма, напоминая о том, что нам с вами тоже предлежит крестный путь и что путь этот и в начале своем, и в середине, и в конце всегда обязательно являет утешение и радость от Бога.

С этой все превосходящей, неземной радостью – ибо не земная скорбь вспоминается в дни установления этого праздника, – с этой небесной, всепобеждающей радостью я и поздравляю вас. Дай Бог, чтобы радость эта всегда была в наших сердцах. Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 14 марта 1991 года, вечер

Великий Четверг

Следуя по стопам Учителя нашего и Господа Иисуса Христа, мы по милости Божией дошли до Великого Четверга – дня, в который Господь дал Церкви, состоявшей тогда всего из двенадцати человек, Свое завещание. Он знал, что скоро будет предан и начнется Его крестный путь. Обычно, когда время кончины близко, человек делает завещание – и такое завещание сделал Господь Своим ученикам.

Христа всегда окружали не только ученики, а разные люди. Так же и сейчас. Мы все сегодня собрались у престола Божия, на котором почивает Пречистое Тело Христово, но совсем не все из нас являются учениками Христовыми. Некоторые даже вообще Христа не знают. Они пришли к Богу, Который им неведом, зная лишь, что встретиться с Ним можно в храме Божиим. И они пришли в храм, потому что хотят получить от Бога милость. А есть среди нас такие, которые легко готовы отречься от Христа. Есть и такие, которые отрекаются, а потом вновь возвращаются к Нему. Есть и верные ученики Христовы, есть и слабые, малодушные. Все-все точно так же, как две тысячи лет назад.

И слова Христовы обращены не ко всем, потому что совсем не все ходящие в церковь спасутся и даже не большинство – спасется малое стадо. Господь сказал: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное». Только ученик Христов, да и то не каждый. Многие не смогут так прожить жизнь, чтобы не предать своего Учителя. Соблазны этого мира и те грехи, те страсти, которые есть в душе, ближе их сердцу, чем благодать Божия, чем Царствие Небесное. Поэтому завещание Христа Спасителя относится не ко всем.

Ко всему человечеству обращены заповеди Моисея: почитай Единого Бога, хотя бы раз в неделю приходи в храм, чти отца и мать, не твори себе кумира, не блуди, не воруй, не убивай, не ври, не завидуй – и будешь нормальным человеком. А от христианина требуется нечто большее. Ученики Христовы должны друг другу умывать ноги, причем самый старший

должен умывать младшим. Или, как апостол Павел говорит: мы, сильные, должны «немощи немощных носить». Если ты хочешь быть близким Богу, близким Христу, ты должен служить – как и Господь пришел не для того, чтобы Ему послужили, а чтобы Самому послужить. Ученик не больше учителя, поэтому те, кто хотят быть учениками Христовыми, должны поступать, как поступал Он. Только им дано это завещание, потому что, пока человек ворует, блудит, клеветает, врет, в храм не ходит, о нем вообще речи нет, это не человек еще, он еще живет по законам джунглей, как зверь.

Завещание Христово обращено лишь к тому, кто уже стал нормальным человеком и кто хочет небесного совершенства. Как однажды некий юноша подошел ко Христу и говорит: «Хочу вечной жизни». Господь сказал: «Соблюдай заповеди». «Я соблюдаю их с детства», – говорит. «Хорошо, – сказал Господь, – хочешь быть совершенным – все продай и следуй за Мной и будешь Моим учеником». Но этот юноша был очень жадный и не смог своей жадности преодолеть, поэтому ничего у него не получилось. А ученик Христов должен всю свою жизнь отдать на служение Богу и ближним. Отдать от самого начала и до самого последнего конца, потому что быть учеником Христовым – это значит стяжать любовь. А любовь, по слову апостола Павла, своего не ищет – никакой своей малейшей выгоды, ни пользы, никаких своих мечтаний, ничего себе, а только чтобы послужить Христу.

Господь не любил много говорить, поэтому в Евангелии апостолы не так уж много передают Его слов, но изображают очень много поступков, которые Господь совершал на глазах у них и они запечатлялись в их памяти. В этих поступках тоже заключалось Его учение. И в Великий Четверг, зная, что приблизился страшный час, когда Он будет предан, Христос взял таз, полотенце и стал умывать ноги ученикам. Это их так поразило, что Петр даже стал Ему препятствовать. Он был человек очень горячий, поэтому сказал: «Не умоешь ног моих вовек» – так это его смутило. Кто Ты – и кто я, ничтожество! Петр прекрасно помнил тот благоговейный ужас, который обуял его, когда они поймали много рыбы, и как он сказал: «Выйди от

меня, Господи! потому что я человек грешный», то есть я не могу даже рядом с Тобой стоять, я весь трепещу. И вдруг Он, Господь, умывает ему ноги, как самый последний раб!

Апостолов это так поразило, что они запомнили это навсегда. И если мы хотим быть учениками Христовыми, мы тоже должны запомнить это навсегда. Если мы хотим Царствия Небесного, если мы хотим быть Христовыми учениками, мы должны идти этим завещанным нам путем: учиться умывать друг другу ноги, относиться друг к другу с кротостью, с любовью, с желанием послужить во что бы то ни стало. Наше сердце должно быть милостивое, наполненное любовью, сочувствием.

А второе, что Христос сделал – Он собрал учеников в Сионской горнице, чтобы совершить с ними Пасху. И этой ветхозаветной, иудейской Пасхе Он придал совершенно другой смысл. Иудеи на Пасху поедали агнца, молодого непорочного ягненка, в воспоминание о том, как Господь через Моисея вывел их из Египта в землю обетованную. А Господь установил Новый Завет в Своей Крови: Он выводит всех Своих учеников из жизни плотской в жизнь духовную. Земля обетованная – это Царствие Небесное, которое начинается уже здесь, на земле. Соединение земли с небом происходит вот на этой пасхальной службе, которую христиане стали называть Евхаристией, что значит «благодарение». Это та служба, которую мы совершаем каждый день и на которой каждый, кто перестал быть животным и желает быть учеником Христовым, может встать на путь небесной жизни, приобщиться к небу, приобщиться к благодати Божией.

Тогда, в Сионской горнице, Христос, указывая на хлеб, сказал ученикам: «Сие есть Тело Мое». Указывая на чашу, сказал: «Сие есть Кровь Моя». И благословил их. И каждый день во всех православных церквях Господь творит то же самое. Священник, посвященный на это Самим Богом, указывая на тот же хлеб и то же чистое вино, говорит, что это есть Тело Христово, а это есть Его Кровь, и молится вместе с народом. И по вере их и по благословению Божию Дух Святой приходит и Дары эти претворяет в Тело и Кровь Христа Спасителя. И каждый верный Христу может приступить к Чаше жизни и

вкусить от нее – с целью соединения. Причастие есть свидетельство того, что человек по благодати соединяется с Самим Христом Богом, а через Него со всей Пресвятой Троицей.

Чудесное таинство! Грешный человек, но желающий приобщиться жизни небесной, может начать эту небесную жизнь уже здесь. Поэтому ученик Христов, вставший на путь умовения ног, стремится приступать к Чаше жизни постоянно, он не может без этого жить. А если человек не ощущает в себе потребности в пище небесной, значит, он просто чужд Церкви, чужд Евангелию и чужд Христу. Хотя того, кто не согрешает смертно, Церковь и не отлучает от причастия за то, что он редко причащается, но редкое причастие – свидетельство равнодушия ко Христу, нежелания быть с Ним, нежелания иметь с Ним общение. Потому что для тех, кто любит друг друга, естественно быть всегда вместе. Недаром Тайная вечеря уподобляется в Евангелии браку, потому что не бывает теснее общения, чем в супружестве, где муж и жена становятся одним телом. Поэтому служба, которую мы совершаем, подобна браку, где душа христианина, как невеста, приходит к своему Жениху Христу и они соединяются вместе в любви во веки веков.

Общение со Христом в таинстве Евхаристии есть второе самое главное завещание Христа Спасителя всем Его ученикам. Если будете есть Мою Плоть и пить Мою Кровь, не увидите смерти вовек, перейдете от смерти в жизнь, а если не будете, то не имеете части со Мною, сказал Господь. И, постепенно очищая свои мысли, достигая чистоты сердечной (потому что греховные свои поступки мы уже должны давно оставить за порогом храма), мы через таинства приобщаемся к Сыну Божию, а через Него – к таинственной жизни Пресвятой Троицы. И по мере очищения нашего сердца приобщение это делается все более глубоким и полным, до тех пор пока мы тоже не станем сынами Божиими, как Христос.

Каждый человек призван к тому, чтобы стать Христом, помазанником Божиим, носителем благодати Божией, Богоносцем и Христоносцем, и совершается это не силою человеческой, а силою Божией, которая подается человеку в

святом причащении. Поэтому каждый ученик Христов устремляется к Чаше постоянно. Это средоточие всей его жизни, без этого он не мыслит своего существования, это цель и смысл всего его бытия. Если же этого стремления нет, значит, он просто не христианин, и это очень печально. А если человек не имеет такой любви ко Христу и все же причащается Святых Христовых Таин, то это еще и опасно, потому что он не благодать Божию воспринимает, а сжигает свою душу. Если ты не встал на путь умовения ног другому, на путь смирения, на путь достижения любви, если ты живешь обычной мирской жизнью, как прочие человецы живут, а хочешь причащаться – тогда, значит, ты просто не понимаешь, что такое причастие. А тот, кто не понимает, чего он причащается, тот в суд себе ест и пьет, как сказал апостол. От этого многие внезапной смертью умирают и часто и сильно болеют.

Почему так? Неужели Бог – это зло? Почему, прикоснувшись к Богу, можно умереть или тяжело заболеть? Дело вот в чем. В Церкви издавна установлен благодатный обычай перед каждым причащением исповедоваться, очищать свою душу. В таинстве покаяния человек отделяет себя от греха. Глядя на себя в зеркало евангельское, он всматривается в свою душу и видит, в чем его недостаток по сравнению с тем, чего требует от него Господь, и свидетельствует перед Церковью в лице священника: я недостаточно еще управил жизнь свою в Царствие Небесное, я согрешил вот этим и этим, и я прошу тебя: прости мне, так как ты имеешь власть разрешать грехи, разреши мне этот грех для того, чтобы я имел возможность его преодолеть; я хочу приобщиться ко Христу, потому что только Он Спаситель, без Него я спастись не могу, Он для того и в мир пришел, чтобы меня спасти; я, как кровоточивая, пусть и не имевшая права касаться никого, хочу все-таки прикоснуться к Нему, потому что я хоть и сознаю себя нечистым, но я жажду этой чистоты.

И когда человек вот так отделяет себя от греха, благодать Божия, которая подается ему в таинстве покаяния и в причастии, весь этот грех сжигает, потому что Бог есть огонь, сжигающий всякую нечистоту. А если человек не кается в грехах,

не борется с собой, а продолжает свою обычную, греховную жизнь, живя так, как живут прочие люди, не стремящиеся к Царствию Небесному, тогда все это остается в его душе – и огонь, который призывается поглотить его грехи, сжигает их там, внутри. Есть даже такое понятие: сожженная совесть. Поэтому страшно причащаться без покаяния, без желания сегодня же исправить свою жизнь в том, в чем ты осознал; безумно, слепо, во что бы то ни стало причаститься неизвестно чего, чего ты даже не понимаешь; причаститься только потому, что Великий Четверг, потому что Пасха, потому что день рождения, потому что именины или там еще что-нибудь.

И если священник иногда отлучает – что сейчас бывает редко – от причастия, это не оттого, что он злой или жадный. Нет, Чаша эта не принадлежит священнику, хотя он и является хранителем таинств Христовых. Священник не может причащать человека, явно согрешающего смертными грехами, потому что жалеет его и не хочет, чтобы огонь небесный сжег его на месте. Поэтому он старается увещевать этого человека, остановить его в грехе, заставить одуматься – и только тогда иметь дерзновение приобщиться Святым Христовым Таин, хотя, конечно, все этого недостойны, даже сам Василий Великий о себе так говорил. И тогда благодать, которую человек получит в таинстве, подаст ему силу, чтобы сделать следующий шаг навстречу к Богу, потому что сам себя очистить он не может.

Мы очищаемся от грехов Кровью Христовой, и ничем иным. Поэтому отношение человека к причастию – это отношение его и ко Христу, и к Евангелию, и к заповедям, и к Царствию Небесному. Это есть некий камень, на котором человек выправляет свое благочестие. И по тому, как он готовится к причастию, по тому, как часто он желает причащаться, по тому, как он к этому относится, по тому, что с ним происходит после причастия, можно совершенно определенно сказать, насколько он ко Христу близок или далек от Него. И совершенно понятно, что формальное причастие ничего не дает. Напоминание всем нам – Иуда, который причастился, и в него вошел сатана, потому что он, имея в душе намерение предать, все-таки дерзнул приобщиться Таин Христовых. Поэтому любой из нас,

кто подходит к Чаше, не имея намерения исправить свою жизнь в том грехе, который он осознал, в том, в чем она не соответствует евангельскому призыву, «суд себе яст и пиет» и является иудой, предающим Христа.

Зачем такой человек вообще пришел сюда? Зачем Иуда оказался на Евхаристии? Господь несколько раз его увещевал: остановись. Нет, он все-таки это сделал, и кончилось это страшным событием, после которого нет возврата, потому что хуже самоубийства нет греха. Поэтому если мы причащаемся без страха Божия, без желания исправиться, а только чтоб во что бы то ни стало причаститься, совершенно не рассуждая, что это есть «огнь поядющий», то вместо Царствия Небесного мы получаем геенну огненную, которая будет разгораться в нашем сердце. Господь сказал однажды: «Не мир пришел Я принести, но меч», причем обоюдоострый. Поэтому все таинства, установленные Христом Богом, обоюдоострые – как скальпелем можно сделать и блестящую операцию, а можно, если он окажется в других руках, и погубить человека.

Господь указал нам путь. И сегодня, читая Евангелие, воспевая стихиры, мы молитвенно вспоминаем день, когда это случилось. А вчера мы читали канон о том, как это все происходило, чтобы вновь и вновь задуматься над своей жизнью: кто я такой? человек я или зверь? ученик ли я Христов или просто часть праздношатающейся публики, желающей от Бога только здоровья и мирского благополучия? хочу ли я Царствия Небесного или я хочу пожить хорошо и богато? что мне от Бога надо: хорошего к себе отношения людей или любви Божией? к чему я стремлюсь? как я Богу служу? в чем управлена моя жизнь?

Задуматься, поставить себе эти вопросы, почитать Евангелие, сравнить с ним свою жизнь. И если совесть в нас еще жива (а это отнюдь не во многих, некоторые даже и не знают, что такое совесть, она вообще у них никак не шевелится, поэтому они обычно себя считают во всем правыми, а всех вокруг виноватыми – и это уже смерть души), – но если совесть жива, тогда, все время оживляя ее в себе, все время возгревая в себе любовь к Богу, устремляясь к Царствию Небесному, мы

должны устремляться к Чаше, каяться в грехах, не просто их перечисляя тупо день ото дня, а от каждой исповеди совершая некий пусть и маленький, но все-таки шаг к чистоте и к свету.

Господь сказал: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». В чем наше сокровище? что занимает наши мысли? чему принадлежит наше сердце? Ищите прежде Царствие Небесное, а остальное вам приложится, говорит Господь. Если мы верим Ему, то мы будем искать Царствие Небесное. А если не верим, тогда это невозможно, потому что Христос требует от нас невозможного для обычного человека.

Как это – любить врагов? Это вообще непонятно. Или ударят по правой – подставь левую? Или ноги умыть? Буду я еще ему ноги умыть, ишь какой нашелся – вот обычное наше произволение. А Христос пришел дать некий высший идеал. И понятно, что обычному, среднестатистическому человеку выполнить это нельзя. Но по благодати Божией можно. И мы, слава Богу, имеем десятки и сотни тысяч людей, которые засвидетельствовали своей жизнью, что это можно, и нужно, и было, и будет всегда. Пусть среди населяющих сейчас планету таких людей не так уж и много, но только они наследуют Царствие Небесное. Только они.

И каждый из нас в ту меру, которая ему возможна и доступна для его ума, и сердца, и воли, тоже должен исполнить в своей жизни это завещание Христа, состоящее из умовения ног друг другу и осуществления любви к Богу и к ближнему через Кровь, которая является Новым Заветом, установленным Господом для всех нас. Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 4 апреля 1991 года

Всенощное бдение под Антипасху

Христос воскрес!

Святая Церковь живет переживанием события, которое не укладывается в уме, – события Воскресения Христова. Действительно, если над этим размышлять, то человеческому поврежденному уму очень трудно проникнуть в эту тайну. Апостол Павел сказал: если Христос не воскрес, то вера наша тщетна. Поэтому то, что Христос жил как человек, умер на Кресте и воскрес, есть самое главное, что составляет суть нашей веры.

Человечество знает много исторических персонажей, легендарных и полуполулегендарных, и некоторые из них явились основателями целых философских течений или даже религий. Но представим себе на секундочку, что не было бы Мухаммеда. И окажется, что не так уж важно, был Мухаммед или нет, главное, что есть ислам, есть определенный закон, которому можно следовать. Или представим, что не было Моисея, а Тору написал кто-то другой. Но это же не так важно, главное – заповеди, главное, что они от Бога и что можно их читать. Еще проще с буддизмом: совершенно неважно, был ли Будда, принц Гаутама, или не было его, главное, что есть стройное, разветвленное учение, которое как система вполне работает, и поэтому у него много последователей. А существуют еще и целые системы, которые не имеют основателей.

Но с христианством так не получается. Если нет Христа, тогда все, чем мы тут занимаемся, не имеет никакого основания. Все религии («религия» – от слова «связывать») пытаются связать человека с неведомым Богом. Есть такие религии, в которых учение о Боге разработано, а есть такие, в которых о Боге вообще ничего не сказано. Но христианство отличается от них и по сути не является религией, потому что ему не надо никого связывать. Бог уже пришел, и Он жив, и Он действует, и Он здесь пребывает: вот здесь, в нашем собрании, Он есть. Нужно только поверить этому – и на этой вере уже строится совершенно иная жизнь и иные отношения с Богом.

Нам не нужна цепь упражнений, чтобы достичь какого-то озарения. Достаточно верить тому, что мы Ему говорим, а Он нас слышит, – и больше ничего. Потому что Он с нами пребывает «во все дни до скончания века».

Это нам дано даром, и не только нам, а и всему человечеству. Но приобщиться к этому может, конечно, только тот, кто в это верит не сомневаясь. Поэтому мы имеем огромную власть. Господь так и сказал: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе». Церковь на земле является уже Небесным Царством. И каждый, кто сумеет углубиться в жизнь церковную, входит в общину Христа, становится Его учеником, начинает ходить с Ним вместе и начинает исправлять свою жизнь до тех пор, пока не получит силу свыше, пока не родится свыше, пока не получит дар Святого Духа. Поэтому нам не нужно ничего того, что обещают прочие религии. Здесь, в Церкви, уже реализовано все, от начала и до конца, уже все дано заранее, и нужно только уметь это воспринять. А для этого, конечно, необходимо приложить некий труд.

Господь сказал: только чистые сердцем узрят Бога. Поэтому труд христианский, труд ученика-христианина должен заключаться в том, чтобы очистить свое сердце. «Сердце» в переводе на русский язык – это «середина», сердцевина всего нашего естества. Что в нас самое главное? Дух, то есть то, в чем отпечатлевается наша личность, сотворенная по образу и подобию Божию. Все мы очень разные, настолько разные, что никогда на земле не было такого человека, который был бы полностью похож на кого-то из нас. Мы все абсолютно уникальны. Господь творит Свою красоту совершенно несимметрично.

Когда мы посмотрим на любое творение Божие, мы увидим, что везде красота, гармония. Господь как-то, в силу Своего могущества, умудряется даже видимо несимметричный хаос показать как красоту. Поэтому все, что создал Бог, удивительно сгармонизировано. И каждый из нас со своей индивидуальной неповторимостью нужен Богу. Для каждого из нас есть на небесах определенная, уготованная ему обитель, в которую он

должен войти. Но поскольку мы обладаем также божественной свободой, не все туда войдут, потому что некоторым зло окажется все-таки милее.

Каждый человек ежедневно совершает выбор между добром и злом. Например, знает человек, что нехорошо про другого говорить плохо, и все-таки говорит. Почему? Потому что ему хочется осудить, хочется другого унижить и тем самым возвысить себя. От чего такое желание? От гордости, а гордость – от диавола. И насколько диавол покори́л сердце человека, настолько он и хочет другого осуждать и унижать, тем самым себя как бы делая лучше. И если сладость этого греха не будет преодолена, значит, человек уже не сможет быть учеником Христовым, потому что ученик Христов должен стараться всем послужить, ни в коем случае не считать никого хуже себя, стараться принимать с любовью каждого, даже если это его враг. «Если враг твой голоден, накорми его», – говорит Священное Писание. Поэтому если мы хотим быть учениками Христовыми, то, несмотря на бушующую в нашем сердце злобу, мы должны ее отлагать, должны ее в себе побеждать. Понятно, что это трудно, и это дается только очень сильной верой – верой в то, что истина должна победить, что все равно Христос в нас победит.

И если мы таким образом будем свою жизнь управлять, то постепенно она будет очищаться. Это очищение начинается с поступков: сначала надо перестать делать плохие поступки. Но этого еще недостаточно, потому что любой фарисей, который, пальцем показывая на истерзанного Господа, кричал: «Распни, распни Его!» – он в этом нас вполне превосходил. Фарисеи внешне были людьми очень нравственными и порядочными. И среди тех, кто нас окружает, мы тоже видим много людей порядочных, не совершающих плохих поступков, очень вежливых и приличных. Но ни один из этих вежливых, приличных людей, хороших, может быть, семьянинов в Царствие Небесное не войдет.

Многие говорят: я ничего плохого не делаю, я никого не убил, не ограбил – значит, я хороший человек. Но ни один хороший человек не войдет в Царствие Небесное. В Царствие

Небесное входят только кающиеся грешники. Потому что если человек себя считает хорошим, значит, он слепой, значит, у него нет духовного зрения. Про таких Господь сказал: «Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза». Почему человек не видит своих грехов? Потому что в каждом глазу у него бревно. Потому что стоит вынуть бревно – и он увидит в себе миллиард грехов. А если человек не видит в себе миллиарда грехов, то тогда он пока еще слеп. «Фарисей слепой!» – говорит Господь.

Если человек не видит грехов, как он может очиститься? Никак. Погиб такой человек, безнадежно совершенно погиб. А человек кающийся, хотя, может быть, у него грехов и больше, чем у этого праведника, но он может достичь Царствия Небесного, потому что он будет омыwać все время свою душу. Такого спроси: в чем ты грешен? – и он начнет говорить и будет говорить в понедельник, во вторник, в среду, четверг, пятницу, пока не упадет от изнеможения или ему не скажешь: хватит, я больше не могу слушать. Потому что если человек имеет духовное видение, то он видит свои грехи, как песок морской. Вот взять на пляже горсточку песка и начать считать – и этого упражнения хватит на месяц. А если человек не видит в себе грехов, то это значит, что он духовно мертв, он просто труп, он ничего не чувствует. К трупу сколько ни обращайся, он лежит себе абсолютно холодный, он не понимает, в чем ему надо каяться, в чем надо исправляться, он не видит пути, он слеп.

И вот начинать очищение надо с поступков. Но изменение поступков не есть еще духовная жизнь. Духовная жизнь начинается тогда, когда человек захочет, по выражению евангельскому, очистить «внутреннее сткляницы» своей души: не только внешне быть приличным человеком, но именно изнутри таким стать. Тогда он больше внимания будет уделять не тому, как он выглядит, что про него люди скажут, как к нему относятся, а именно тому, кто он есть по сути. Потому что человека будет занимать только то, что видит проникающий взгляд Божий, который устремляется в его сердце. Такой человек всегда стоит перед Богом, он видит, что Бог все знает, все видит, и ему стыдно перед Ним: он стыдится своих

помыслов греховных, если он в них медлит, стыдится своих греховных чувств.

Такой стыд – это есть страх Божий, который очень легко потерять, но очень трудно стяжать, ему очень трудно научиться. Но только он, этот стыд, и есть начало спасения. «Начало премудрости страх Господень». Без этого никак невозможно угодить Богу. Человек должен заботиться о том, каким он выглядит перед Богом, а не только внешне, потому что внешне – это перед людьми, это человекоугодие. Людей слишком много, чтобы им всем угодить; это совершенно невозможно. Господь так и говорит: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!» Можно этому угодить, этому угодить и так в бесконечном угождении все-все потерять.

Поэтому христианин должен всегда стоять перед взором Христа. И конечно, на этом пути его ждет очень трудная борьба и с искушениями, и со всякими чувствованиями, и с постоянным желанием своего. Поэтому очень важно каждому из нас прийти в себя. Потому что очень многие из людей, ходящих в церковь и по виду вроде бы желающих духовной жизни, на самом деле внутренне давно ее отверглись и желают и в Церкви получить ту же самую усладу: то, чего не нашел человек в миру, этой же утехы он ищет в Церкви.

А спасение души – это совсем другое. Оно заключается в отвержении всякого мирского обычая. Конечно, отвержение это происходит постепенно, от простого к сложному, от внешнего к внутреннему. Если человек не умеет еще просто молчать, просто не сквернословить, просто раздраженным тоном не говорить – как ему очиститься от греховных мыслей, от чувств? Понятно, что нужно для начала хотя бы перестать быть хамом, грубым человеком, медведем, а потом тебя уже примут в человеческое общество, а потом, может быть, ты станешь и человеком духовным.

Путь этот очень трудный, но зато велика награда. Она заключается в том, что Сладчайший Иисус будет для тебя совершенно открыт, Он будет тебя научать через благодать Божию, ты всегда будешь с Ним, потому что Пресвятая Троица сотворит в твоём сердце обитель. И нет в мире высшего

блаженства. И ради этого блаженства нужно пожертвовать всем. Поэтому Евангелие говорит: «Царство Небесное подобно купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее». Поэтому чтобы достигнуть этого, нужно употребить все силы своей души, весь, выражаясь техническим языком, свой ресурс, или, языком евангельским, – весь свой талант. Вот сколько тебе отпущено Богом, сколько возможно твоему сердцу любить, сколько есть у тебя решимости, чтобы отвергнуться себя, сколько у тебя есть мужества идти за Христом, ради Него идти на все, на любое страдание – столько и отдать.

Но мы люди-грешники, поэтому для нас отлепление от греха есть страдание. Страдание, предпринятое ради Христа. И если мы готовы идти на это страдание, готовы от сладости греха уклониться, тогда мы сможем быть Его учениками. И тогда мы познаем, что иго Его благо, а бремя Его легко. Вначале, когда человек не имеет еще решимости, колеблется, ему трудно бывает отказаться от греха, он думает: как я могу без этого обойтись? Но если веруешь, то Господь сказал: «Все возможно верующему».

Вот веруешь, что, если пойдешь по пути греха, тебя ждет геенна огненная? Если ум твой постигает эти слова, пожалуйста, подставь палец к горящей свече и посмотри, много ли ты сможешь выдержать. Секунду подержал и уже кричишь, тебе больно? А как ты выдержишь тогда вечный огонь? Не сможешь выдержать? Тогда и нечего грешить! Если веруешь, тогда иди за Христом. Не надо, как Иуда, грешить, если уж тебя Господь избрал. Иди путем веры, благодари Бога, что Господь позвал тебя, сделал Своим учеником, поставил перед Собой. Потому что хотя этот путь и труден, но очень уж сладок, если кто по нему идет достаточно долго. Те люди, которые уже при жизни достигли осияния благодатью Божией, свидетельствуют об этом. Они сейчас редки между нами, совсем редки, когда-то их было больше, но, слава Богу, у нас за плечами вся история Матери нашей Церкви, и мы видим множество святых угодников Божиих, которые стяжали благодать Божию и прямо нам засвидетельствовали, как это все будет.

Но опять: веруем мы им или не веруем и эти все их слова для нас пустой звук? Почему так? Разве Господь нас мало убеждал в том, что Он есть, и что Он истинен, и что Он промышляет о нашей жизни? Нет, достаточно. Каждый из нас может назвать десятки свидетельств, когда Господь ему Себя являл. Следовательно, если мы уклоняемся от Бога, то в силу лукавства нашего сердца, в силу того, что наше сердце изменчиво, в силу того, что оно лживо, в силу того, что оно непостоянно. А раз мы таковы и не хотим это свое лживое и непостоянное сердце исправить, значит, мы сами добровольно отвергаемся благодати Божией; мы удовлетворяемся вот таким простым хождением в церковь: чтобы правило читать, яйца красить на Пасху, время от времени причащаться, время от времени на исповеди говорить одно и то же. Как мы жили в грехах, так десятилетия за десятилетиями проходят, и ничего не меняется, мы к Богу не приближаемся, и нам этой жизни хватает.

Если тебе этого хватает – пожалуйста, но только это не есть духовная жизнь, не надо обольщаться, потому что в Евангелии говорится совсем о другом. Конечно, мы вряд ли можем достичь того, чего достигли святые отцы или апостолы, но в свою меру каждый может и должен достичь, а у нас и этого нет. У многих из нас уже голова седая, а они до сих пор не умеют себя просто вести элементарно, то есть не достигли еще праведности фарисеев. Но Господь сказал: если вы не превзойдете «праведности... фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное». А апостол Павел даже перечисляет, какие люди никогда не войдут в Царствие Небесное. Это все совсем не шуточки.

Конечно, неплохо в церковь ходить, это хорошее времяпрепровождение, лучше, чем телевизор смотреть, безусловно. И любой доктор, и генеральный директор телевидения вам скажет, что в церковь, конечно, ходить лучше, это каждый знает. Но нужно, чтобы от этого хождения был какой-то толк. А толк есть только один: Христос пришел на землю, чтобы дать нам свет, просветить наши души, чтобы свет Христов был у нас внутри. И надо душу свою очистить, чтобы свет этот

исходил изнутри наружу. Господь так и говорит: «Да просветится свет ваш пред человеки, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». А вот этого-то у нас и нет: у нас и поступки нехорошие, и слова нехорошие, и мысли нехорошие, и чувства нехорошие, и мы как-то вполне с этим соглашаемся, удовлетворяемся и никак не хотим идти вперед.

Вот это очень плохо. Если не будет у нас подвига («подвиг» – от слова «движение»), то мы погибли. Потому что Царствие Небесное есть процесс постоянного спасения, постоянного движения. Пусть это движение будет очень малым, пусть оно будет совершенно микроскопическим, но само направление нашей воли к свету будет свидетельством о нашей хоть и малой, но вере. И если, несмотря на абсолютно полную духовную немощь, мы все-таки стараемся двигаться, то, как Господь сказал: «Стучите, и отворят вам», – если в нас не оскудеет вот этот стук, то тогда Он нас спасет.

Не сами спасемся, упаси Бог так думать. Если кто-то по безумию своему думает, что он спасается сам, что он просто оказался в Церкви потому, что чего-то достоин или что-то заслужил, это самая страшная ересь. Мы все здесь ради Христа, мы все здесь нищие, убогие, нас Господь по распутиям, халупам собрал духовно хромым, глухим, горбатым, убогим, кривым, потому что избранные оказались недостойны. Вот поэтому нас Господь созвал, поставил здесь. И нам теперь нужно трудиться над тем, чтобы найти себе брачную одежду, чтобы быть достойными этого пира веры. Вот для этого мы все и собираемся. И если мы действительно этого хотим, если действительно это есть жажда и любовь нашего сердца, то мы этого достигнем. Если нет – то нет. Двери закроются, и Господь скажет: отойдите, Я не знаю вас. Поэтому если кто еще колеблется, кто еще думает, что можно как-то ни шатко ни валко, как-то боком чего-то достичь, то нет, не надо даже и надеяться.

Господь сказал фарисеям-праведникам: мытари и блудницы предваряют вас в Царствии Небесном. Потому что бывает, что человек хоть и грешил в своей жизни, но он живой, он хочет освободиться от греха, он хочет чистой жизни – и любой

восхотевший чистой жизни от любого греха может освободиться. А можно быть вполне приличными людьми, никого не обижать и быть очень хорошими, приятными собеседниками – но Царствия Небесного не увидеть как своих ушей.

Христос пришел, стоит среди нас, и каждое сердце, даже отягченное грехом, это чувствует. Он пришел, чтобы нас спасти, Он нам протянул обе руки, раскинул на Кресте руки, хочет всех нас принять в Свои объятия. Поэтому если мы не ринемся в Его объятия, то значит, нам это не надо, значит, в этом мире что-то есть для нас более привлекательное. Ну и хорошо, и выбирай, что для тебя дороже; что для тебя милее, к тому и стремись. Просто тогда не обольщайся, потому что Бог никого не наказывает: рай там или ад. Человек сам выбирает, сам. И каждый день мы выбираем, что для нас важнее: благодать или блуд; воровство, хамство или смирение и кротость. Каждый сам выбирает, что ему по сердцу. Из сокровищницы сердца своего человек выносит доброе или злое.

А как проверить, что там у человека внутри? Для этого надо его достать. Поэтому Господь говорит: люби врага. Потому что никто тебя не достанет так, как враг. Один только враг может найти тебе такие слова, самые наобиднейшие, только он может сочинить, придумать, как бы тебя побольнее уколоть. И вот тут-то твоя душа и покажет, что в ней там, внутри: злоба, раздражение, желание отомстить или смирение и любовь, терпение и желание как-то все умиротворить. Сразу суть-то твоя и вылезет. Все очень просто. Поэтому Господь нам помогает, Он нам посылает испытания, попускает искушения, чтобы каждому из нас продемонстрировать, кто мы есть на самом деле.

А то многие думают, что они, в общем, ничего, а на деле-то, когда искушение появляется, сразу и видно, кто они есть. Так вот запомни, запиши на бумажке, кто ты есть, и начинай в этом каяться – то есть исправься в этом. Не надо думать, что ты ничего. Это совсем неправильно. Стремись к тому, чтобы увидеть свои грехи, как песок морской, – и в этом положишь начало спасению. Помоги нам в этом воскресший Господь. Аминь.

*Храм Святителя Митрофана Воронежского, 13 апреля
1991 года, вечер*

Преполование Пятидесятницы

Христос воскрес!

В мире все изменяется: и времена года сменяют одно другое; и человек сначала маленький, потом стареет; и настроение у человека бывает то хорошее, то грустное, то совсем отчаянное. Неизменен только Бог, потому что Он вечен и в Нем нет «ни тени перемены». Бог есть абсолютное добро и любовь, и каждого из нас, сотворенного по Его образу и подобию, Он хочет ввести в это добро, чтобы независимо ни от чего: ни от нашего возраста, ни от состояния здоровья, ни от каких-то внешних обстоятельств, – то добро, в котором мы бы укрепились, также было вечно и мы вошли бы в жизнь вечную вместе с Богом.

Для этого Господь и пришел на землю, Церковь Свою основал. И Церковь Божия две тысячи лет продолжает Его дело: исцеляет больных, проповедует Евангелие Царства, приводит к вечной жизни. Однако люди, не укрепившиеся в добре, очень переменчивы. И сегодняшнее чтение Апостола дает нам прекрасный пример. Павел и Варнава, путешествуя с проповедью, пришли в некоторое селение, где был хромым человек, и исцелили его на глазах у всех. Это событие так всех поразило, что люди подумали, что это боги пришли на землю. Решили, что Варнава – это Зевс, а Павел – Гермес, и хотели им даже принести жертвы, так что Павел со всем своим красноречием еле-еле их уговорил, что они никакие не боги. А чуть позже из Антиохии пришли иудеи и убедили народ отстать от апостолов, потому что те не говорят ничего истинного, а все лгут. И так возбудили людей, что они побии Павла камнями.

Вот одни и те же люди сначала жертвы хотят приносить человеку как богу, а спустя некоторое время забивают его камнями. Самое обычное дело, так и в нашей жизни. Можно оказывать человеку разные благодеяния, и он будет с тобой дружить, тебя любить, но попробуй я уж не говорю оклеветать, а просто правду ему скажи о его поведении или о каких-то его мыслях – и все, увидишь злобу, увидишь, что нажил врага. И то,

что ты ему делал в течение десятилетий, будет забыто в две минуты, и никогда он твоего добра не вспомнит, а то мнимое зло, которое ты вроде бы сотворил, оно-то как раз и станет для него главным.

Это самая обычная история. Почему? Потому что каждый человек грешник и зло ему свойственно в силу его падения. Поэтому человек очень быстро отказывается от добра. А Господь хочет, чтобы мы в добре укрепились, чтобы мы стали действительно неизменны, неотлучны от добра, как Сам Бог. И для этого нужно стать христианами, для этого нужно учиться все время не поддаваться дьяволу, который нас искушает, хочет нас вывести из этого состояния, все время хочет раздражить, обозлить, ввести в уныние, в отчаяние. Мы должны стараться ради Бога быть твердыми, мужественными и всему тому злу, которое диавол нам предлагает или которое через людей на нас обращено, не поддаваться, а, наоборот, его преодолевать, отвергать и обязательно на зло отвечать добром. Тогда мы уподобимся своему Господу Иисусу Христу.

В Евангелии от Иоанна, которое мы сегодня тоже читали, Господь вопрошает иудеев: «Не дал ли вам Моисей закона? и никто из вас не поступает по закону». То есть заповеди есть, но люди по немощи все равно их нарушают, одни больше, другие меньше. «За что ищете убить Меня?» За что? Иногда один человек хочет убить другого даже без всякой видимой причины. Вот кто-то раздражает – ну так бы и убил бы! И когда этому благоприятствуют обстоятельства: например, когда государственная власть разрушается, – люди выходят на улицу и всех, кто их раздражает, начинают убивать. Вот идет кто-то навстречу, и человеку не нравится, что он в шляпе, – взял и убил. Или кто-то человека раздражил, а он встречает другого человека той же национальности – ну, говорит, они все такие – и убивает его совершенно не за то, что он виноват, а за то, что другой провинился.

И вот Христос пришел на землю и спрашивает: за что хотите Меня убить? Не за что. Только за то, что правду принес, принес любовь, принес иной порядок жизни. И конечно, как такого не убить? Это даже непонятно. Поэтому и Христа убили,

и Варнаву, и Павла убили. Это неизбежно, мир не может, ему очень тяжело такую благодать выдерживать. Но нам, если мы хотим быть учениками Христовыми, надо стоять в своей вере твердо. Что бы ни случилось, какие бы обстоятельства ни были, надо не давать диаволу ни пяди нашего сердца, ни пяди нашего ума – чтобы нами владел не диавол, а чтобы владел Христос.

Поэтому надо нам обязательно в свою душу заглядывать, смотреть: а что там, в моей душе – раздражительность, обида, уныние, отчаяние, зло, жажда мести? Что у нас там, желание настоять на своем? Или в нас другой совсем дух: кротости, милосердия, терпения, послушания, любви, прощения? Если так, то хорошо, а если нет, то что делать? Каяться надо, просить у Бога прощения, не соглашаться с этим злом, все время взывать: «Боже, очисти меня, грешного», не хочу такого зла, хочу быть хорошим, хочу укрепиться в добре.

И если мы будем укрепляться в добре, то диавол будет завидовать этому добру и будет постоянно на нас нападать. Если он не сможет внутри бурю вызвать – допустим, мы научимся уже преодолевать помыслы, преодолевать свои чувства скверные, нехорошие; этому трудно научиться, но возможно, и допустим, что мы сможем, – тогда диавол начнет извне на нас нападать: всякие люди будут к нам цепляться, придирааться, мучить нас, совершенно бессмысленные какие-то вещи производить.

Ну спрашивается, за что апостола Павла до полусмерти забивать камнями? Ведь он же был хотя и горячий, но очень хороший человек: вот видит, больной, хроменький с детства – взял его и исцелил. Не сам, конечно, исцелил, а Божией благодатью: попросил у Бога, и Бог его исцелил. То есть он был человек милосердный, сострадательный – спрашивается: за что камнями-то побивать? Ну не нравится, что он говорит, – не слушай. А зачем обязательно камнями, да еще до полусмерти, да потом еще из города выкинули, думали, мертвый, даже не похоронили, просто выкинули на помойку и все. Все потому, что человек поддается злу, постепенно ему следует и приходит в такое страшное состояние.

Но у нас так не должно быть. Нет никакой иной правды и справедливости, кроме правды и справедливости любви, и этому закону должно быть все подчинено. Потому что и Бог послал Своего Единородного Сына на смерть ради любви, чтобы спасти человека. И Сын Божий сошел на землю ради любви. Хотелось Ему умирать? Нет, не хотелось, поэтому Он до кровавого пота молился: «Отче Мой! да минует Меня чаша сия», но все-таки пусть будет воля Твоя, а не Моя. Кому охота умирать, а особенно человеку безгрешному, каким был Господь наш Иисус? По человечеству Своему Он никак не хотел умирать, но как Бог Он знал, что это сделать необходимо, чтобы нас спасти.

Или апостол Павел – он был духовный человек, при жизни до третьего неба был восхищен и заранее был извещен Богом о своей насильственной смерти. А для чего он это все претерпел? Был он гражданин Рима, человек знатный, образованный, мог стать первосвященником иудейским. Для чего он бросил все, всю жизнь трудился, своими руками зарабатывал на хлеб и только ходил и людей увещевал, проповедовал им Христа распятого? Им двигала любовь к этим людям. Однажды он даже молил Бога: Господи, лучше мне быть изглажену из книги жизни, лучше мне погибнуть, но чтобы народ мой любимый спасся.

Он любил этот народ, но по прошению его все-таки не получилось, потому что Господь не может нарушить свободу человека. Господь так любит и уважает каждого, что, если уж человек очень хочет в ад, Господь ему в этом не препятствует. Церковь есть? Есть. Все знают, где церковь? Все знают. И каждый слышал, что есть исповедь, каждый теперь знает, что существует Евангелие. Значит, если человек Евангелие не читает, если человек на исповедь не ходит, если человек не стремится к небу, он сам делает свой выбор и сам потом жнет, что сеял.

Конечно, тем людям, которые выбрали жизнь Христову, трудно, потому что, с тех пор как тысячелетнее царство Христа кончилось, царство антихриста уже бушует вовсю во всем мире. Не надо думать, что только у нас. В какой-нибудь Франции

гораздо хуже дело обстоит, чем у нас, в смысле духовной жизни или так называемой свободы. Это мы можем в школе Закон Божий начать преподавать, а попробуй-ка в Париже. Они там басни только рассказывают друг другу о свободе вероисповедания.

Поэтому очень тяжело христианам жить. Но с другой стороны, хоть и мало православных на земле, но все-таки они есть. И Господь сказал: «Не бойся, малое стадо!» Бояться нечего. Христос вообще пришел один. И все то зло в мире, которое было в каждом человеке, – Он один против него выступил. Потом, когда научил Своих апостолов вере православной, дал им благодать Святого Духа, они тоже выступили. Сколько их было? Всего двенадцать и еще семьдесят мужей. И хотя их убили, но число учеников Христовых от этого только приумножилось, и они победили этот мир, они усеяли весь мир церквями, они создали совершенно новую цивилизацию, на других, христианских основах. Кто сумел эти дикие народы поставить на самую высоту человеческой цивилизации? Только христианская жизнь их предков так развила их душу, ум, что они смогли создать науку, искусства, ремесла. Все, чем питается теперь Европа, – это все от Христа, своего-то в этом ничего нет, даже в технике, в науке. Почему такой науки нет в Азии, в Африке? Потому что там Христа не было.

Но мы теперь забыли Христа – и быстро дичаем. Все «достижения», все гнусности Азии, Африки и другого полушария – мы все впитываем, хотя то там, то там видно, что местами христианская жизнь еще осталась. И тем, кто остался, им, конечно, трудно все зло этого мира сдерживать. Но пока такие люди есть, не может дух антихриста победить, никак не может, потому что добро гораздо сильнее зла. Тьма – это ничто, это отсутствие света. Поэтому самый-самый маленький свет: вот спичку зажги в открытом космосе – и ее будет видно, эту спичку, за сотни километров, потому что она будет светить. И звезды, хоть они от нас и ужасно далеко, а свет от них мы видим, потому что этот «свет во тьме светит». И если бы каждый из нас сумел стать таким маленьким светом, то в этом страшном,

тяжелом, жутком мире стало бы всем светлей, всем бы стало теплей.

Вообще сейчас если еще и можно в мире жить, то только благодаря тому, что существуют храмы и в каждом храме обязательно два-три человека найдутся, которые стараются жить христианской жизнью. И именно эти люди и являются теми столпами, на которые небо опирается, не дают раздавить эту землю. А все остальное – это просто тьма, зло. И Христос хочет, чтобы мы количество света в мире увеличили. А для этого надо загореться самим – вот как свеча от свечи загорается, так и мы должны благодатью Божией, которая в Церкви содержится, зажечь свои сердца. Господь сказал: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»

Мы знаем, что находимся уже в конце человеческой истории, это очевидно. То, что когда-то было свято, над этим теперь люди глумятся, этого не понимают или воспринимают искаженно, поверхностно. Многие даже считают себя христианами, но посмотри на жизнь этих людей, посмотри на то, как они Христа изображают в своих книгах, и сравни это с иконой – и сразу видно, что это совсем не тот Христос, это какой-то другой совсем дядька, и ничего в нем от Христа нет. Вроде и похоже, но совсем не то. То есть идет подмена. А в духовной жизни ошибся на миллиметр – и уже мимо пролетел. Поэтому нам надо особенно стараться, особенно держаться.

Господь ведь знает, что нам тяжело. Господь знает и наши немощи. Господь знает, что мы плохо все воспитаны. Господь знает и то, что нас с детства никто толком не учил и никто нами не занимался. Но ведь Он Сам нас избрал. Мы не можем сказать, что мы сами своим умом дошли до веры. Нет, Господь как-то нас сумел к Себе привести, сумел к Себе привлечь. И от нас требуется только, чтобы мы ответили на Его призыв любовью, постарались быть достойными этого призвания.

Поэтому недаром один из апостолов стал иудой – это Господь нам на все времена дает знак: вот, Иуда оказался все-таки побежден злом, не смог устоять перед соблазном, взял деньги. И нет чтобы потом прийти, сказать: бес попутал, прости. Покаялся бы – и Господь бы простил. А он не стал каяться, не

стал просить прощения и дошел до самоубийства. Хуже, страшнее этого греха нет. Поэтому каждому из нас это знак, предупреждение. Так промыслом Божиим было попущено, чтобы всем нам явить, как мы опасно ходим. Сейчас ты вроде верующий, в церкви стоишь, имеешь приличный вид, а завтра вот так соблазнишься, дашь сатане войти в тебя – и все, и будешь ты иуда. И последнее будет горше первого, потому что это гораздо хуже. Лучше быть непросвещенным, быть в темноте, чем уже познать истину, а потом от нее отречься. Страшно, когда человек дает злу завладеть своим сердцем. Поэтому пока мы живы, мы должны мужественно стоять в своем сердце за правду, и Христос в нас победит. Помоги нам в этом, Господи. Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 1 мая 1991 года

Всенощное бдение под Неделю о слепом

Христос воскрес!

Неделя о слепом называется так по Евангелию, которое мы завтра будем читать на Божественной литургии. В нем говорится о том, как Господь дал очи человеку, рожденному слепым и никогда раньше не видевшему света. В кондаке этого дня поется: «Душевыма очима ослеплен, к Тебе, Христе, прихожду, якоже слепый от рождения». Действительно, с тех пор как Адам отпал от Бога – а Адам был человеком духовно зрячим, поэтому он видел Бога, – все люди стали рождаться на земле духовно абсолютно слепыми. То есть духовная жизнь для них закрыта совершенно, хотя внутри своей души они имеют возможность к раскрытию духовных очей.

Духовное зрение дает Христос. И цель жизни человека заключается в прозрении: чтобы ему прозреть духовно, чтобы узреть Христа. Каждый из нас тоже не сразу прозрел, но мы знаем, что Господь принимает всех: прозревших и перед смертью, и в детстве. Но бывает так, что человек вроде бы прозрел, а на самом деле нет, это все обманчиво, и он оказывается опять погружен во тьму греховную.

Что же такое духовное зрение, которое дает Христос? В чем оно заключается? Оно заключается в том, что человек очами своего сердца, очами души своей начинает видеть истину. И самое ближайшее, что он видит, – это грех в своем сердце. Обычно человек, который не познал Христа, греха в себе не замечает, ему кажется, что он вполне хороший: конечно, есть отдельные недостатки, а так я ничем не хуже других, ну, может, кто-то и поталантливее, и поспособнее, но, в общем-то, я довольно хороший. Вот такое обычно мнение о себе человека, и происходит оно от того, что он слеп. Если слепому дать рубашку и спросить, чистая она или грязная, – как он сможет определить? Для этого надо видеть.

Прозрение всегда начинается с покаяния: человек начинает видеть те грехи, которые есть в его душе, начинает их осознавать, начинает им ужасаться, начинает не соглашаться с

этими грехами и жаждать и алкать жизни другой, чистой. Вот с этого момента начинается прозрение. Преподобный Петр Дамаскин говорил: когда увидишь грехи свои, как песок морской, знай, что ты положил начало покаянию. Поэтому нам очень важно, для того чтобы прозреть духовно, просить у Бога покаяния. Только через покаяние Царство Небесное может приблизиться к человеку. В противном случае можно всю жизнь в церковь отходить, и все окажется напрасно. И многие люди ходят десятилетиями и так и умирают, не познавши Христа.

Спрашивается: как же это возможно? Что они, неверующие, что ли? Да нет, верующие. Дело в том, что у каждого нормального человека есть религиозное чувство. Кроме пяти чувств: зрения, осязания, обоняния, слуха, вкуса, – есть еще шестое, религиозное. Если человек полноценный, религиозное чувство у него обязательно имеется. И вот, повинуюсь ему, человек, родившийся в Индии, идет в индуистский храм; человек, родившийся в Сирии, идет либо в православный храм, либо в мусульманскую мечеть; человек, родившийся в Америке, идет в методистскую церковь; человек, родившийся в Италии, идет в католический храм; человек, родившийся в России, идет в храм православный; а японец пойдет в синтоистский храм. Потому что религиозное чувство, как и всякое другое, требует удовлетворения. Человеку хочется свечку поставить, постоять, о чем-то таком хорошем подумать, о своих усопших помолиться. Об усопших и китайцы молятся, и индусы, и мусульмане, и японцы-язычники. Ничего тут особенного нет, это свойственно людям всех абсолютно вероисповеданий.

Поэтому большинство людей, ходящих в православную церковь, ко Христу не имеют вообще никакого отношения. Просто чисто исторически сложилось так, что их в детстве крестили, и время от времени, повинуюсь своему религиозному чувству, они приходят в храм это чувство потешить. Любой человек, выходя из храма, скажет: у меня на душе легче как-то стало, мне хорошо, я успокоился, слава Богу. И он уверен, что он верующий. Конечно, верующий. Спроси у него: есть ли Бог? Конечно, есть. Только безумец говорит, что Бога нет. Это человек больной, слепой.

Слепой цветов не различает. А есть еще такая слепота, когда человек не чувствует никакой духовной жизни, у него в этом смысле какая-то мертвость чувств. Но все более-менее нормально устроенные люди религиозны. Поэтому когда человек не придерживается никакой веры: он не буддист, не мусульманин, не иеговист, не баптист, не православный, не католик, – кто он тогда будет? Он обязательно будет астролог или в НЛО будет верить. Ему нужно что-то сверхъестественное, чтобы свое религиозное чувство удовлетворять: он будет гадать, колдовать, к экстрасенсам ходить, чакры раскручивать, открывать себе глаз. Что-то такое ему обязательно надо, иначе он не сможет чувствовать полноценности своей жизни.

Но есть ли это жизнь духовная? Нет. Есть ли духовное прозрение? Никак нет, потому что это все самообман, это все жизнь плотская, душевная, это все не духовное. Только тот, кто сумеет приобщиться, живя здесь, на земле, к истинной духовной жизни, тот наследует жизнь вечную, тот будет вместе с Богом. А все другие религиозные системы – это есть более или менее сильные или слабые, но человеческие заблуждения, а иногда и просто бесовщина. Возьмем буддизм: вроде религиозные, нравственные нормы хорошие, а посмотришь на их иконографию, кому они поклоняются: драконы, хвосты, рога, – сразу все станет очевидно. Вот посмотри на Божию Матерь Владимирскую или Толгскую – красота небесная; а теперь на изображения монголов: клыки, рога, копыта. И видно, во что духовная жизнь может выродиться.

Если так порассуждать, сразу ясно, к чему какая вера ведет: к Богу или не к Богу. Хотя вроде все верующие и все молятся. Иной мусульманин получше нас молится. Мы кто два раза в день, а кто и раз в день – ленимся, а настоящий мусульманин пять раз в день молится обязательно. Но есть ли это вера спасающая, дающая зрение Бога? Нет. Поэтому нам надо прозреть, познать Христа, увидеть Его. Как евангельский слепой: он никогда ничего в жизни не видел, он был слепой от рождения. А Господь отверз ему очи, и только он открыл глаза – что он увидел? Он увидел перед собой Христа.

Что значит увидеть Христа? Это значит понять и принять умом и сердцем, что мы живем неправильно; это значит понять, зачем приходил на землю Сын Божий; это значит познать умом, и сердцем, и чувством своим, куда Он ушел. Познать, что есть Церковь Божия; познать ту благодать, которую дал Церкви Господь в день Пятидесятницы; познать Его слово, принять его в себя, всю жизнь изменить так, чтобы она соответствовала Его слову. А возможно это только тогда, когда каждый из нас действительно познает, что вот этот человек, который своими ногами ходил по земле, Он был не просто пророк, не просто хороший человек, а был Бог. Поэтому каждое Его слово – такой же непреложный закон, как закон всемирного тяготения, как любой закон физики, математики, химии, чего угодно, потому что Он – Творец всех этих законов. И надо нам Его закону добровольно подчиниться. Но понятно, что подчиниться можно только тогда, когда человек эту всю глубину осознает и примет.

Обычно мама или папа говорят своему дитяти: сделай это или не делай того. А дитя поступает наоборот: то, что просят сделать, не делает, а то, что просят не делать, делает. Почему так происходит? Что ему мешает слушаться? Мешает грех, который есть в человеке. Потому что ребенок духовно еще слеп, он не понимает смысла послушания, не понимает этой великой добродетели, не понимает замысла Божия: почему так Господь устроил, что человек маленьким рождается, зачем нужно послушание? А свято место пусто не бывает. Господь сказал: «Кто не собирает со Мною, тот расточает».

Но если мы не собираем с Ним, если мы не Христовы, то чьи мы? Этот вопрос имеет только один ответ: либо наш отец – Бог, либо наш отец – диавол. Другого нет. Болтаться посередине, к сожалению, невозможно, потому что это удел неодушевленных предметов – просто лежать при дороге. Вот лежит бревно, лежит кирпич, лежит патрон от разбитой лампочки. В этом куске металла или куске дерева нет жизни, поэтому туда не может войти никакой дух. Дух может сочетаться с существом, которое само есть дух. А каждый человек хотя имеет и тело, но он есть дух. Мы иногда говорим: я этого человека на дух не принимаю. То есть он может и телом быть

красив, он может быть и умен, и образован, и остроумен, но душа наша к его душе не лежит. В чем тут дело? Мы разного духа.

Апостол сказал: «Кто Духа Христова не имеет, тот и не Его». Не надо обольщаться, что мы верующие. Можешь крестик на себя нацепить, можешь рясу, можешь митру, можешь в церкви петь, – что хочешь можешь делать, но, если ты Духа Христова не имеешь, ты не Его. А какой этот Дух Христов? Как Его познать? Где Он? Посмотри на жизнь любого святого любого века, любой национальности – и увидишь. Всех святых, хотя они по условиям жизни, по своему образованию, по национальности, цвету кожи были разные, но их объединяло одно: то, что они восприняли Дух Христов. А если Духа Христова человек не воспримет, он воспринимает духов иных – духов тьмы.

Как познать, есть в человеке Дух Христов или нет? Господь сказал: «По плодам их узнаете их... дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые». А апостол Павел, по неизреченной милости Божией, оставил нам такие слова: «Плод духовный есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание». Поэтому духовным человеком, по определению, мы называем только того, который сочетался с Духом Христовым. Каждый человек – носитель каких-то духов, может быть, даже очень могущественных, но духовным мы его не называем, а можем даже назвать его антидуховным. Только кто Духу Христову сочетался, тот Его Духом и пропитан. И тогда в жизни его эта духовность, это зрение духовное проявляется – в любви, в кротости, в воздержании, в терпении, в смирении, в послушании, в благости, в милосердии, в вере. Вот такие плоды приносит христианская жизнь. А если нет Духа Христова, то в человеке все противоположные духи: зависть, злоба, блуд, жадность, болтливость, чревоугодие.

Все безумия человеческие, отчего они? Оттого, что человек одержим другими духами, которые его ведут в погибель и, собственно, уже привели. Человечеству осталось жить, по всему видно, совсем немного. Потому что трудно представить, чтобы

все люди вдруг очнулись и вновь бы ко Христу прилепились. Трудно предположить, что история вдруг повторится сначала. Человечеству был уже дан шанс, и одни народы приняли Христа, другие, приняв, отвергли, а третьи так и не приняли и даже и не хотели принимать. Каждый народ это проходит. И каждому из нас дана и сейчас такая возможность: вот мы родились на свет, и мы можем прозреть, а можем умереть во тьме. Это зависит только от нас, от нашего желания: если мы захотим прозреть, мы прозреем.

Но человек в своем безумии занимается неизвестно чем, какие угодно проблемы решает: одна проблема, другая проблема. А на самом деле эти все проблемы с нашей личной смертью просто закрываются. Если мы не достигнем божественной жизни, то вся наша жизнь не имеет абсолютно никакого смысла. Все то, что мы делаем здесь, на земле, – это абсолютно все скучно и неинтересно и никому не нужно, это все бессмысленно.

Посмотрим на пятимиллиардное человечество: к чему оно вообще стремится? Каждого отдельного человека рассмотрим – и мы увидим, что людей, стремящихся к подлинно духовной жизни, к прозрению, ко Христу, по пальцам можно сосчитать. Но ради этих людей, хоть их немного, мир этот пока еще и стоит. А когда они иссякнут, мир этот будет просто не нужен. Бывает так: в доме пара бревен еще более-менее целых есть, и он держится на липочке, но достаточно какого-то дуновения – и он рухнет. Вот так и все человечество: его духовное состояние таково, что все как на липочке: один деньги зарабатывает, другой к развлечениям стремится, третий еще чем-то занят. Очень много всяких интересных вещей. И все погружены совсем не в то, что нужно.

Как Амвросий Оптинский говорил: на одной стороне деревни пожар, а на другой говорят: о, до нас еще нескоро. Ну да, нескоро, еще минут десять-пятнадцать – и здесь загорится. Но нет, человек спокоен: у него стена дома загорелась, а он сидит, продолжает пить чай. Что это значит? Либо он сумасшедший, либо он слепой. Но трудно предположить, что

все пять миллиардов сумасшедшие. А что тогда остается? Слепота: человек не понимает.

Каждый человек знает, что он умрет – так надо же об этом думать, готовиться. Вот ты умрешь – куда твоя душа пойдет? За каждый грех ты будешь отвечать. И это все знают: и индуист, и мусульманин, и буддист – каждый чувствует, что будет Страшный суд. Спрашивается, а почему же человек не исправляется? Потому что слепой. Он не верит, он не дает себе возможности подумать. Те духи, которые властвуют над его душой, это они ему диктуют. И человек как куколка, которую за ниточки дергают – и она ручками-ножками дрыгает. Так вот и диавол: он дергает за ниточки, а людишки прыгают в ту сторону, в которую ему нравится.

И Христос для того и на землю пришел, чтобы эти все ниточки разорвать, чтобы показать ясно, какая должна быть жизнь. Он для нас, для слепых – потому что мы люди не духовные, мы от Бога оторвались, не можем познать Бога, – явился как человек. А ученики записали Его слова, Его дела, чтобы, вглядываясь в это, мы прозревали, познавали слово Божие, чтобы оно в нас жило. А мы как?

Вот пришли в храм взрослые люди, говорят: мы хотим креститься. Хорошо, говорю, читайте Евангелие, начинайте ходить на службу – ведь крестимся мы во Христа, так надо познать Этого Христа. А сегодня из восьми человек пришел только один, остальных нет. Креститься хочется, но какой-то труд приложить для того, чтобы познать, во что креститься, – этого нет. Лучше пойти двадцать пять рублей заплатить – покрестят тебя, крестик повесят, и все, имеешь право на Пасху выпить, ты уже крещеный. Но и Гитлер, и Дзержинский были крещеные. Все крещеные. А была бы у нас в стране другая какая-то традиция, буддизм, они пошли бы в буддистский храм, приняли бы там посвящение или еще что-то. То есть религиозное чувство надо удовлетворить, а Христос не нужен, и заповеди Его не нужны.

Сегодня крестил деточек, спрашиваю родителей: какие вы знаете заповеди? Одна женщина говорит: знаю семь заповедей. И начала заповеди Моисеева закона перечислять. И другие

вспомнили – кто одну, кто две. Я говорю: эти заповеди даны были человечеству за полторы тысячи лет до Христа. А Христос-то, в Которого крестятся ваши детки, что Он-то принес на землю? Никто ничего не знает. Спрашивается: зачем тогда детей крестить? Опять, религиозное чувство требует что-то такое исполнить, что-то такое зробишь. Вот умер человек – надо что-то обязательно сделать: третий, девятый, сороковой день, рису наварить, бумагу с песком из церкви принести, что-то заказать, обязательно заплатить, потому что не заплатишь – как-то не то. Заплатил – душа спокойна: заказал – получил. Потому что зря-то деньги не берут. Взяли – значит, что-то такое там есть. А что? Неинтересно даже, никакого нет интереса.

Когда Христос пришел, иудеи, глубоко верующие, всё исполняющие, все закончики знающие, Его распяли. Вот так и абсолютное большинство людей, которые ходят в церковь, каждый день сознательно распинают Христа и никакого отношения ко Христу на самом деле не имеют – так же, как не имели отношения к народу израильскому те иудеи, которые науськивали народ, чтобы он кричал: «Распни, распни!» Никакого отношения. А верующие они? Верующие, глубоко верующие, так что даже и дна не видно, так глубоко.

Поэтому надо нам, братья и сестры, если мы хотим действительно стать подлинными христианами, начинать с покаяния. Единственное, что застилает человеку глаза на этом пути, – это грех. Поэтому надо читать Евангелие, надо познавать эту светлую дорогу, сравнивать свою жизнь с этим Светом и все стараться исправлять. И от каждого нашего шага на этом пути исправления будут светлеть очи нашей души. И чем больше будет глубина нашего покаяния, тем ясней и ясней мы узрим Христа. Поэтому в те слова, которые Христос говорил, надо стараться глубоко вникнуть, глубоко их принять в сердце и сделать их руководством нашей жизни. Вот тогда мы прозреем. В противном случае – во грехах родились и во грехах и умрем. А смерть грешника люта.

Господь сказал: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное». Ой, не всякий! Это тут, перед людьми можно лицемерно улыбаться, что-то из себя

изображать, а Господь знает тебя насквозь, кто ты есть. Поэтому можешь стучать – не стучать, Господь скажет: отойдите, Я даже вас не знаю. Не потому, что Он нас действительно не знает. Господь каждую букашку на земле знает, и каждый волос на нашей голове Им сочтен. Но если мы Его в свое сердце не впустили, то, значит, дух наш никогда не сочетался с Духом Христовым, а только с духом злобы, духом зависти, духом немилосердия, духом крика и всего того зла, о чем каждый про себя знает.

Поэтому вся христианская жизнь заключается в борьбе с этим духом нечистым, со всеми проявлениями его, для того чтобы приобщиться к Духу Христову. Помоги нам в этом Господь по молитвам всех святых. Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 11 мая 1991 года, вечер

Воскресное всенощное бдение. Празднование Казанской иконы Божией Матери

Всегда после исповеди бывает особенно видно, что нам всем мешает. Выслушивая разных людей и сопоставляя проступки, в которых они каются, становится ясно, что причина всех наших бед заключается в гордости. Как ни прискорбно, но этим дьявольским грехом мы обуреваемы все. И чем больше степень этого пленения, тем горше наша жизнь. Поэтому если у человека на душе нехорошо, тяжело, немирно, надо ему понять, глубоко усвоить хотя бы умом, что, значит, это гордость его обуяла. Потому что смиренный человек вообще не скорбит: его утешает благодать Божия.

Путь к смирению идет через послушание. С чего началось христианство на земле? С того, что Пресвятая Дева, Которую мы сегодня чтим в Ее Казанской иконе, сказала: «Се, Раба Господня». Архангел возвестил Ей такие слова, которые Она не могла вместить – как же Я могу, если Я мужа не знаю, родить дитя? Не могла еще в Ее отроческую голову взойти великая тайна, к которой Она шла всю жизнь. В Евангелии мы видим указание на то, что Матерь Божия не сразу понимала все, что говорил Ее Господь и Сын, но слагала в сердце Своем, пока Его слово не проросло в Ней и не дало обильный плод, благодаря которому Она стала Царицей неба и земли.

Все это совершалось постепенно, потому что если бы это случилось сразу, Господь сразу бы взял Ее на небо. Когда человек готов, Господь его забирает, а если не готов, Господь будет ждать и стараться изо всех сил привести его к познанию истины. Этот путь проходят все, от Пресвятой Богородицы, Которая выше Ангелов, Серафимов и Херувимов, и кончая нами, последними грешниками на земле. Это особенно видно в сегодняшнем воскресном Евангелии. Мария Магдалина «стояла у гроба и плакала» – плакала потому, что разрушилась вся ее жизнь, смысл которой заключался в том, чтобы ходить за Господом и чем можно Ему служить. В этом она находила

утешение, этим она жила – и вдруг Его не стало. Ее сердце надрывалось, она пришла ко гробу и плакала. «И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь?» Для них это было непонятно. Ангелы – существа духовные, они зрят истину, а человек – грешник, он не видит, что Пасха совершилась; он не видит, что Христос воскрес; он не видит, что отныне все будет по-другому. Он только видит, что разрушается его земная жизнь, и от этого скорбит.

Мария говорит: «Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его». Хотя бы тело обрести – единственное утешение. Воздать любовь, умастить теми благовонными веществами, которые полагаются по обряду. Это очень понятно по-человечески. Все люди во что бы то ни стало стараются своих покойников отпеть. Пусть он умер от пьянства или покончил с собой, близкие идут на любые ухищрения, чтобы только совершить обряд. Потому что, нечто такое сделав, человек успокаивается: вроде все в порядке. Так же и Мария: сердце ее не было спокойно, потому что, пока не совершишь вот это все, что положено, нет какого-то завершения. Поэтому когда люди приносят покойника отпевать, у них бесконечные вопросы: надо ли переворачивать стол вверх ногами, или как полы мыть, или кто должен идти с венком, впереди или сзади? Некоторые придумали теперь, что сын не может нести гроб отца, и всякие другие штуки – для того, чтобы это все соблюсти и этим утешиться. А Господь требует совсем другого. Господь хочет, чтобы каждый человек прозрел, хотя бы перед лицом смерти любимого человека. Господь хотел, чтобы и Мария прозрела.

Когда она обратилась назад, «увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус». Да, очень часто мы не замечаем, что Господь с нами рядом, что мы можем оказать Ему услугу, можем оказать Ему любовь. Мы этим не пользуемся из-за своего эгоизма, мы все хотим себе служить, мы хотим свое тщеславие тешить, свою скорбь утешить, до чужой скорби нам особо дела нет. Даже интересный феномен: мы в приходе набрали группу замечательных женщин, которые решили начать

подвиг – ухаживать за больными. Но я не знаю, есть ли на свете сила, которая может их удержать от зуда, потому что они все хотят проповедовать, хотят делать то, что им никто не благословлял. Тщеславная жажда во что бы то ни стало показать другому, что ты имеешь нечто, чего он не имеет, преодолагает все. И то, что из-за этого все дело может быть разрушено, никого не останавливает, и если это дело рухнет, то только из-за пустых разговоров.

«Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его». Вот так часто, подходя к больному, мы думаем, что это садовник, пекарь, слесарь, мы думаем, что это наша мать, наш отец, – а это страждущий Христос, Который ждет от нас любви, Который ждет от нас утешения, Который хочет от нас добра, Который хочет, чтобы мы Его не мучили. Но тщеславный зуд помрачает наш ум, и мы не видим в окружающих нас людях Христа. Поэтому Господь говорит: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Почему? Да потому, что каждый ближний – это есть Христос, Которого мы можем принять или Которого мы можем отвергнуть.

И вот Господь открывается Марии. Он говорит: «Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввунни! – что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и что Он это сказал ей». Почему Он первой ей явился? Потому что из всех апостолов, из всех жен-мироносиц только она одна была способна к послушанию. Как она любила Христа – и вот Он перед ней! Она Его узнала, уже хотела броситься к Нему – а Он говорит: нет, не прикасайся. Господь ее испытал: сможет ли она сдержать свой зуд, такой душевный, человеческий, очень понятный, это стремление своего сердца, сможет ли она остановиться? И она остановилась, то есть она послушалась Господа. Тогда Он говорит: «Иди и скажи» – иди проповедуй теперь воскресшего Христа, ты будешь первая проповедница. И

Мария первая возвестила апостолам весть о том, что Христос воскрес, и стала впоследствии равноапостольной.

Почему Господь дал ей такую возможность, ей это повелел? Другим людям, которых Он исцелял по всей Палестине, Он говорил: никому ничего не рассказывайте, ради Бога, замолчите, а ей сказал: «Иди и скажи». Почему? Потому что ты с этим справишься, ты умеешь себя обуздывать, обуздывать свой зуд. Вот это очень важно: уметь держать себя в узде, все свои страсти, все свои чувства. То есть надо свою волю все время укреплять – и тогда будет результат, тогда будут плоды, тогда действительно вокруг нас могут спастись тысячи, как спаслись вокруг равноапостольной Марии Магдалины, как спаслись миллионы людей по молитвам ко Пресвятой Богородице. Потому что эти прекрасные женщины сотворили то, что им было повелено от Господа.

А мы не можем ничего повеленное от Господа исполнить, потому что тот зуд, который в нас, зуд нашей гордыни бесовской, нам этого делать никак не дает. Каждый из нас считает себя умным, знающим, как надо. И в результате получается лебедь, рак и щука: каждый знает, куда вести воз, поэтому воз стоит на месте. Поэтому так и в семьях наших, поэтому и в воспитании детей наших у нас ничего не получается. Потому что мы не умеем слушаться ни отца с матерью, ни мужа, подчиненные – начальника. Мы по гордости это отмечаем, хотя Господь всю нашу жизнь устроил так, чтобы мы с самого детства, с младенчества до смерти были у кого-то в послушании. Потому что это единственное, что может человека смирить, смирить его гордыню. И если бы мы это старались использовать, то мы бы преуспевали в духовной жизни и постепенно прозревали. В противном случае мы так в слепоте и умрем и никогда Бога не увидим, потому что все хотим по-своему.

Господь не может открыться нам, потому что одно из главных свойств Божиих – это смирение. Христос сказал: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим». А покоя у нас нет, мы все время мучаемся, мятемся, все время у нас голова идет кругом,

мы все время страдаем, охаем и ахаем. Почему? Маловерны. А почему маловерны? Потому что слепы. А почему слепы? Потому что горды.

Как известно по пословице, кого Господь хочет наказать, у того отнимает разум. Есть подобная ей: на дураков не обижаются. Потому что ну что с безумца взять? Учить его бесполезно, он не хочет, он не способен к этому: он сам все знает, сам все умеет. Поэтому Господь, чтобы снять хоть часть ответственности за его безумные поступки, лишает его разума совершенно, и, по слову апостола Павла, такой человек предается «сатане во измождение плоти». Или как сказано: строптивым посылаются пути стропотные. У многих из нас жизнь трудная, очень даже трудная. Но в основном вся трудность нашей жизни из-за того, что мы очень строптивы. А Господь из всех сил хочет нас спасти. Поэтому Он нас старается все время, постоянно смирять. А раз мы не понимаем простых вещей, значит, Господь посылает более трудные. Ведь у Бога, чтобы нас спасти, всего лишь семьдесят, от силы восемьдесят лет – срок очень маленький, и при нашей такой увертливости и жестокостью Ему очень трудно.

Вот Он нас всех собрал в Церковь, для того чтобы нас спасти, чтобы мы вчитывались, вдумывались в Его слова, чтобы мы учились святому послушанию. В чем его святость? Да в том, что Ангелы своей жизнью имеют исполнение воли Божией. Они духи служебные, они постоянно всем своим существом служат Богу. А мы даже в самом благом деле часто стараемся служить себе, своему тщеславию, своему превозношению, своей гордыне: только все для себя, все себя считаем центром. А надо наоборот, надо помнить, что, если хочешь быть первым в Царствии Небесном, будь всем слуга. А что такое слуга? «Ну-ка пойдя сюда, сделай-ка это!» – «Слушаюсь, ваше высокоблагородие» – и бегом. Вот это есть послушание. Вот для этого-то люди в монастыри уходили, там искали подлинно духовной жизни. Потому что ну как еще можно достать из себя вот это свое «я», которое противится Богу? Только таким образом.

Поэтому, дорогие братья и сестры, давайте последуем Пресвятой Богородице. Конечно, мы не можем ставить Ее себе в пример, потому что Ее подвиг непостижим даже для Ангелов. Но вот для нас пример – Мария Магдалина, которая была во всем подобна нам и первой узрела воскресшего Господа. Значит, это возможно и для женского естества, нет тут ничего такого сверхъестественного. Только надо понять, с чего нам начинать, и помнить, что каждый раз, когда мы испытываем какое-то смущение, обиду, тягость, раздражение, этому всегда предшествует гордость. И если мы впали в какой-то грех, может быть мерзопакостный, то, значит, перед этим шествовала гордыня.

Как человек загордился, благодать Божия не может пребывать в его сердце, потому что гордыня – грех дьявольский, тошнотворный, совершенно богопротивный, и Господь Дух Святой отходит сразу. А раз отходит Дух Святой, человек катится в бездну, бросается во все тяжкие: начинает ругаться, осуждать, ненавидеть, клеветать, подозревать, грубить, придумывать какие-то вещи немыслимые. То, что ему бес нашепчет, принимает за чистую монету, убедить его ни в чем нельзя, он сам все знает – то есть он похож на совершенно сумасшедшего человека. И к сожалению, многие, которые идут этим путем, кончают этой трудной больницей, где все против воли: попробуй пикнуть – тебе санитары покажут, тебе медсестра такой влупит укол, тебе врач такие пилюли пропишет, что ты будешь ходить по струнке и шелковый. Опять же почему? Другого пути нет. Путь к свободе от греха идет только через смирение. Так же и в тюрьме: человек не хочет жить по-человечески, он считает, что он сам все знает, он папу, маму не слушает – и оказывается в тюрьме. А там что? Злоба и жестокость; шаг влево, шаг вправо – побои. Тебя заставят, тебя будут ломать, ломать, пока не сломают. Почему? Не хотел жить, как прочие человецы, ну вот иди теперь этим скорбным путем. Но кто ж в этом виноват, кроме тебя?

Поэтому надо всегда помнить, что всем распоряжается Господь. И каждый человек, обращающийся к нам, и каждое событие, которое мы встречаем в своей жизни, посланы Им.

Недаром старцы Оптинские заповедали молиться так: «Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей святой». Вот этому надо нам учиться. Это не сразу, конечно, не за месяц, не за два и даже не за годы. Но по этому пути надо нам идти каждому, потому что мы все духом гордости, к сожалению, заражены.

Помоги нам Премилостивый Господь за молитвы Пресвятой Богородицы, память Казанской иконы Которой мы ныне празднуем. Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 20 июля 1991 года, вечер

Всенощное бдение под Неделю 11-ю по Пятидесятнице

Сегодня мы читали последнее, одиннадцатое воскресное Евангелие. Оно повествует о том, как Господь трижды спрашивал Своего ученика Симона, которому Он дал новое имя, Петр: «Любишь ли ты Меня?» Спросил раз – Петр говорит: да, люблю. Потом второй раз спросил – Петр говорит: Ты Сам знаешь, я Тебя люблю. И когда спросил третий раз, Петр понял, почему Господь трижды его вопрошал: незадолго до этого он трижды отрекся от Спасителя – отрекся, потому что испугался за свою жизнь, за свою свободу.

Это очень понятно, что человек боится. Но, как сказал Господь, «совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому воскресший Христос спрашивал, по-прежнему ли Петр Его любит, и этим троекратным вопрошанием восстанавливал его в апостольском достоинстве, потому что, испугавшись, отрекшись от своего Учителя, он перестал быть Его учеником. А вот это троекратное вопрошание в некотором смысле было исповедью и покаянием. Поэтому в Евангелии сказано: «Оскорбе же Петр, яко рече ему третье: любиши ли Мя?» – потому что понял, о чем идет речь. И эта скорбь его была скорбью покаяния от того, что ему не хватило мужества, а раз не хватило мужества – значит, не хватило любви.

Часто можно слышать, особенно на исповеди: я ничего не могу с собой сделать. То есть человеку не хватает мужества, чтобы противостоять греху. В чем тут дело? Только в одном: что нет любви к Богу. Любил бы Бога – не грешил бы. А не хватает любви – поэтому человек отвергается от Бога. Петр отрекся словами, но мы часто и делом отрекаемся, отрекаемся и мыслями, отрекаемся и нечистыми чувствами. Как Господь сказал: «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Ну а что такое блуд? Смертный грех. Значит, пока мысленно, в голове у тебя блуд, ты уже вне Церкви, вне Бога, вне Христа. Как только душа уклонилась от Бога, ты уже изменил.

Отчего происходит измена? От недостатка любви. Потому что если любишь, то и в голову не придет изменить. Если человек любит свое дело, он этому делу служит. Если человек любит свою семью, он все для своей семьи старается сделать получше. Если человек любит жену, он жену всячески опекает. Если Родину свою любит, он для славы своей Родины, для своего народа трудится, а если не любит, то он в Австралию уедет – там ему веселей, потому что жить полегче. То есть все упирается в то, что больше любишь: себя или еще что-то или кого-то. Так и в духовной жизни. Поэтому Господь дал нам одну-единственную заповедь: «возлюби Господа Бога». И если сумеем мы Бога возлюбить, тогда спасем свою душу от греха.

Бог для того пришел на землю, чтобы явить Себя нам, чтобы мы, взирая на личность Христа Иисуса, могли бы Его познать и полюбить как человека. И Он никуда не исчез, Он среди нас пребывает. Когда мы приходим в храм молиться Ему, прославлять Его, сердце наше чувствует, что Он здесь присутствует, Он здесь с нами и Духом Своим, и Телом Своим, которому мы приобщаемся на Божественной литургии. Но мы быстро забываем, очень легко изменяем. Почему так? По той же самой причине, по какой и Петр: он был человек еще не духовный, а плотской, душевный. Духовным он стал немножко позже, в день Святой Пятидесятницы, когда Дух Святой сошел на него.

На нас пока, видимо, в той полноте, которая необходима, чтобы Бога любить, Он еще не сошел. А «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его». Поэтому мы еще не можем себя назвать Христовыми учениками; нам еще долго надо бродить, вглядываться, вслушиваться в Евангелие, подвизаться, упражняться в самоотречении ради любви к Богу. Тогда Господь увидит наше усердие, которое Он увидел и в Иакове, и в Иоанне, и в Петре, и в Нафанаиле, и в Симоне Зилоте – во всех Своих учениках увидел это стремление и за это стремление им и дал Духа.

Петр однажды сказал: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою». Что нам за это будет? Господь говорит: да, за то, что вы все оставили, вам будет, вы получите «гораздо

более». И действительно, Его ученики стали апостолами, стали камнями в основании Церкви: ты Петр, камень, сказал Господь, «и на сем камне Я создам Церковь». А мы камешки, которые Господь кладет уже в вершину. На нас не лежит вся тяжесть, которая лежит на апостолах. У нас нет таких соблазнов, которые были у них. С нами все святые угодники Божии, с нами огромный сонм предшественников наших, людей, любящих Бога. Нам есть у кого поучиться. Нам, собственно, и веровать уже как бы не нужно, потому что то, что человек после смерти продолжает свою жизнь, – это факт научный, тут не надо усилий веры. То, что Христос воскрес, – тоже факт научный. То есть нам не надо сердце свое напрягать, чтобы веровать во Христа. Это всем известные вещи, все стало уже совершенно очевидно, мы имеем свидетельства и доказательства, совершенно, абсолютно неоспоримые никем и ничем. Только по тупости или по какому-то наглому упорству человек может отрицать очевидные вещи.

Поэтому Бог есть, загробная жизнь, Страшный суд – все это есть. Чего нет? Любви к Богу. А значит, и страха Божия нет. Все стремление человека направлено к чему-то не тому. Когда Господь беседовал с Петром, Петр вдруг обратился и видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус (самого автора этого Евангелия, апостола и евангелиста Иоанна Богослова), и говорит: «Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною». Обычно людям новоначальным очень интересно, кто спасется; им всех хочется просветить, всем хочется обязательно все объяснить. Отчего это происходит? По гордости, по недостатку духовности, потому что не видит человек собственных грехов. Поэтому Господь говорит: какое тебе дело? если Я захочу, то этот человек вообще никогда не умрет; ты, вот ты иди за Мной.

Это обращение ко всем нам. Часто люди спрашивают: спасутся ли баптисты? а как же китайцы? а как же она, а как он? Но Господь с нас не взыщет ни за австралийских аборигенов, ни за гренландских эскимосов. Господь взыщет только за нас самих. «Ты иди за Мной». Нам нужно научиться ходить вслед за

Господом. И это шествие совершается в Церкви. Апостолы три года ходили за Христом, поэтому в древней Церкви человека, который захотел стать учеником Христовым, готовили к крещению три года. Он постоянно посещал богослужение, его оглашали, учили его Священному Писанию, учили заповедям Божиим, учили молиться, учили его основным навыкам духовной жизни. А потом, когда он созревал, его крестили и он становился членом Церкви.

У нас все не так: кто-то в детстве крестился, кто-то крестился, совершенно не думая, что он совершает. Поэтому нам нужно все это наверстывать и восполнять. И это совершается в нашем сердце через богослужение, через которое мы незримо, духовно, от одного евангельского отрывка к другому можем следовать за Христом, духовно переживать каждое событие Его земной жизни, вглядываться в них, через них получать назидания: что Господь хотел сказать нам этим или другим событием, что значит то или иное Его слово. Стараться применять это в своей жизни, стараться все время свою жизнь изменять в соответствии с тем, что Господь требует.

В течение года прочитывается все Евангелие, поэтому, постоянно ходя в церковь и мысленно следуя за Господом, мы постепенно начинаем приобретать образ учеников Христовых, учиться самоотречению, молитве, терпению – потому что много надо терпения, чтобы в церковь ходить. Для этого всю жизнь нам придется перестроить, очень многое придется бросить, потому что некогда будет ни в гости ходить, ни на концерты. Ведь нельзя же одновременно было Петру и рыбу ловить, и за Господом ходить. Пришлось что-то оставить, и он оставил ловлю рыб, потому что счел, что Царствие Небесное для него важнее.

Вот так и для всех нас: если мы хотим приблизиться к Богу, то мы должны начать ходить за Господом. И когда Господь увидит нашу преданность, тогда Он и даст нам Духа Святого. Это посещение человека Духом Святым называется благодатью, потому что всегда дается даром. Заслужить благодать невозможно. Что бы человек ни сделал, даже если он исполнит все-все заповеди, этого все равно недостаточно,

потому что то, что он получает, когда его касается благодать Божия, несоизмеримо выше всех человеческих подвигов. Поэтому это всегда дается даром, но за усердие, за отречение от греха, которым мы являем Богу нашу верность, нашу любовь.

«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». И эту любовь надо явить, только не на словах, как мы все. Некоторые так и подходят к Чаше: раб Божий такой-то. Прямо так и заявляет, что он раб Божий. А посмотри на жизнь этого раба – и увидишь, что он, оказывается, ни в чем Господу-то и не подчиняется, а живет по своим похотям. Поэтому до раба Божия надо еще очень много сандалий стоптать. И надо нам жить, не смотря по сторонам, и не спасая никого, и не думая: а что этот, а что тот? Апостол Павел сказал: каждый «перед своим Господом стоит или падает». Какое тебе дело? Твоя душа в огне, ты в аду, ты в грехе – очищай свою душу. Потому что когда ты вынешь «бревно из твоего глаза; тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего», тогда тебе станет это понятным. А мы: этот такой, этот сякой, все кругом плохие.

Поэтому, к сожалению, не все ходящие за Господом приходят к Голгофе, не все приходят к Вознесению, не все приходят к Пятидесятнице. Многие окажутся иудами. Если из двенадцати избранников Божиих один иудой оказался, то и среди нас такие будут: кто променяет Бога на блуд, кто на деньги, кто на развлечения, кто еще на что-то. Хотя и скорбно это наблюдать, но это неизбежно. Потому что семя слова Божия падает на разную почву: то птицы склюют, то на камни упадет и глубоко корни не пустит, то в сорняки: так постоял, послушал – да, все вроде правильно...

Действительно, попробуй оспорь. Нет, некоторые лучшие умы человечества пытались оспорить Евангелие, и ничего не вышло, перед Евангелием все покорились. Даже язычники, бесноватые индусы и то говорят: Кришна – это Христос. В свою команду хотят Его записать, потому что ну как без Христа? Йоги утверждают, что Христос – это йог. А экстрасенсы говорят: нет, Христос – это экстрасенс. А те, кто ловит летающие тарелки по всей стране, говорят, что Он инопланетянин, не иначе. Каждый

хочет Его обязательно к себе, потому что без Него невозможно. Но Он-то только Своим ученикам сказал: «Я с вами во все дни до скончания века». С вами.

Так вот, если мы хотим с Ним, мы должны быть Ему верны, верны во всем. Это трудно, это не сразу. Поэтому Господь со Своими учениками три года походил, поучил их, повразумлял, пример показывал Своей жизнью, Своими словами, поступками, а уже потом просветил их Духом Святым. Сколько мы будем ходить, пока получим просвещение от Духа, три ли года или больше? Но надо этого хотеть, надо этого желать. Господь сказал, что «Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него». И Серафим Саровский говорил: «Стяжи мирен дух». Благодать Божию надо стяжать, усердие надо обязательно на этом поприще проявлять, но все равно Господь дает даром. И чем больше потрудишься, тем больше получишь.

Многие говорят: молиться некогда, времени нет; поститься не могу, живот болит; ходить в храм – нет, то работа, то дети. Ну что же, не можешь? Не надо. Не постись, не молись, в храм не ходи. Евангелие не понимаешь – ну не читай. И ничего ты не получишь. Как ты был бревном, так бревном и умрешь, ни одна живая ветка на тебе не зацветет, а уж о плодах и говорить нечего. Всякое дерево, не приносящее плодов, распиливают на брусочки, потом колют, а потом в печку, потому что больше оно никуда не годно. Поэтому Господь и говорит: «Там будет плач и скрежет зубов; всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». Все очень конкретно.

Если уж любящий Господь никаких других слов не нашел, как только «геенна огненная», то надо понимать, что это никакая ни аллегория, все так и будет. Веруем ли мы Ему или нет? От этого зависит все наше бытие в вечности. Поэтому нам надо стараться. Зачем мы на землю пришли? Чему мы хотим посвятить жизнь? В человеке такая борьба происходит: мир тянет его назад, а вера тянет к небу. И что победит, на чью сторону душа его встанет, что он все-таки предпочтет: мир или Бога? Если Бога, то прибавится такому человеку; а если мир, то «отнимется и то, что имеет» – так Господь и сказал. Поэтому раз уж мы выбрали путь христианский, надо стараться по этому

пути идти: учиться самоотвержению, учиться кротости, учиться милосердию, любви. И Господь, видя наше доброе произволение, даст нам ощутить благодать Божию, а может быть, кто-нибудь из нас сподобится такой благодати, которая вообще от него не отыдет, будет всегда с ним пребывать.

Это состояние бытия человека, когда в нем неотступно пребывает благодать Божия, называется Царствием Божиим. И многие люди этого сподобились уже здесь. Вот Иоасаф Белгородский, мощи которого вновь обретены. Пришли к нему мужики и говорят: владыко, отслужи молебен, давно не было дождя. А дело было перед Троицей. Старец велит своему послушнику: запрягай сани. Он думал, владыка оговорился: какие сани, лето уже. Переспросил. Тот говорит: я тебе сказал, запрягай сани. Послушник запряг, и пошел снег. Сели на сани и поехали в поле, молебен отслужили. Потом снег растаял, и его хватило, чтобы сохранить урожай, а еще всякие насекомые погибли, которые от тепла в изобилии расплодились.

Откуда святому это было известно? Откуда ему все открыто? Не сам человек, не своими силами – просто Бог ему открывает. Для него нет понятия: вчера, сегодня, завтра, – потому что он с Богом, ему известно и прошлое, и будущее, и настоящее. И никаких тут ошибок быть не может, потому что Бог-то не может ошибаться. И читает святой в душе человеческой, как в открытой книге. Как старец Силуан говорил: а мне не надо газет читать, я и так знаю, что где творится. И Варсонофий, старец Оптинский, говорил одному своему чаду: я, если захочу, могу тебя видеть, где бы ты ни был. Об этом мы читаем и в патериках, и в Деяниях святых апостолов: «Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла». Сам Дух Святый повелевал: иди туда, иди туда. И Дух Святый по церквам говорил, что скоро Павел будет казнен. Павел знал, зачем он в Рим идет, знал, что там его ждет смерть, и подчинился Духу Святому, пошел прямо на смерть. Знал – не догадался, не предчувствовал, а конкретно знал, потому что Бог был с ним, а Бог всеведущ.

Это не значит, что каждый облагодатствованный человек бывает обязательно прозорливым. Нет, мы живем в такую эпоху,

когда эти все дарования Господь от Церкви отнял. Почему нет сейчас таких чудотворцев? Вот Иоасаф Белгородский ведь совсем недавно жил, в середине восемнадцатого века, и мощи его сохранились совсем нетленные. А почему сейчас такого нет? Потому что люди очень гордые. Малое достоинство человек перед другими имеет: рост чуть побольше, слух чуть получше, или красоту телесную, или на полторы книжки больше прочел – и уже гордится, уже учит, уже все объясняет, уже руками машет, прямо чуть ли не Василий Великий. Ну а если ему действительно дать дар Божий подлинный, его хватит на два дня: он с ума сойдет, он обязательно «улетит на луну».

Вот как Мария Египетская взяла и по воде прошла. Ну кто из нас может пройти по воде и не потщеславиться? Когда сон от беса приснится, и то уже стараемся обязательно всем рассказать, что вот мне Богородица явилась. Хотя это не Богородица, а не хочется даже и называть... Нет, утверждает: Богородица явилась. Серафиму Саровскому являлась, Сергию Радонежскому и мне. И всё учим по тщеславию. Поэтому, естественно, Господь дары отнимает. Но это не значит, что отнята подлинная духовная жизнь. Нет, просто иной путь: путь скорбей, болезней и терпения.

Поэтому если мы пройдем этим путем, не осуждая никого, смиряясь, то сможем достичь Царствия Небесного. И отцы древние говорили, что последние христиане, которые достигнут Царствия Небесного, они будут выше нас, хотя и не совершат великих дел: ни горы не будут двигать, ни мертвых воскрешать, – но будут выше. Почему? Потому что при общей гордыне пятимиллиардной, которая затопила всю землю, все-таки светить смирением, терпением, послушанием – это высшая добродетель, ценимая Богом. Вот этим путем, по милости Божией, нам всем надо идти. Спаси всех, Господи.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 10 августа 1991 года, вечер

Неделя 13-я по Пятидесятнице

Притчу о винограду и хозяине дома мы все хорошо знаем, она часто звучит в церкви. Святые отцы толковали ее таким образом, что виноградник, обнесенный оградой, и делатели, слуги – это народ израильский, которому дана была истинная вера.

Перед пришествием Иисуса Христа человечество являло страшное зрелище: абсолютно все народы поклонялись бесам, служили сатане как богу в надежде его умиловить, чтобы облегчить себе жизнь. Бесов много, поэтому в языческих культах было очень развито многобожие. Были боги местного, областного и, самые главные, государственного значения: целая иерархия. И они требовали жертв, которые приносили им специальные служители, жрецы, в виде продуктов труда, плодов земли, вина, драгоценностей. Но это все полбеда, самое страшное было жертва человеческая. Эти мнимые боги требовали себе даже грудных младенцев, первенцев. Родила молодая женщина первого ребеночка, – какое это для матери величайшее духовное переживание! – а бес ждет жертву.

И в этом кишасщем аду один-единственный народ на земле веровал в единого истинного Бога, Творца неба и земли. Иудеи веровали, что Бог есть Дух, и поклонялись Ему. И Бог Сам, через Своего пророка Моисея, дал им заповеди, которые делали этих людей собственно людьми, поэтому нравственно они были несравненно выше всех окружающих. И хотя этот народ был маленький и несильный, он продолжал свое существование, рос и развивался, Господь его хранил. А как только он уклонялся от истинной веры, Господь попускал нашествие иноплемеников и даже семидесятилетнее пленение вавилонское. Был даже разрушен храм, а потом снова восстановлен, когда люди вернулись к вере.

Вот этому народу было обещано, что из него придет Спаситель миру – Мессия, или по-гречески Христос, а по-русски Помазанник (всех пророков в Древнем Израиле помазывали елеем, смешанным с благовонным миром, в знак того, что они

посвящены Богу). В притче об этом прикровенно и рассказывается.

Господь, чтобы Его возлюбленный, избранный народ не погиб, чтобы обратить его к истинной вере, восставлял в нем пророков. Он избирал какого-нибудь ревностного по Боге человека, часто юношу, и в нем поселялся Господь Дух Святой, внушавший ему некие слова, которые он передавал народу. Ну а правда глаза колет, и часто для пророков это очень плохо кончалось. Обычно их убивали, но потом все равно их жертва приносила пользу: люди исполнялись сострадания, раскаяния, и опять большинство из них все-таки к Богу возвращалось.

Об этом также сказано в притче: «Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего». Послал Господь Отец Небесный Сына Своего возлюбленного Господа Иисуса Христа для того, чтобы вразумить людей, остановить уклонение от истины.

Когда Адам отпал от Бога – а Адам жил, как мы знаем, в раю, – Господь ему сказал: «В поте лица твоего будешь есть хлеб». «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – говорит апостол Павел. И трудиться надо обязательно до пота, тяжело, не искать что полегче, поинтересней, чтобы ничего не делать и побольше денег получать; наоборот, стараться работать с утра до вечера. Понятное дело, человек, лишенный благодати Божией, не хочет работать, а хочет жить легко, и основная трагедия человеческой цивилизации заключается в попытке эту заповедь Божию обойти. Человек избирает путь наименьшего сопротивления, и все время происходит борьба – Бог говорит: «В поте лица!», а человек уклоняется.

Так же и с заповедью «чти отца и мать» или «не сотвори себе кумира». Не сотвори себе кумира – это значит, что самое главное место в сердце человека должно быть занято Богом: чтобы он с мыслью о Боге и вставал, и ложился, и ел, и трудился, то есть основное направление его жизни было – Бог.

А человек не так: все о сыночке заботится, или о внучке, или о работе, или о том, что он будет делать завтра, или об учении в институте – много всяких дел, ну а Бог «на потом». Если силы остались, тогда помолюсь, а если не остались, то и не помолюсь. Бог присутствует, но на десятом месте, на двенадцатом, на сорок шестом. И конечно, это есть нарушение заповеди. Человек ради Бога не хочет отказаться от своего.

Вот так и народ израильский. Господь дал прекрасные, абсолютно очевидные заповеди: не убивай, не блуди, не воруй, не ври, хотя бы один день в неделю Богу посвяти, почитай папу с мамой, не суди. Что же тут не понять, это любому дикарю понятно, и тем не менее человек делает попытку как-то объяснить свой грех, оправдать: батюшка, знаете, я осуждаю его за то, что он такой, сякой, этакий, – то есть начинает рассказывать, за что он осуждает. Нет чтобы наоборот: раз Господу неуютно наше осуждение, то, во что бы то ни стало, чего бы мне это ни стоило, что бы я такое ни видел, я от осуждения удержусь.

Что наше видение? У нас в каждом глазу по четыре бревна. То, что мы видим, просто есть в нас самих, вот нас это и возмущает. Но человек все время ищет самооправдания, и нет ничего удивительного, что, когда пришел к этому народу Податель заповедей, Сам пришел, лично, они Его не узнали. Он их возмущал, Он все делал не так, как они считали нужным. Сказано: «Помни день субботний, еже святити его», то есть последний день покоя, «шабат» по-еврейски, надо посвящать Богу. И как они посвящали? Доходило до абсурда, как и сейчас в Израиле до абсурда доходит. Некоторые, чтобы в субботу через порог дома своего не переступить, делали съемный порог; человек вешал его себе на грудь и шел, куда ему надо, но через порог он не переступал. Открылась дверка холодильника в субботу, и человек ждет до следующего дня, чтобы ее закрыть, потому что в субботу нельзя – это грех. Или, если придет к нему знакомый, не шибко верующий, он его просит закрыть.

Так и у нас многие: «Батюшка, воскресенье, а я полы помыла». То, что осуждает, грызет сноху, сыну жить не дает, что

сделала восемнадцать аборт, ничего: «Все мы грешные». А то, что полы помыла, – это такой грех, что просто сейчас надо на костер. Почему так? Да потому, что очень просто исполнить какое-то правило: красный свет – стой, зеленый – иди, Казанская – стирать нельзя. Другое дело – почитай отца и мать. Мать что-то просит – и для нее сделать. А у нас сразу: да нет, я сейчас устал, я потом, я завтра, у меня живот болит и так далее. Почтить мать – это очень трудно, нужна душевная работа, а исполнить какое-то правило, заведенный порядок, обычай очень просто: покойник умер – надо стол перевернуть или еще какую-то чушь.

Поэтому к тому времени, как Господь пришел к Израилю, к Своему избранному народу, вся жизнь людей была опутана правилами. И Господь, чтобы как-то их с этого места сдвинуть, подтолкнуть их к истинной правде Божией, к истинному исполнению заповедей, старался, наоборот, если исцелять – то в субботу. Вот человек с сухой рукой, или больной водянкой, или расслабленный, он страждет – и Господь делает совершенно очевидное, явно доброе дело, Он говорит: «Возьми твой одр и иди в дом твой». Нет, все возмущаются: почему не мог подождать до понедельника? Но ведь когда человек болен и есть возможность его исцелить, то ждать – это просто преступление.

Делатели, «увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его. И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои». И отдал. Господь сказал Израилю: «Оставляется вам дом ваш пуст», и ушел. Народ был рассеян по всей земле, храм разрушен, Иерусалим перепахали плугом, все кончилось. Другие народы, которые были во тьме язычества, стали один за другим склоняться к ногам Христа, а Израиль продолжал упорствовать.

Так толковали эту притчу отцы четвертого, шестого, восьмого веков. Мы живем гораздо позже, но Евангелие – книга

вечная, и притча относится не только к народу израильскому, а и вообще к каждому народу, некогда принявшему Христа. Вся история человечества продолжает развиваться вокруг этой оси, взять хотя бы нас. Из всех народов на земле только два усвоили себе название «святой» – Святой Израиль и Святая Русь. Только у двух народов национальным идеалом была жизнь нравственная – у Израиля и у Руси. А каков результат? К чему это привело? Опять к внешнему. Пошел тот же естественный для падшего человека процесс нежелания исполнять заповедь Божию, а желания исполнить ритуал, некое магическое действо, с помощью которого можно автоматически достигнуть благорасположения Божия.

То же самое, что происходило в израильтянине, происходит и в эскимосе, и в славянине, и в ком угодно. Люди думают, что надо отпеть, заказать сорокоуст, заказать поминовение на год или навечно – и «дело в шляпе». То есть не нужно молиться, у Бога просить, не нужно стараться свое сердце так управить, чтобы Господь молитву твою принял. Нет, надо просто нечто такое исполнить, ну и заплатить – и оно само все получится. Многие на Западе, особенно в Германии, на вопрос, веруете ли вы в Бога, отвечают: плачу. Это значит, что человек просто отчисляет какую-то часть своего бюджета на Церковь – и считает, что дело сделано, потому что на эти деньги потом бедным помогают, социальные программы разрабатывают. Да, ты платишь, ты участвуешь своим имуществом, само по себе это неплохо, но не участвует в этом твое сердце, а Богу-то нужно как раз именно сердце.

В семнадцатом веке в России люди спорили, как креститься, и на костер за это шли. Экая важность! Ну где в Евангелии написано, как креститься – левой рукой, правой, справа налево, слева направо, так ли, так ли? Но вот это все внешнее стало вдруг самым главным, вскрылась болезнь Нового Израиля – Святой Руси. Произошел раскол, сначала малый, а при Петре I усугубился, дошел до миллионов. Потом настроили восемьдесят тысяч церквей, тысячу двести монастырей; была огромная армия отборнейшего духовенства, полторы сотни тысяч человек; монахов было чуть ли не

полмиллиона. И в каждом храме росписи, в каждом храме парчовое облачение; сосуды по крайней мере серебряные, а уж позолоченные обязательно; драгоценные камни, иконы. Когда иностранцы приезжали в Россию, они говорили: ну это невозможно, такая красота, такое благолепие, просто удивительно. Купола золотые, блестят; колокольный звон – один храм начинает, другой подхватывает. Какой-нибудь маленький городок уездный – и там четырнадцать церквей, четыре монастыря, все сияет.

А Господь взял это и отнял в один момент; наслал какую-то горсточку бандитов, маленькую, ничтожную – десять минут работы самому плохому пулемету, – и Святая Русь была погублена. Потом Господь ждал – и именно семьдесят лет, – чтобы весь тот народ окончательно вымер. Кто жив еще, тому за девяносто, и он уже никак не может участвовать в этой жизни. Весь тот народ Господь истребил и отдал виноградник другим делателям – нам с вами. Народился новый народ, абсолютно в других условиях, воспитанный совсем не так, мозги совершенно набекрень, и дана ему в наследство вот эта вера православная, дан новый шанс – хочешь, приноси плоды.

Какие плоды? Такие, каких ждет Господь. Богу не нужны золотые главы, золотые кресты, множество монастырей, множество книг и чтобы икона была на каждом углу. Богу нужно только сердце человека, принадлежащее Ему. Внешне можно все прекрасно и благолепно обставить, это совсем нетрудно. Вот прошел год с небольшим, и наш храм встал из руин и такую красоту приобрел. А если бы мы всей страной занялись, то за прошедшее лето можно было бы отстроить все монастыри до одного, и отреставрировать все церкви, и все расписать. Можно и из музейных запасников иконы достать и развесить. Это все очень и очень легко и нужно лишь постольку поскольку. А Богу надо, чтобы мы начали Его заповеди исполнять, чтобы мы Его полюбили. Как сегодня мы в послании апостола Павла читали: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема».

Да, ты сделал прекрасный храм – но полети на самолете над Памиром или Кавказом, посмотри, Господь какую красоту сотворил! Какой твой самый лучший храм сравнится с этим? Ты

расписал стены красивым синим цветом, но разве его сравнишь с синим небом, которое Господь создал? И какую бы ты икону прекрасную ни написал, посмотри на лицо любого человека – да оно в миллиарды раз прекрасней. Любой человек – живая икона Божия. И Господь в одну минуту может и воссоздать, и украсить, и даже все по-новому создать.

Господь хочет, чтобы мы не вокруг все изменили, а сами стали другими, чтобы стремились к святости. И если мы этого не сделаем, от нас тоже возьмется виноградник. Господь отнял у Израиля Свою милость и отдал ее язычникам, и язычники ответили на Его любовь, откликнулись святостью: множество святых было и на Западе, и на Востоке, и на Севере, и на Юге. Даже в начале нашего двадцатого века были люди, которые умерли за Христа. Тогда, чтобы жить – ну не богато, конечно, но спокойно, – нужно было если ты священник, то снять с себя сан; если сын священника – отречься от отца; если дворянин – вступить в партию. Но сотни тысяч людей этого не сделали, они предпочли умереть. Они выбирали, что лучше: либо эта краткая оставшаяся жизнь, такая благополучная, либо смерть, зато совесть спокойна. Умереть больно, физически тяжело – а тут морально тяжело: как потом всю жизнь буду жить? Я знаю некоторых людей, у которых папа был священник. Они от отца отреклись и живут благополучно, сейчас уже вышли на пенсию, кто-то из них даже кандидат наук, все прекрасно. Ну а папу расстреляли.

И у нас та же борьба происходит. Вот что нам нужней: плотское или духовное? Человек каждый день выбор делает: молиться или не молиться, на всенощную идти или у телевизора сидеть. Что он больше любит: Господа Иисуса Христа – и идет Его прославлять – или идет пить вино. Что важней: когда по гортани сладость течет и это ощущение ему приятно – или все-таки его совесть, его любовь к Богу, ради Которого он себя ущемляет и делает не то, к чему плоть его зовет, а его вера.

Господь никого не заставляет, а всех призывает и каждого готов принять. Какой бы испорченный, грешный человек в храм ни пришел, он с этого момента может начать новую жизнь во

Христе, может оставить свои греховные привычки за порогом храма и за порогом своего сердца. Это, конечно, не сразу получится, он не сразу достигнет богообщения, потому что не сразу окажется этого достойным. Нужно будет очень долго душу свою очищать чтением Священного Писания, молитвой, исповедью и постоянным причащением Святых Христовых Тайн. Тогда человек будет просвещаться потихонечку, и Господь его примет. Но это движение возможно только в одном случае: если будет любовь к Богу.

Любовь к Богу проявляется в том, что человек начинает и всех остальных любить. А любить – значит друг друга жалеть, любить – это значит еще и сочувствовать. Как апостол Павел говорит: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими». То есть чужую радость надо воспринимать как свою; не завидовать, а сорадоваться – он радуется, и ты вместе с ним: вот как у него, слава Богу, хорошо! А когда у него горе – и тебе больно за него, хочешь как-то ему облегчить, даже думаешь: лучше бы я так пострадал, чем он. В этом же послании сказано: «Прошу вас, братия, будьте и вы почтительны». Надо стараться к другому почтительным быть, с любовью, с милосердием – ради любви Христовой, ради правды, ради того, чтобы мы наконец исполнили, что Господь от нас хочет.

Все древние заповеди Божии остаются в силе, но есть и новая, самая главная. «Заповедь новую, – говорит Господь, – даю вам, да любите друг друга». Господь нам Отец, а что для отца или матери самое главное? Чтобы детки не спорили, чтобы они любили друг друга, жалели. Если бы мы слушались Отца и Мать – Отца Небесного и Матерь нашу Церковь, – мы не ссорились бы, не ругались, не злились, прощали бы друг друга, уступали. Вот что Господь от нас хочет. И всю нашу жизнь надо потратить на то, чтобы учиться это исполнить, стараться понять, что же такое – любить друг друга.

Это не то, что телевидение предлагает. Что они понимают под любовью: глумливая, раскрашенная улыбка, – это не любовь, а скотство самое настоящее. И даже не скотство, пусть меня животные простят, а демонизм, беснование, потому что ни одна корова, лошадь или собака того не выдумает, что

порочное, демоническое, сатанинское человеческое сознание может придумать. Попробуй корове налей стакан водки, будет она пить? Только человек в своем безумии, имея прекрасный разум, который способен проникнуть до края вселенной, может этот разум бросить пьяный под забор, причем добровольно. Ему предлагают: на – и он сам берет и пьет. Из всех животных на это способна только обезьяна: говорят, что она каким-то образом ближе к человеку и ее можно так надрессировать, что она будет пить вино. Но больше ни одно животное – только человек.

И Господь хочет, чтобы мы сначала стали людьми. Для этого существуют древние заповеди Израиля, которые делают каждого из нас из животного человеком. Но этого мало; если исполнять все заповеди: каждое воскресенье ходить в храм, почитать папу с мамой, не врать, не блудить, не воровать, не завидовать, – Царствия Божия не достигнешь. Был такой юноша в Израиле, он подошел к Господу, и Господь ему сказал: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и следуй за Мною». Тогда будешь совершенным, и то не сразу, а еще целый путь надо пройти. Исполнение ветхозаветных заповедей – необходимое, как в математике говорят, но недостаточное условие.

Конечно, пока ты ругаешься скверными словами, пока блудишь, воруешь, хамишь матери с отцом, ни о каком христианстве речи быть не может – ты еще вне Церкви, к ней не прикасался, ты еще даже не израильтянин древний. Вот когда ты эти заповеди исполнишь, то можешь подойти уже к жизни христианской.

А Господь требует от нас высшего. Он не ждет исполнения внешних норм, Он хочет, чтобы мы внутри, не на словах, а подлинно сердцем любили бы друг друга. Спросили апостолы у Христа: «Так кто же может спастись?» – и Он прямо и твердо сказал: «Человекам это невозможно». Ни один из нас, сколько бы ни тужился, сколько бы лоб ни расшибал, сколько бы постов на себя ни накладывал, любить не сможет. Любовь – это Божий дар и дается только по благодати. Господь Святой Дух через Свои Божественные энергии поселяется в сердце человека и

делает его любящим. Поэтому вся жизнь наша, как говорил Серафим Саровский, – это стяжание Святого Духа.

Он стяжается постоянной борьбой с грехом в себе, постоянным скрупулезным и внимательным исполнением заповедей Божиих. Каждый день надо со слезами молиться: «Господи, дай! Царю Небесный, прииди и вселися в ны, очисти ны от всякия скверны». Надо постоянно иметь общение с Духом Святым в святых таинствах, потому что каждый раз, когда мы исповедуемся и наша исповедь искренна, Господь Дух Святой очищает наше сердце. Каждый раз, когда мы с любовью, с покаянием, с благоговением, с чувством собственного недостойнства причащаемся Святых Христовых Тайн, Господь Святой Дух приходит к нам, и мы становимся все чище, светлее.

И кто трудится усердней, тот больше получает, а кто, как морж, то нырнет, то вынырнет, тот топчется на месте, а жизнь идет. Все зависит от нашего усердия. Кто загорится любовью к Богу, захочет достичь того, что Сам Господь назвал Царством Небесным, тому Господь и даст. Царство Небесное – это когда Господь поселяется в сердце человека и он испытывает невыразимейшее блаженство общения с Богом. Режь на куски такого, делай с ним что хочешь – ничто не может отлучить его от любви Христовой, ничто не может поколебать, никакие внешние обстоятельства, потому что радость о том, что Господь с тобой, неизбывна, неизменна и никак не может уменьшиться.

Это и есть подлинная христианская духовная жизнь. Это есть и Царствие Небесное. И Господь хочет каждому из нас дать это Царство, только не каждый хочет взять, все размениваются на какую-то чепуху: кто на вино, кто на телевизор, кто на пустые слова, кто еще на что-то. Мы все время меняем любовь Божию, все время изменяем Ему, один больше, другой меньше. А Господь ревнив, Он хочет, чтобы всю жизнь мы предали Ему. Поэтому будем усердствовать.

Господь нам дает новый виноградник. Кончился семидесятилетний вавилонский плен, слава Богу, это дело прошлое, но осталась духовная разруха. Кто должен трудиться? Мы. А глядя на нас, может быть, и другие захотят. А если эти

другие захотят, то, может, и весь народ. Если Русь опять станет святой, тогда и мир этот сможет устоять, потому что больше нигде в мире подлинного Православия нет. Обратимся ко всем народам: покажите нам ваших святых, где они? Их нет. У нас тоже осталось очень и очень негусто, на пальцах одной руки можно пересчитать. И если они исчезнут, это значит, и Церковь исчезла, потому что подлинная Церковь есть святая жизнь во Христе.

Мы с вами еще не Церковь, мы только ученики, бродящие по Галилее, по пыльным дорогам. И подлинной радости о Святом Духе у нас еще нет, потому что мы пока не знаем, что значит любить друг друга. Сюсюкать, обниматься, говорить: ты моя милая – это мы можем, это совсем не трудно, потому что ты ко мне хорошо относишься – и я к тебе хорошо. А любовь – это когда тебя ударили по правой, а ты подставляешь левую. Вот она в чем проявляется: когда ничто в мире не может исторгнуть зло из твоего сердца, потому что у тебя нет в сердце зла, совсем нет. Поэтому как бы человек к тебе ни относился, что бы он ни выделял, а отзвука зла нет, и все. И это дается благодатью Божией. Будем же к этому, дорогие братья и сестры, стремиться. Помогите нам в этом премилостивый Господь. Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 25 августа 1991 года

Всенощное бдение под Неделю 16-ю по Пятидесятнице

Сегодня мы читали Евангелие о том, как Лука и Клеопа на пути из Иерусалима встретили Христа, но не узнали своего Учителя. А когда на трапезе Господь преломил хлеб, они Его узнали, но Он стал невидимым. Почему так? Неужели Он сразу не мог открыться им? И зачем Он стал невидим, в чем тут дело?

Господь всемогущ. Неужели Ему трудно прийти сегодня вечером к каждому домой и сказать: ты почему не веруешь? Выключи телевизор, пойдем в церковь. Вряд ли кто откажется, так с ужасом и пойдут и даже бегом побегут. Вообще выволочь всех из постелей и заставить молиться не так уж трудно. Только Богу это совсем не нужно. Господь хотел бы, чтобы мы жили верой. А что такое вера? Вера – это тот Божественный дар, который невидимые вещи делает видимыми. Это сила, которая Христа, невидимо здесь присутствующего, делает явно видимым, но не глазами тела, а очами души. И вот именно поэтому Господь удержал глаза ученикам: Он хотел их веры. А когда вера была явлена, Он им открылся, а потом стал невидим, потому что нет нужды в том, чтобы Ему явно присутствовать. Если бы Он явно присутствовал, тогда зачем вера? Она не нужна.

Вот мы сегодня совершали всенощное бдение, славили воскресшего Христа, и Он стоял среди нас и сейчас стоит. Знаем мы это или не знаем? Каждый раз, когда мы собираемся в храм, помним ли мы о том, собственно, к Кому мы идем на встречу, зачем мы идем? И, стоя уже в храме, не забываем ли мы о том, в Чьем присутствии мы находимся?

Господь хочет от каждого человека подвига веры, чтобы человек жил бы именно этой Божественной силой, которая невидимое делает видимым, и причем делает его настолько важным, вот как для Луки и Клеопы: они шли по какому-то делу, отошли от Иерусалима уже довольно далеко, а когда узрели Христа, то бросили все и вернулись назад. Потому что все

житейское попечение, когда человек встречается со Христом, становится ненужным пустяком. Поэтому настоящие христиане всегда поступают не по целесообразности мира сего, а все свои поступки соотносят с душевной пользой. Вот то-то и то-то мне предлагается. Будет это полезно моей душе или не будет полезно? По-житейски вроде так лучше, а для души вредно – тогда нет, я лучше поступлю так, как для души полезно, потому что этим я сделаю шаг навстречу к Богу.

Все-таки самое главное в нашем бытии – это встреча с Богом, а еще лучше сказать – не только встреча, а, собственно, жизнь с Ним, постоянное духовное видение того, что Он пребывает в мире, и действует, и участвует в нашей жизни. Поэтому вся духовная жизнь – это есть постоянное возвращение к Богу, постоянная память о Нем, постоянное соотношение всех своих слов, мыслей, поступков, чувств именно с Его волей – так, как будто мы Его уже узрели, как будто действительно мы Его видим. Потому что вера наша говорит, что Бог вездесущ и Бог всеведущ. Следовательно, даже если мы Его не видим, даже если мы Его не чувствуем, Он нас видит и Он нас чувствует. И мы должны руководствоваться не своими чувствами – наши чувства врут, они все искажены грехом, – а мы должны руководствоваться верой в то, что Он видит нас, и чувствует, и знает, и любит, и хочет спасти.

Поэтому если бы мы веровали Ему, то тогда бы мы и не отчаивались и не унывали. Мы все время к Нему бы обращались и ждали бы ответа; мы всегда бы у Него просили, что нам необходимо, и Он бы нам всегда давал. А мы просим как бы в пустоту, не веруя, что Он даст, поэтому и не получаем. Он Сам об этом сказал: если ты просишь, то проси с верой. А мы остаемся наедине сами с собой и в гордом ослеплении, собственно, о Нем-то и забываем. Мы вместо того, чтобы просить у Него спасения, продолжаем заниматься каким-то бессмысленным самосовершенствованием, которое абсолютно бесплодно, потому что мы никак не делаемся лучше. Сам себя исправить человек не может – просто одна страсть может вытеснить другую, и больше ничего. Это же понятно. Только Господь, Который нас создал, только Он нас и может исправить.

И причем Он этого еще и хочет. И если бы мы не упирались в своем безумии, то тогда бы все шло гораздо лучше.

Вот апостолам это удалось понять, усвоить, и поэтому Господь дал им благодать, которая очистила их «от всякия скверны». И нам нужно стараться жить не своим разумом, а верой. По милости Божией, у нас есть Священное Писание. Мы можем в него вникать умом, и Господь через Священное Писание будет нас вразумлять, что нам делать, как нам быть. А мы опять надеемся на себя, на свои какие-то ухищрения, уловки, мы пытаемся выстроить свою жизнь так, как будто никакого Бога вообще нет. Стараемся все нормально, удобно, спокойно построить, никак не соотнося с Ним. Поэтому наша жизнь терпит урон. Мы видим, что целые государства рушатся без Бога, рассеиваются, как дым. Потому что Бог – Созидатель. Как без Него можно здесь что-либо устроить?! И если мы будем строить свою жизнь не на Его воле, не на Его заповедях, а искать каких-то ловких путей, чтобы прожить как-то иначе, вне Его, то все рухнет все равно. Это бесполезно.

Очень поучительно всегда наблюдать людей, высоко поставленных над другими, какие они бывают несчастные и убогие в старости, когда уже никому не нужны и всю эту власть, все почести у них отбирают. Потому что если человек живет не Богом, то, когда он теряет что-нибудь земное, эта катастрофа для него всегда ужасна. Человек прилепился к земному, а Господь-то хочет всех к Царствию Небесному привлечь. Поэтому Он старается человека как-то от мира оторвать, направить его взор к духовному, понемножку старается отнять вот это все земное, опять же для пользы человека, а человек приходит в ужасное расстройство, в отчаяние.

Поэтому нам надо стараться в себе веру возгревать, приумножать. Вера – это изначально, конечно, дар Божий. Если Бог не даст, то хоть все книжки прочитай, хоть лоб расшиби об пол церковный, веры от этого не будет. Вера – дар Божий, но ее можно возгревать, потому что вера – это есть еще и добродетель (от слова «делать»). То есть, если все время совершать дела веры, она будет расти. Допустим, если обстоятельства нашего бытия предлагают нам нечто совершить,

но мы отвергнемся этого, потому что это противоречит нашей вере, то сразу сделаем большой шаг вперед навстречу к Богу.

Именно этим наша с вами жизнь должна отличаться от жизни прочих людей. Все живут так, как им хочется, так, как им нравится, и в соответствии с тем, что о них люди скажут. Поэтому все и одеваться стараются так, чтобы люди ничего не сказали; и в квартиру все хотят купить именно то, что видели у людей; и жизнь свою семейную, амурную хотят построить именно так, как у Александра Дюма прочитали.

Вот из этих стереотипов человек намечтает, намечтает себе и пытается так жизнь устроить. Ну, конечно, ничего из этого не выйдет. Потому что жить надо верой – не так, как хочется, не так, как люди скажут, не так, как бабушка научила, а так, как Бог велит. А так, как Бог велит, это весьма трудно, потому что Бог свят, а мы грешны. Поэтому все, что велит нам Бог, на первых порах очень трудно, пока не войдешь уже во вкус этой небесной жизни. Поэтому совсем немного людей ходят в церковь, и никогда не было много. Бывали времена, когда храмов было много и людей было в храмах много. Но люди в основном ходили не Богу молиться, а наряды друг другу показывать, ходили друг перед другом тщеславиться, гордиться – некие ритуалы были. Сегодня ритуал ходить на партсобрание, на демонстрацию, а завтра отменяют и будет ритуал – в церковь. И будут ходить. Заставить весь народ в церковь ходить – это делать нечего. Два-три указа и немножко побольше милиции – и все как миленькие пойдут. И это уже все было. Но Богу-то это совсем не нужно. Поэтому Бог это в один прекрасный момент все и отнял и разрушил. Потому что уже невозможно было для Бога эту всю мерзость терпеть. Гнев Божий обрушился именно потому, что удивительное лицемерие было, обман, фарисейство. А Господь хочет живой веры.

И каждый раз, поступая по вере – не так, как хочется, а так, как Бог велит, – в самой мелочи, постепенно ты будешь способен на большее. Каждый раз, когда делаешь не то, что хочется, а то, что надо, ты делаешь шаг навстречу к Богу. Вот это путь к прозрению. А когда уже прозреешь, увидишь Бога, тогда тебе скажут: сделай какой-то малый грех, пустяк – или мы

тебя убьем лютой смертью вместе с твоей женой, детьми и всеми родственниками. Ты скажешь: убейте меня, и жену, и всех детей с родственниками, но я не смогу даже вот этот пустяк нарушить. Почему? Потому что это Богу не угодно. Когда человек уже Бога узрит, он грешить не может вообще. Не может: лучше меня убейте.

Поэтому все святые мученики, которых мы прославляем, они так и предпочитали. Им предлагали иногда суший пустяк: вот статуя идола, мы в этого идола абсолютно не верим, это железный, деревянный или каменный истукан. Вот кадильница горит – ну возьми кусочек фимиама и брось. Веруешь в своего Христа – и веруй в кого хочешь, только возьми и брось, иначе мы тебя... И начиналось: и кости дробят, и кожу спускают, и в масло кипящее кидают. Спрашивается: ну чего упорствует? Большинство же веруют в душе, и нормально, и в церковь не надо ходить, постов не надо соблюдать, Евангелие читать не надо – в душе мы все верующие. Веруй себе в душе – положи только кусочек вещества в огонь, воскури фимиам. Нет, идет на смерть, да еще радуется. А почему? Потому что он уже прозрел, он видит Бога. Так и Стефан, когда его побивали камнями, он увидел небо отверстым. Господи, да побивайте на здоровье камнями, да еще поострей, потяжелей возьмите, мне до этого дела абсолютно нет, я вижу небо отверстое! Какое мне дело до моего собственного тела? Моя боль, моя молодость, моя красота, мой ум – это все ничто по сравнению с тем, что я вижу.

Вот, человек прозрел. И к этому прозрению каждый из нас должен, по милости Божией, двигаться. Потому что вот здесь, где мы с вами стоим, пребывает вся полнота Божества: мы слышим и слово Божие, и Дух Господень здесь, Господь и Телом здесь присутствует. Вся полнота Небесного Царствия пребывает здесь. Никакого иного Царствия Божия нет и быть не может. И чтобы это увидеть, нужна просто вера. У нас есть, конечно, вера, она-то нас сюда и приводит, но мы еще пока слепые. Поэтому надо нам прозреть, надо молиться Богу: Иисусе, Сыне Давидов, чтоб нам прозреть. А для этого нужно делать то, что Он велит, нужно делать то, что Он нас просит. И тогда потихонечку будем прозревать. И тогда сможем быть

готовыми к тому подвигу, к которому Он нас зовет. Тогда из аморфных, расслабленных людей, не способных ни на что, мы сможем не только себя управить, но еще и Церкви послужить, людям, этому миру. Может быть, действительно кто-то из нас станет солью земли, которая сможет этот мир предохранить от гниения. И может быть, по нашему малому подвигу Господь и жизнь этому миру еще продлит, чтобы еще какие-то люди к покаянию пришли, к вере, к прозрению. Помогите нам в этом Господь и благодать Божия. Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 14 сентября 1991 года, вечер

Неделя 17-я по Пятидесятнице

«Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах. И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Верующий в Него может и погибнуть, потому что вера без дел мертва. Вера – это не мировоззрение, это есть дело, добродетель, это Божественная сила (ибо она есть дар Божий), которая проявляется в жизни человека. А если эта сила никак не проявляется, значит, ее нет и, собственно, и веры-то нет, потому что мертвую веру верой назвать можно только условно. Большинство людей, живущих на земле, конечно, веруют. Только безумец, сумасшедший или купленный человек за деньги отрицает Бога, а так каждый знает, что Бог есть. Но это знание не есть живая вера, потому что и сатана знает, что Бог есть, и бесы знают и трепещут. Вера большинства верующих их не спасает, и они гибнут, гибнет их душа.

Что это значит? Вообще, что такое гибель, смерть? Это есть прекращение жизни. Как тело умирает, когда сердце останавливается, прерывая ток крови, так погибает и душа, когда нет в ней веры. Источник жизни души, имеется в виду жизни духовной, – сила Божия, Его благодать. Поэтому если душа не сочетается с благодатью Божией, то погибает. Это выражается в том, что душу заполняют духи тьмы, духи злобы поднебесной, и она живет уже не волей Божией, а страстями: не то, что Бог велит, делает, а то, что хочется; желания же ее воспаляются от геенны.

Каждый из нас прекрасно испытал на себе воздействие этих злых сил, когда согрешить хочется так сильно, что кажется, невозможно и устоять, грех как бы непреодолим. И если б не Бог, это было бы воистину так. Вот чтобы грех одолеть, на землю и пришел Христос, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в

мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него». И через Христа каждый, кто пожелает, может иметь общение с Богом Отцом, Который есть податель вечной жизни, – и это общение заключает в себе самое полное блаженство, какое только может вообразить человек.

Как происходит спасение? Сначала человек уверует в то, что слова, которые говорил Христос, истинны, поскольку Он не просто человек, а Богочеловек, сошедый с небес. Если думать, что Он не Богочеловек, а простой учитель или мудрец, тогда либо Его учение правда, либо не совсем правда, либо неполная правда. Мудрецов всяких много, учителей много, каждый хвалит свое, и, если Христос один из них, тогда можно что-то для себя принять, а что-то не принять. Так многие и говорят: да, Евангелие – хорошая книга, вот это все правильно, а вот это нет, я считаю, что то-то не так. Но если Христос – Бог, тогда все обсуждения снимаются, потому что как можно подвергать сомнению, например, законы химии, биологии, математики, физики? Это абсолютная истина, которая подтверждается экспериментом, математическим аппаратом.

Поэтому начинается все с веры в то, что тот человек, который родился тысячу девятьсот девятью годами назад, ходил по Галилее, Иудее и проповедовал покаяние и Царствие Божие, это действительно сошедый с небес Сын Божий и Он жил, страдал, умер, воскрес и восшел на небеса. Если человек этому верит, то он должен в зависимости от этой веры попытаться свою жизнь менять: уже жить не так, как папа с мамой учили, не так, как люди живут, а так, как велит жить Слово Божие, Христос. И это изменение, эта попытка измениться называется покаянием.

С покаяния начинается, собственно, жизнь духовная. Если человек уверовавший предпринимает усилие по исправлению собственной жизни, то есть пытается встать опять с головы на ноги и начать движение к свету Христову, и если это усилие в известной степени продолжительно, то человеку открываются небесные дали, он начинает видеть небо, познавать волю Божию; он ощущает тогда благодать, начинает испытывать блаженство. Когда человек стремится совершать дела веры,

возможности его расширяются и иго Христово, на первый взгляд кажущееся невозможным в исполнении, становится легким. Бремя Христово становится нетяжкой, если человек старается против своего падшего естества выступать: когда обидели – прощать, когда проклинают – благословлять, когда бьют по правой щеке – скрепя сердце, но подставляя левую и так далее. На первый взгляд это совершенно невозможные вещи, но, если человек однажды попробовал их совершить, он начинает испытывать блаженство, потому что следствием исполнения воли Божией бывает посещающая его сердце благодать.

Каждый человек заблудился на путях жизни и забыл Бога, как ребенок, которому отец говорит: иди сюда, а он отвечает: не пойду, и бежит в обратную сторону, то есть удаляется от отца. Однажды отпавший от Бога, потому что проявил свою волю, противную воле Божией, человек возвращается к Богу через исполнение Его заповедей. И когда он делает хотя бы один шаг навстречу Богу, то свидетельство сердечное пришествия благодати Божией не может остаться для него незамеченным, и тогда он вкушает небесное блаженство. А вкусив его однажды, он будет постоянно стремиться к нему, потому что человек так устроен, что, когда-то изгнанный из рая, где бы ни жил, на каком бы языке ни говорил, он ищет счастья, ищет блаженства, тоскует по потерянному раю.

Хотя этот рай утрачен много тысяч лет назад, но память о нем осталась глубоко в сердце. Поэтому человек никогда не может насытиться земной жизнью. Будь он хоть миллиардером, или самым прекрасным красавцем, или обладателем самого необыкновенного здоровья, или гением, так что тысяча Ломоносовых у него в голове поместится, – он все равно будет неудовлетворен. Потому что человек по своему призванию есть небожитель, а на земле имеются одни суррогаты этой небесной жизни, временные заменители. Поэтому чем бы человек ни обладал, чего бы он ни достиг из земного, его это обычно радует несколько минут, редко дней, а потом опять бесконечный поиск нового блаженства. Когда же его посещает благодать Божия, он обретает нечто такое, в чем бы хотел пребывать всегда.

Свидетельство этого – гора Фавор, где апостол Петр захотел остаться навсегда и быть вот так, как сейчас: остановись мгновенье! Он этого возжелал, потому что узрел благодать Божию.

Это посещение человека благодатью Божией и есть Царствие Небесное, о котором Господь говорит: «внутри вас есть»; это и есть спасение, потому что благодать Божия – небесный огонь, сжигающий в человеке грехи. Все наши грехи – следствие орудующей свободно и нахально в душе бесовской силы. Но когда Христос приближается к человеку, бесы не могут не выйти: «Иисус, Сын Божий, пришел Ты мучить нас!» – они должны вырваться и улететь в бездну. Благодать Божия очищает от всякия скверны и спасает душу – спасает от греха. Поэтому христианская жизнь состоит в обретении благодати Божией. Кто это испытал, тот знает, что именно в ней заключается полнота бытия, это есть и смысл жизни, и ее цель.

Дальше Писание говорит: «Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны».

Есть такое понятие «Страшный суд». Суд – категория юридическая. Слово «суд» встречается в Евангелии и в Откровении Иоанна Богослова, и это есть образ. В сегодняшнем чтении как раз и говорится, в чем этот суд состоит. Не Бог, восседая на судейском престоле, говорит: Я тебя осуждаю за твои злые дела, и ты пойдешь во тьму кромешную; а тебя Я прощаю, ты иди в жизнь вечную. Нет, это делает сам человек – он сам себя судит своим собственным выбором. Когда Христос пришел на землю, Он сказал: «Не мир пришел Я принести, но меч». В греческом языке, на котором написан Новый Завет, слово «меч» означает и «разделение». Весь мир разделен Христом. Каждый человек, каждый народ стоит перед выбором,

принять Христа или отвергнуть. И каждый либо Его принимает, либо Его отвергает – другого нет.

Если любой непредвзятый человек прочтет Евангелие, он прекрасно поймет, что оно требует от него сверхъестественной нравственности, но не все на это способны. Новый Завет совсем не для всех – это для избранных, это для мужественных, ответственных и сильных людей. Поэтому путь в Царствие Небесное очень узкий, а путь в погибель очень широкий. Евангелие обращено к каждому и ко всему миру, но совсем не каждый примет слово Божие. Наоборот, весь мир отошел от Христа. Мы живем в конце двадцатого века, когда уже все народы, и даже наш народ, русский, Русь Святая, отвергли Христа совершенно, во всей полноте. Сохранился только малый остаток тех, которые Христа принимают и хотят учиться исполнять Его волю, хотят Царствия Небесного достичь.

Основная масса людей желает пожить здесь, здесь обрести определенное количество суррогатов, которые заменят им блаженство; временную жизнь они предпочитают жизни вечной. Но и из тех, кто ходит в храм, и читает Священное Писание, и пытается утром и вечером молиться, совсем не все принимают Христа. Большинство из нас с вами принимают Его только умозрительно, потому что палец о палец не ударяют для того, чтобы исполнить волю Христову; неизвестно на что надеются и не исполняют ни одной заповеди; ходят в церковь – но никакого исправления жизни, никакого желания действительно сделать шаг навстречу к свету, движения никакого нет.

Почему человек не делает шаг навстречу к свету? Господь говорит: потому что дела его злы. Человек живет в зависти, в раздражении, в гневе, в блуде, в сребролюбии. Это для него родная среда, питательный бульон, здесь ему все понятно. Христос же требует, чтобы зло было отвергнуто, а это очень трудно. Отвергнуть грех нужно обязательно с болью, с кровью, с мясом, потому что он сросся уже с душой. А человек не хочет себе эту боль причинить, поэтому живет так, как ему хочется, и пытается исполнением внешнего закона выторговать себе у Бога спасение. Но это невозможно. Да, конечно, кто в храм не ходит, тому спасение вряд ли достижимо. Но если даже быть в

храме каждое воскресенье, это не значит, что спасение само настанет. Нет, совсем нет, а только если будет движение от зла к добру, движение от тьмы к свету, от сатаны ко Христу – вот только так.

И это движение должно быть постоянным, оно должно проявляться во всем. Вот читает человек утреннее правило – можно читать и, как обычно мы все делаем, рассеиваться мыслью. Отчитал до конца, закрыл, облегченно вздохнул: кончилось это мучение. А можно на каждой фразе совершать целый подвиг, пытаться сосредотачивать свою мысль тем слабым волевым усилием, на которое мы способны, и еще просить у Бога, чтобы Он нам помог и принял эту скудную молитву. То есть даже краткое молитвословие утреннее или вечернее можно превратить в подвиг – подвиг самовоспитания, подвиг самоограничения, отречения от своей воли. Господь хочет, чтобы каждый из нас этот подвиг совершил. Он Сам, Христос, – Подвигоположник, Он Сам, как Новый Адам, совершил величайший подвиг смирения, самоуничижения, самоотвержения и жертвенной любви. Он Сам этим путем прошел и каждого из нас призывает последовать за Собой.

Понятно, что совсем не каждый на это способен, даже в самой ничтожной степени. Но если ты хочешь стать христианином, тебе этим путем придется пройти, пусть не буквально: до Голгофы, до гвоздей дело, может быть, и не дойдет, но сам принцип жизни должен быть устроен именно таким образом. Вот это и есть подлинное христианство, а все остальное туфта, обман и фарисейство, и не надо обольщаться, как обольщаются люди, которые ходят сейчас по улице и думают про себя, что они глубоко веруют в душе. Это самообман, который обнаружится через два часа после того, как они умрут, когда бесы потащат их душу несчастную. Мгновенно все то, что человек делал в жизни, что он думал, что он говорил, что он чувствовал, – все ему будет показано, и его спросят: ну, скажи, среди всего того безобразия, в котором ты жил, где же в твоей душе вера, такая глубокая? В ней только зависть, злоба, равнодушие, блуд, осуждение, сребролюбие,

клевета, кревоугодие, безумный смех. Вот что в душе, и ничего нельзя изменить, уже поздно.

Нам надо твердо знать, что, если человек не уверовал во Христа, в этом виноват он сам. Иной говорит: меня мама не вразумляла, меня бабушка не учила. В этом их вина есть, конечно. Хорошо, когда деткам с самого малолетства преподают некие истины, но это же только преподавание, а принять эту истину или не принять все равно зависит от человека. Редко какая мать учит дитя делать зло; нет, все детям говорят: надо слушаться, надо это, надо то. И однако миллионы этих сыночков и дочек в тюрьме сидят. Им тоже говорили, что надо, но ведь они не приняли. Приятие зависит от человека. Даже если тебя никто никогда не учил, но ведь имя-то Иисус ты слышал? Слышал, как про этого человека говорят, что Он Бог? Что же ты не удосужился хотя бы поинтересоваться, кто Он, Этот Бог, и что Он и кому говорил?

Само равнодушие к этому есть свидетельство, что человек мертв для духовной жизни, что он уже выбор сделал. Поэтому если кто-то не верует во Христа, если не хочет исполнять заповеди Божии, то в этом виноват он сам и больше никто: ни окружающая среда, ни одна душа на свете, ни мама, ни папа, ни окаянные коммунисты, которые из нас выбивали веру. Веру выбить никак нельзя. Если человек хочет веровать, он всегда верует, хоть его подвесь за ноги к потолку. Как ни выдалбливай, этим ничего не достигнешь, веру из сердца никак не вынешь, это невозможно, если она подлинная. А если эта вера «в душе», тогда достаточно указа одного – и она кончится, потому что ее, собственно, и не было.

Сегодняшнее Евангелие говорит нам, что если мы погибнем, то в этом будем виноваты только мы сами. Потому что для нас есть все возможности к спасению; от нас даже и не требуется почти ничего, только расположение сердца, устремление к свету, устремление к тому, что Христос зовет правдой. Понятно, что это требует постоянных усилий. И нам надо стараться жизнь таким образом устроить, чтобы наше стремление, которое нас сегодня в храм привело, не заглохло,

чтобы оно все-таки вывело нас на эту узкую тропу, чтобы мы сумели по ней идти.

Господь не ждет от нас некоего результата, потому что результат зависит от Него. Сам человек спастись не может. Вот тебе заповеди, попробуй исполни. Каждый из нас, кто делал какую-то попытку в этом направлении, знает, что совершенно невозможно исполнить самому заповеди Божии, их за нас Бог Сам же и выполняет. Нам нужно только просить Его об этом и не мешать Ему. От нас требуется постоянное, реализуемое в каждом поступке, слове, мысли и чувстве устремление, неоскудеваемое желание: чтобы мы не забывали об этом, чтобы мы этим жили. И все время, если унываем – значит, бороться с унынием; если у нас какие-то рассеянные помыслы – значит, с рассеянностью; если излишне болтливы – с болтливостью; если хочется все время объедаться – значит, с чревоутолением все время бороться, и так далее.

Все время надо себя нудить, нудить, нудить. А наше падшее естество нас устремляет к внешнему покою, к разнеженности, к расслабленности. Поэтому мы должны трудиться – не покладая не рук, а души не покладая; душа должна быть все время в труде, все время в работе. И тогда Господь, видя наше устремление, нам поможет. И чем больше в нас будет это устремление, тем скорее придет спасение, тем скорее Господь придет и очистит нас. А если стоять, как квашня, то ничего и не будет. Под лежащий камень вода не течет!

Конечно, мы все верующие, но с нами может произойти как в притче о десяти девах – не хватит елея, и что тогда? Тогда двери будут затворены, вот в чем дело. Поэтому без оглядки, всей своей жизнью надо стараться Богу служить, то есть каждым своим днем, каждой минутой своей жизни, каждой секундой все время быть перед Ним; все время помнить о том, что Он на нас смотрит; все время жаждать и алкать праведной жизни. Тогда мы насытимся, тогда Господь придет Своей благодатью и поможет нам в этом. Он Сам этого хочет, Он всем хочет спастись и в познание истины прийти.

Поэтому когда человек говорит: я не верую, – он расписывается в том, что он тяжкий грешник, не желающий

отказываться от своих грехов; расписывается в своем свинстве и в желании оставаться свиньей, потому что это ему ближе, и понятней, и теплей. Да, свинье жить проще, безусловно. Хотя у нее одна участь – зарежут и съедят, – но все-таки ее жизнь проще: ешь себе и ешь.

Конечно, чтобы преодолеть свое свинство, требуется от нас большая сила, и устремление, и вера. Поэтому надо всегда просить, чтобы Господь в нас укрепил, умножил веру, эту живительную силу, которая нас движет в Царствие Небесное – можно сказать, вперед, а можно сказать, и вглубь. Потому что Царствие Небесное, оно не где-то там: небо входит в сердце человека и вот здесь, в сердце, бывает. И когда оно входит сюда, тогда человек и постигает, что есть истинная жизнь в Боге. Зная о том, что Господь нам хочет дать ее, постараемся свое сердце открыть, чтобы воспринять жизнь. Аминь.

Храм Святителя Митрофана Воронежского, 22 сентября 1991 года

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Глядя на мир, на всю видимую природу, нельзя не увидеть премудрость Божию. Любой человек, глубоко и внимательно смотрящий, при виде прекрасного и гармоничного устройства вселенной неизбежно приходит к мысли о Боге. Бог обращается к нам и голосом нашей совести. Ведь это Господь взывает к нам через Ангела-хранителя: остановись, что ты делаешь? Но мы, вместо того чтобы слово Божие хранить в себе, стараемся его как-то заглушить, отодвинуть и поэтому теряем благодать Божию и с нею блаженство.

Все люди стремятся к блаженству: кто вина выпьет, сидит блаженствует, кто у телевизора сидит блаженствует, кто просто тщеславие свое удовлетворяет путем болтовни – каждый ищет в жизни свое. Но все наслаждения земные, даже самые острые, очень кратковременны, поэтому блаженством их никак нельзя назвать. Они временны еще и потому, что в основном являются телесными и душевными, и поэтому, когда мы умрем, возможность их достижения кончится. Все то прекрасное, что создано людьми: и музыка, написанная композиторами, и картины, написанные художниками, и стихи, написанные поэтами, – все это после нашей смерти для нас исчезает, становится ничем, уходит в небытие, остается на земле, а мы уходим в мир иной.

Да, прекрасно созерцать хорошую картину или слушать прекрасную музыку. Для того, кто разбирается в искусстве и способен воспринять его красоту, это наслаждение очень высокого рода, но, к сожалению, как бы ни была прекрасна картина, невозможно созерцать ее целый день. Ну допустим, у кого-то даже хватит терпения на день, а дальше что? Дальше конец. А то блаженство, к которому мы все призваны – потому что раз человек всем сердцем стремится к счастью, к покою, к миру, к любви, к наслаждению, значит, это в нем заложено, значит, это должно где-то реализоваться, – это блаженство реализуется только в Царствии Небесном, которое внутри нас.

Нескончаемое блаженство дает только соединение души человека и благодати Божией, потому что Бог вечен и душа наша тоже вечна. Но душа наша вследствие греха от Бога оторвалась. Вот этот-то отрыв и называется грехом, это и есть грех – то, что мы ушли от Бога и ищем наслаждения где-то еще. Поэтому путь к подлинному блаженству идет через возвращение к Богу. А возвращение к Богу возможно только через слово Божие, которое обращено ко всем человекам и к каждому из нас конкретно.

Когда человек читает Священное Писание, особенно Евангелие, слово Божие обращается к его душе, к его совести. И если он начинает слово Божие хранить – то есть постепенно, слово за словом, начинает его принимать, склоняться перед ним, подчиняться ему, начинает свою жизнь и свое поведение, свои поступки, слова, мысли, чувства изменять согласно слову Божию, – то постепенно кривые человеческие дороги выпрямляются. Иоанн Креститель говорил, цитируя пророка Исаию: «Прямыми сделайте стези Ему». То есть надо выпрямить путь Бога к человеку. Выпрямляет этот путь сам человек, и тогда постепенно жизнь его выправляется.

Представим очень узкий, но прямой туннель. В его конце виден свет, потому что он проглядывается от начала до конца. А если этот туннель взять и искривить, то за первым поворотом уже ничего не видно, уже полная тьма. Вот так и наша жизнь искривлена, потому что мы все время от Бога уклоняемся то вправо, то влево. Поэтому мы и Бога не видим. А возвращение к Богу, к этому свету, есть блаженство, оно как выход из тюрьмы на свободу, как выход из болезни к здоровью. Это-то и означает хранить слово Божие. Если же по каким-то причинам что-то в этом мире для нас дороже Бога, если мы предпочитаем Богу свои собственные страсти, то мы так и останемся тощими, мы так ничего и не приобретем, наша жизнь пройдет бессмысленно, как у большинства людей.

Некоторые говорят: ну что же, все погибнут? Да, все погибнут, спасется только очень небольшая часть, те, кто этого хотят, потому что насильно нельзя заставить любить Бога. Вот человек, а вот Бог. Хочешь – люби, а не хочешь – не люби. Но

нельзя ведь любить Бога только тогда, когда есть свободное время, нельзя любить Бога только тогда, когда есть настроение. Вот у меня сегодня есть настроение, я буду Бога любить, а нет у меня настроения или я занят, и всё: вы знаете, я не могу сегодня Бога любить, у меня билет в театр, понимаете, это же очень серьезное дело – в Большой театр сходить, я ни разу там не был, поэтому я любовь к Богу откладываю.

Нет, если человек Бога возлюбил, тогда он уже идет этим путем, никуда не сворачивая, делая прямым этот туннель. И понять здесь на самом деле все очень просто. Почему же люди не спасаются? Потому что они недуховны. Бог-то есть Дух, а они плотские и душевные, как зверьки. Вот кошку посади и объясняй ей про Царствие Небесное, про то, что надо, киска, молиться. Но это же бесполезно: как только она проголодается, она будет рваться к своей миске, а когда ей захочется ласки, она будет рваться к тому, кто бы ее погладил. Большого блаженства, чем сытость, тепло, насыщение инстинкта продолжения рода и ласка, для нее вообще не существует, это предел ее мечтаний. И она стремится к этому блаженству постоянно: лечь на теплую батарею, поесть, дать потомство, все время тереться о сапог хозяина. И большинство людей стремятся к тому же. Вот двухкомнатная квартира, вот трехкомнатная – если есть возможность, значит, надо в трехкомнатную. Вот зарплата пятьсот, вот пятьсот пятьдесят – значит, надо на пятьсот пятьдесят. Вот я сижу книжку читаю, а ребеночек подошел, мешает – значит, отстань, мне некогда. Думать не хочу, устал – включил телевизор. Кто-то раздражает – взял отругал. Ну точно как собака: злая собака, если к ней кто-то подошел, тут же зубы покажет, будет лаять.

Конечно, можно и такую позицию занять, чисто животную. Для большинства людей это проще. Есть всеобщий закон, по которому любая сложная система стремится к своему упрощению. Наиболее наглядно это проявляется, когда умирает какой-то организм (а всякий организм – это очень сложная система). И вот умер, допустим, человек или та же кошка померла – и она тут же начинает разлагаться, распадаться на самые простые элементы, все проще, проще, проще. И так все

распадается, потому что, чтобы эту сложность поддерживать, нужны большие усилия, это очень трудно. Поэтому, конечно, для большинства людей быть кошкой, собакой гораздо проще, чем быть человеком. Вот у кошки, допустим, нет брака: сегодня у нее один брак, послезавтра другой и так далее, все очень просто. А у человека должен быть брак. Но это же сопряжено со сложностями: надо трудиться, надо от чего-то отречься, приспособливаться. Гораздо проще раз – и это все разорвать, то есть поступить как кошка, без всяких сложностей.

И большинство так и делают, потому что это проще. А Господь сказал: «От дней Иоанна Крестителя», то есть с тех пор, как впервые проповедано Царствие Божие и покаяние, «Царствие Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» – те, кто будет трудиться, заставляя себя молиться, заставляя себя поститься, заставляя себя добрые дела делать, заставляя себя ходить в храм, заставляя себя готовиться к причастию, заставляя себя посещать больных. Те, кто будет заставляя себя отказываться от того, что мешает войти в Царствие Небесное, будет рассуждать: вот я собираюсь нечто сделать – это меня приблизит к Царствию Небесному или отдалит? Если приблизит, то, значит, я это буду делать. Если отдалит, я не буду делать. Потому что Господь как сказал? «Ищите прежде Царства Божия», а остальное «все приложится вам».

Если хочется мне этого вечного блаженства, то, значит, я буду себя понуждать. Если не хочется, значит, буду как все. Хочешь быть как все? Пожалуйста, будь кошкой и собакой, это дело твоего добровольного выбора. Это не Бог тебя накажет, когда ты в аду окажешься, нет, это ты сам добровольно выбрал. Церковь-то открыта, вот оно, Царствие Небесное: здесь и слово Божие мы слышим непосредственно, слово в слово – как Он сказал, то мы и слышим; и Телом Своим Бог здесь присутствует в Святах Тайнах; и Духом Своим присутствует. Господь же сказал: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» – значит, Он здесь.

Так что же нам мешает к Нему приблизиться, с Ним вступить в общение и остаться с Ним навсегда? Только наше

нежелание хранить слово Божие в своем сердце, нежелание этого блаженства. Нам что-то на стороне дороже – некий плод, который все время нас соблазняет. И вместо того, чтобы покаяться в этом, мы еще начинаем Бога обвинять, людей, ищем себе всякие оправдания. Поэтому, к великому сожалению, не все из нас спасутся. И это не только мое сожаление, Сам Господь об этом сожалеет. Он говорит: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного», только тот. А остальные? Остальные все погибнут люто: «смерть грешников люта», потому что за ней только мрак и ужас и никакой надежды. Надежда есть, только пока мы здесь, на земле, живем и сознательно выбираем Царствие Небесное. Помоги нам, Господи, сделать этот выбор и в этом выборе остаться. Аминь.

*Храм Святителя Митрофана Воронежского, 4 декабря
1991 года*

Неделя 5-я Великого поста

Духовная жизнь заключается в богообщении, когда дух человека и Дух Божий соединяются. Бог есть любовь, поэтому это соединение возможно только по любви. Так апостол Иоанн и говорит: «Пребывающий в любви пребывает в Боге». А что мешает любви человека и Бога? Грех. «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое», – сказал Христос. Нарушающий же слово Божие, Его заповеди нарушает любовь и тем самым лишается пребывания в Боге. И чтобы восстановить свое соединение с Богом, он должен получить прощение грехов, иными словами, оставить грех.

Прощение грехов означает их изглаживание из души. Если человек осознает, что его действие, или мысль, или чувство какое-то перед Богом нехорошо, противно заповеди, то, обращаясь к Богу, он говорит: Господи, прости, я постараюсь это исправить – и надеется на то, что Господь простит. А для православных христиан Господь даже таинство покаяния установил и Своим апостолам, а через них и преемникам апостолов заповедал: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся». И каждый человек, став православным, может прийти покаяться Богу перед лицом священника как свидетеля и через его руки получить прощение и быть вполне уверенным, что Господь ему простил, если он действительно искренно кается. Потому что так Сам Господь установил, и мы не можем Ему не верить. Такова неизреченная милость Божия, что любой грех может быть изглажен, лишь бы человек осознал, что этот грех препятствует любви между ним и Богом.

Эпизод, описанный евангелистом Лукой, который мы сегодня слышали, говорит об этом. Господь пришел вкусить пищу в дом фарисея Симона, который Его пригласил, чтобы с Ним побеседовать, пообщаться. Видать, этот Симон имел расположение и тягу к духовному, потому что не побоялся мнения своих собратьев по фарисейской партии, что они его осудят. И вот когда по восточному обычаю все возлежали вокруг

трапезы, одна женщина сзади подошла к Спасителю и плача стала омыwać слезами Его ноги, вытирала их своими волосами и умащала драгоценным миром, которое стоило огромных денег. То есть она в таком смиренном выражении оказала Ему любовь за то, что Он ей открыл глаголы вечной жизни и дал ей путь и возможность исправления. Господь принимал эти знаки внимания, не отстранялся от нее и тем самым ввел в сомнение Симона, который подумал, что если этот человек – пророк, то Ему должно быть все открыто. Зачем же Он эту женщину, про которую все знают, что она грешная, допускает так близко до Себя? А Господь сказал ему притчу о том, что из двух должников тот больше возлюбит заимодавца, которому прощено больше.

И вот эта женщина, которая от слов Спасителя покаялась и ощутила благодать Божию, – а благодать Божия часто слезы исторгает из человека, особенно такие обильные, как у нее, – она познала радость подлинного богообщения и узнала, что источник этого богообщения есть Господь Иисус Христос. Поэтому всю любовь, которую она имела, она принесла Ему. И Господь ей сказал: «Прощаются тебе грехи». Это не значит, что совершен какой-то юридический акт. Нет, просто с того самого момента, когда она возлюбила Христа, те грехи, которые у нее были, исчезли, они растворились. Но это не значит и что она о них забыла. Она, может быть, об этих грехах потом помнила всю жизнь, но, вспоминая о них, думала, что это, наверное, было и не с ней, потому что она ощутила себя совершенно другим человеком.

А почему же с нами часто этого не происходит? Хотя мы приходим на исповедь, многие еженедельно, некоторые пытаются даже чаще, а некоторые стараются и вечером и утром, но на следующей исповеди то же самое, те же самые грехи. Почему так? Почему ее грехи сделались как бы небывшими, а мы все продолжаем барахтаться в клубке своих страстей и ничего не можем с собой сделать? Ответ в этом же Евангелии: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много». А мы чужды Богу, мы не любим Его, нас только гордость житейская привлекает, а распятый Христос нас

не влечет, Он не вызывает в нас сострадания, не вызывает в нас благодарности, и мы не хотим ради Него что-то с собой предпринять. Поэтому мы и не понимаем до сих пор, ради чего наша жизнь. Хотя мы и крестились, и получили дар Святого Духа в святом миропомазании, и нам на голове в знак того, что мы отныне рабы Божии, постригали крестообразно власы, но тем не менее эти истины очень медленно входят в нашу душу. Потому что на самом деле покаяться в грехах, то есть изменить свою жизнь, изменить свои поступки, слова, чувства и мысли, можно только крепко возлюбив Бога.

Вообще человек может нечто делать только во имя чего-то. Но вот эта самая главная мысль от нас ускользает: во имя чего наша жизнь? во имя чего это вообще все нужно? Поэтому мы застреваем на каких-то побочных вещах и не ощущаем, где находится эта истинная тропа, которая приведет нас в Царствие Божие. Потому что мы часто и о Царствии Божиим забываем. Мы все пребываем в каком-то тумане, в каком-то сне, во тьме. И как отсюда выбраться? Только возлюбив Бога, только осознав, что Он для нас сделал, только почувствовав Его любовь на себе. Только когда сердце исполнится благодарности к Нему, тогда и возможен подвиг христианский. Только достигнув глубины общения с возлюбленным и возлюбившим нас Богом, то есть когда мы хотя бы в какой-то степени сможем исполнить одну-единственную и главную заповедь: люби Бога. Пока этого нет, все остальное нам может только мешать.

Ко многому мы в мире привязаны. Некоторые из нас даже способны на любовь и кого-то любят, но Господь сказал, что если ты любишь хоть кого-нибудь на земле немножко больше, чем Меня, то ты уже Меня недостойн. То есть ты Бога не достигнешь, это невозможно. И наоборот, когда достигнешь Бога в любви, тогда и познаешь, что такое настоящая любовь к ближнему без страстной привязанности. Это Евангелие как раз и рассказывает, как это достигается. Но нельзя сказать: сделай вот такой шаг, сделай такой шаг, потом такой шаг – и тогда ты этого достигнешь. К сожалению, такого руководства нет. Покаяние – это есть переворот всей жизни. И начинается покаяние, конечно, с ума. Надо, чтобы наш ум наконец сумел

понять, что значит любовь Божия к каждому из нас отдельно и ко всем вместе и какова должна быть наша любовь к Нему.

Если человек любит нечто, он ради этого часто чем-то жертвует. Мы знаем такое выражение: искусство требует жертв. Так же и наука. Человек даже ради того, что денег жалко, может не купить лишнюю бутылку вина, потому что она дорогая. Это считается серьезной причиной. А ради распятого Христа он не делает и меньшего. Получается, что такая очень малозначащая вещь, как деньги, для него значит больше, чем Христос.

И если мы повнимательней последим за своей жизнью, мы увидим, что у нас к Богу нашему, Спасителю, Который кровь пролил для того, чтобы нас изъять из тьмы греховной, чтобы нас избавить от смерти, чтобы даровать нам вечную жизнь, – у нас отношение к Нему потребительское, мы от Бога все хотим взять. А любовь – это совсем другое, любовь – это когда есть желание дать. И Христос в Своем подвиге это каждому показал: Я, ваш Владыка и Господь, хотя могу одним словом новую вселенную создать и населить ее новыми людьми, но Я пришел не для того, чтобы Мне служили, а чтобы Самому послужить.

Если Сам Бог исполнен такого самоотречения, то те, которые хотят именоваться христианами – от имени «Христос», – те должны поступать так же. А у нас даже малой меры этого нет. Поэтому мы топчемся на месте и будем топтаться на месте бесконечно, пока не произойдет в нас вот это чудо, когда мы поймем, как Бог любит нас, когда мы это реально ощутим в своей жизни, когда увидим, когда прозреем.

Когда прозреем, тогда естественно, что мы достигнем любви к Богу, потому что такая сильная любовь не может не рождать в сердце человека любовь ответную. У нас-то каждый хочет быть первым, каждый хочет что-то значить, каждый хочет что-то себе выторговать, каждый ищет своего. А апостол Павел говорит, что любовь «не ищет своего», какой-то своей пользы, благополучия, любовь не ищет счастья, любовь не ищет покоя, любовь этого ничего не ищет. Любовь только постоянно ищет, чем бы еще послужить, чем бы еще Богу угодить, чем бы еще Бога порадовать. Но из пяти миллиардов людей, населяющих землю, много ли таких, которые своей жизнью радуют Бога?

Очень мало. Поэтому Господь говорит: на небесах бывает ликование, торжество, необычайная радость, когда хотя бы один грешник вдруг начинает каяться, вдруг начинает исправлять свою жизнь. Потому что это такая редкость.

Господь нас всех собрал вместе и веру нам даровал для того, чтобы мы Его вот таким образом обрадовали. Потому что в этом обрадовании и есть соединение двух любящих существ: высшего, Бога, Творца, – и твари, Его творения, но носящего в себе образ этого Творца: бессмертие свое, свободу и возможность на любовь. Этого Господь от нас и ждет. В этом смысл жизни христианской. Вот это и есть покаяние, когда человек осознает наконец, что же Господь для него сделал. Это, конечно, не сразу, тут нужно и попоститься, нужно и молиться постоянно, нужно и все время умом и сердцем вникать в Евангелие. И пусть ты недостоин этого, но все равно нужно причащаться Христовых Тайн. Пусть и глупо, и без толку, но все-таки подходить к исповеди, все время толкать в эту дверь. Почему? По Его же слову: «Толцые, и отверзется». То есть за одно пусть и не очень разумное, но вот это намерение к Нему войти, в Его чертог, Господь помилует нас, простит наши немощи, поддержит нас, утешит. Нам только нужно стараться понять, принять сердцем.

Часто, обращаясь к ребенку, мы говорим: ты меня слышишь? Хотя ясно, что он слышит, но он никак не реагирует, он все делает по-своему, хоть кол ему на голове теши. Потому что он занят собой, а до того, что ты ему говоришь, ему нет никакого дела. Так и мы: Христос распялся за нас, апостолы написали Евангелие и все пролили свою кровь, сотни и тысячи мучеников отдали жизнь за Христа – и это все как будто зря, это все нас не вразумляет, у нас все очень важные дела, мы как неразумные дети, занятые собой. Вроде слова слышим, а в сердце-то никак не проникает. А проникновение в сердце – это значит начать хотя бы что-то исполнять. Не ради того, чтоб занять какое-то место. Потому что у каждого из нас своя мера и каждый из нас, даже если будет подвизаться в полную меру, достигнет только того, что ему уготовано Богом. Поэтому, подвизаясь изо всех сил, какие только есть, все равно нужно

говорить: я раб негодный. Потому что что ты сделал? Ты сделал только то, что следовало сделать и что уготовано Богом, и с Его помощью, потому что сам ты не можешь сотворить вообще ничего.

Вот сегодняшнее евангельское чтение перед вступлением нашим в последнюю седмицу Святой Четыредесятницы, после которой вся Святая Церковь будет переживать последние дни жизни Христа Спасителя, нас к этому призывает. Помоги нам, Господи, это исполнить. Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 12 апреля 1992 года

Лазарева суббота

Святая Церковь особенно празднует Лазареву субботу, которая предваряет общее воскресение и на него нам указывает. Когда Лазарь, брат Марфы и Марии, которого любил Господь, тяжело заболел и Спасителю об этом сообщили, Он медлил два дня и не приходил его исцелить, а дал совершиться самому страшному, что есть для человека на земле, – смерти. Но, как Господь сказал, и это действительно истина, «эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий». И вот эти слова весьма замечательны.

Человек, как и всякое животное, боится болезни и смерти и всячески старается их избежать. Стоит человеку заболеть, он сразу, как и каждый зверёк, начинает ныть и скулить, ему себя становится жалко, он требует к себе внимания, участия и прочее. А Господь Иисус Христос говорит, что болезнь может быть для человека к славе Божией, чтоб через эту болезнь был прославлен Господь Иисус Христос. Каким образом? Дело в том, что жизнь христианская вполне противоположна жизни обычной, мирской, вот этой звериной. Сам Господь утверждал это всем Своим подвигом. Будучи Богом, Который мог эту землю всю уничтожить и вместо этих поганных людишек создать новых, тем не менее Он решает их спасти и Сам идет добровольно на мучения и страдания. Тем самым Христос показывает новый подход к жизни и к страданию.

Здоровье, как говорили древние отцы, есть Божий дар, а болезнь есть дар бесценный. Потому что человек, болея, приобретает огромное духовное сокровище. Недаром Господь сказал: «Был болен, и вы посетили Меня». Когда человек болен, Христос рядом с ним. Потому что Христос – страдалец, и Он всегда рядом со страждущим. Поэтому человек, если он время болезни не тратит на бесплодное нытье и саможаление, если он со смирением принимает болезнь, какую бы Господь ни дал, если он молится Богу, и не ропщет, и сознает, что болезнь ему дана за грехи, и радуется ей, потому что она очищает от грехов – а страдания воистину очищают от грехов, – если человек не

ставит своей целью во что бы то ни стало умереть здоровым, он может приобрести через болезнь нетленное сокровище, которое у него не отнимется. Это не значит, конечно, что не надо лечиться. Лечиться надо, но и сама болезнь, и лечение всегда доставляют страдания.

Часто бывает, приходит человек семидесяти пяти лет и говорит: батюшка, я болею. Спрашивается: а что же ты хочешь, в семьдесят пять лет быть здоровым или в девяносто совершенно здоровым умереть? Возможно ли это? Всю жизнь грешим, а хотим быть здоровыми. Разве это не безумие? Но тем не менее в таком безумии пребывает большинство людей, и только со всех сторон слышно: дай Бог тебе здоровья, дай Бог тебе здоровья. Как будто человек – поросенок, которому обязательно нужно дожить до осени, потому что его осенью нужно зарезать и съесть. Нет чтобы: дай Бог спасения. Это все-таки гораздо важнее, потому что здоровье, даже самое прекрасное, оно со смертью кончается. Как бы человек здоров ни был, даже самое здоровое тело подлежит распаду и тлению. Поэтому чтобы в каждой болезни явилась слава Божия, человек-христианин должен своим поведением в болезни, своим образом мыслей в болезни, своим образом чувств в болезни утверждать веру христианскую. Чтобы все окружающие видели, как он переносит свою болезнь, и, глядя на него, прославляли бы Бога. Потому что именно Христос утверждал эту пользу добровольно принятого на себя страдания. Вот такое замечательное поучение мы можем извлечь из этих слов Христа Спасителя.

Когда Господь собрался идти вновь в Иудею, ученики испугались, говорят: «Равви! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?» Обычный человек, как и обычный зверек, существо очень малодушное и трусливое и желает только своего покоя и своей пользы, и, если угрожает какая-то опасность, он никогда не выйдет ей навстречу. А Христос Своим подвигом утверждает противоположное. Лазарь, Его друг, умер, и, хотя Ему угрожает смертельная опасность, Он идет навстречу этой опасности, то есть являет удивительное мужество по Своему человечеству, тем самым показывая, как

должен христианин поступать в таких ситуациях. Бывают ситуации, в которых человеку страшно, а совесть говорит: надо это сделать. И по-христиански это означает, что надо сделать противу своего страха. Ничего не боится только безумец. Страх – это нормальное свойство всякого живого существа, он предохраняет от опасности. Но чем человек должен отличаться от животного? Человек, руководствуясь совестью и заповедями Божиими, может преодолеть этот животный страх перед опасностью ради какого-то великого дела.

А Господь воистину собирался сотворить величайшее дело. Он собирался подготовить всех, кто его знал и любил, к воскресению. Он хотел на глазах у всех воскресить Лазаря, чтобы окончательно отделить овец от козлов. И мы действительно видим, что колеблющиеся окончательно уверовали в то, что Иисус Христос – Сын Божий, а остальные, кто возненавидел Его, пошли и донесли иудеям, настучали. Сколько людей плакало о Лазаре, и вот Господь его воскрешает, утирает слезу с глаз многих людей. Что в этом плохого? Нет, надо Его убить. За что? Правило нарушил, инструкцию, в субботу это сотворил. Господь, поступая мужественно, пошел против так называемого общественного мнения.

Мало ли что принято, мало ли что люди говорят, мало ли кто что скажет? Надо делать так, как велит правда Божия. И Господь так поступает, без всякого компромисса, без всякого конформизма, без всякой угоды человеку, несмотря на то что Ему это угрожает смертью. Он знал, что этот Его поступок вызовет бурю возмущения. И хотя было множество людей, которых Он облагодетельствовал, тем не менее то, что Он принес в мир, людей возмущало. И продолжает возмущать. И так будет всегда.

Отчего так происходит? Почему действия Христа Спасителя и тогда, при Его земной жизни, и теперь, все чудеса, которые Господь творит через Церковь Свою, многих людей, можно сказать даже большинство, возмущают? Что тут возмутительного? Очень просто. Большинство людей живут в болоте своих грехов. Человек стоит на дне этого болота на цыпочках, поэтому малейшее прикосновение к этому болоту – и

он начинает захлебываться. И есть только два способа избавиться от этого: либо выйти из болота, либо уничтожить возмутителя. Но выходить из болота, в котором родился, в котором прожил всю жизнь – вот из этой грязи, в которой человек живет и которая состоит из постоянного осуждения, склок, обид, постоянной зависти, блуда, сребролюбия, постоянной свары, пьянства, обжорства, постоянных поисков удовольствия, постоянного настаивания на своем, лицемерия, обмана, – выходить из этого очень трудно, это все родное, привычное, все это любимое.

Человек не хочет болеть, человек хочет жить долго, человек хочет, чтобы все ему подчинялись, – и вдруг он видит, что где-то в высоте, почти у небес, сияет золотом крест, который утверждает всем своим видом, что страдание есть благо, потому что только благодаря страданию ты из скотины делаешься человеком. Потому что скотина бежит от страданий, а человек ради правды Божией может взять на себя страдания; может отказаться от своей выгоды и служить ближнему; когда его оскорбят, он может не плевать в ответ в лицо обидчику, а взять и простить, то есть поступить не как обыкновенно поступают кошка и собака, а может поступить по-человечески, совершить поступок благородный. И конечно, один вид только этого креста будет обычных людей возмущать: как это так, почему это я должен?

Поэтому про то, что Христос принес на землю, Он Сам так и сказал: «Не мир пришел Я принести, но меч». Отношение ко Христу, к страданию, к жизни, к смерти разделяет всех людей. Потому что один человек ищет небесного, а другой человек ищет земного. Один человек хочет здесь пожить, чтобы все было хорошо, чтобы все было с мужем и с детками в порядке, чтобы никто ничем не болел, не обижал, чтобы денег было достаточно, чтобы в магазине всего было много, чтобы все было вкусненько, интересненько, тепленько. А другой человек, наоборот, добровольно принимает на себя страдания, старается другому послужить, старается себя в чем-то ущемить, ищет вину не в другом, а в себе. И конечно, таких меньшинство. Почему? Да потому что это трудно, всегда трусов больше, чем людей

мужественных, всегда щедрых меньше, чем жадных, а уж целомудренных еще гораздо меньше, чем блудных.

Поэтому Христос сказал всем Своим ученикам, настоящим и будущим: «Не бойся, малое стадо!» Потому что настоящих христиан всегда было мало. Даже и сто лет назад, когда вся Россия была покрыта церквями, настоящих христиан было раз-два и обчелся. А в этих огромных храмах, покрытых золотом, в них никто не причащался. Раз в году, для справки, придут, отмучаются. Так же и теперь многие раз в году приходят. Некоторые так и говорят: отговелся – есть такой специальный термин. То есть неделю промучился, отпостился, причастился – и до следующего года. Все, я исполнил, я теперь с Богом квит, у нас с Ним все в порядке. Но Богу-то совсем не это нужно. Богу нужно, чтобы человек отдал Ему всю свою жизнь, все свое время, все свои силы, весь свой ум, все свое знание. А мы кому отдаем? Себе. И ладно бы себе, а то еще греху, наслаждениям плотским, душевным, интеллектуальным и всяким разным. То есть служит человек не Богу своей жизнью, а дьяволу и при этом еще нагло утверждает, что он верующий, нагло носит на шее крест, хотя он идет не путем Христа, а совершенно другим путем. Человек приходит в храм и не чувствует себя грешником, он не понимает, в чем ему каяться, потому что он не знает, из чего должна жизнь христианская состоять. А его собственная жизнь просто противоположна Богу. Человек идет против рожна и в результате натывается на этот рожон и прокалывает себе грудь.

У многих к Богу такой подход, как к некоему механизму: вот ты сделал то-то, получишь от Бога это, а если сделаешь вот это, тогда получишь вон то. Нет, ничего подобного. Бог – это Существо живое, Которое хочет от нас живого отношения к Себе. И тигр, и носорог, и любое насекомое, и черепаха – все понимают, что значит любовь, все понимают, что значит доброе отношение, потому что вся вселенная построена на любви. А где этой любви нет? Нет любви только в человеке, потому что он себя любит. Вот основа нелюбви – себялюбие. А Господь хочет от каждого человека ответной любви. Господь сказал: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое». Но человеку до

Бога никакого дела нет. Только когда с ним что-то случится, тогда он к Богу прибегает: Господи, Ты мне помоги. Я буду воровать, буду пить, буду блудить, буду ругаться, буду осуждать, я буду нарушать все Твои заповеди, а когда моя жизнь за мои грехи войдет в тупик, Ты ко мне, Господи, приди и быстренько помоги, а я после этого вернусь к тому, чем я занимался. Вот такое отношение к Богу, чисто потребительское. В этом есть любовь? Нет.

Поэтому в результате своей жизни каждый человек либо воскреснет со Христом, либо воскреснет для муки вечной. В чем будет состоять эта мука? А в том, что все твои грехи будут продолжать мучать тебя в вечности. Либо есть другой путь: надо стараться в результате своей жизни грех в себе победить. Конечно, сам человек победить грех не может. Если бы это было возможно, тогда бы Христос не пришел. Можно перестать пить, это элементарно: просто взять и не пить. Но пьяницей перестать быть невозможно, потому что будешь хотеть пить всю жизнь, даже если не выпьешь ни капли. Кто может избавить от этого? Только Бог. Он может избавить человека от того, чтобы он хотел греха, только Он Сам. Потому что грешить хочется-то не телом. И табак, и алкоголь, и осуждения, и скандалы – это же все вредно для человека. Почему же человек этот вред делает? Он не может иначе, потому что душа его этого просит, душа находится в грехе, и грех заставляет человека желать того, что ему вредно и для тела, и для души, и вообще для всего устройства в мире. Так вот, от этого хотения может избавить только Бог. Поэтому к Нему и надо взывать, у Него и надо просить, в Его поступках, в Его словах искать для себя смысл жизни, у Него учиться. Поэтому Господь и не послал в мир еще одного пророка, а пришел Сам, Сам стал человеком, чтобы на Своем примере показать, как надо.

И никто не может сказать, мол, Господи, Ты всемогущ, легко Тебе говорить: делайте так, делайте так, – а Ты бы попробовал Сам. Так вот Христос попробовал Сам, Он прожил всю жизнь человеческую. Давайте в нее взглянемся: что, в ней был покой, царские палаты, много еды, красивые одежды, наслаждения, пьянство, бесконечные телевизоры, удовольствия,

развлечения? Что в этой жизни было? В этой жизни были с самого младенчества до последнего дня гонения, презрение, страдания, скорбь. А как Он на это реагировал? Злился? Негодовал? Возмущался? Требовал справедливости? Нет, Он лечил, Он исцелял, давал слепым зрение, парализованные начинали ходить, Он очищал проказу, воскрешал мертвых, Он утешил людей, когда на их празднике вина не хватило, – вот Он что делал. Он умыл ноги Своим ученикам и тем самым показал образ подлинной жизни: вот, собственно, что Отец Небесный хочет от каждого человека.

Конечно, прожить такую жизнь, как прожил Христос, человек не может. Господь дает каждому свою жизнь. Но, как святые отцы говорили, христианин, если он хочет быть учеником Христа, он должен не в душе веровать, он должен веровать по-настоящему, он должен вести христоподражательную жизнь. Но подражать не буквально, в делах чисто внешних, а именно внутренних. Нужно понять, в чем состоит смысл и цель христианской жизни, нужно понять, а какой Он, Христос. Если это непонятно, можно посмотреть жизнь любого святого человека: взять прочесть любое житие и посмотреть, как жизнь христианская преломлялась в его жизни. И тогда решить: а как же мне, вот конкретно в моей семье, на моей работе, с моей головой, с моим сердцем, как мне-то быть? что мне делать сегодня? как мне сегодня жить по-христиански? как вот этот выбор совершать? Надо все время вопрошать свою совесть и все время вопрошать Евангелие.

Вступая в дни Страстной седмицы, когда Святая Церковь переживает последние дни жизни на земле нашего Господа, страдальца за нас, Иисуса Христа, надо нам еще раз задуматься о себе, еще раз задуматься о том, зачем мы живем, задуматься над тем: а если я умру на следующей неделе, куда пойдет моя душа? Хорошо ли я вообще себя веду? Что творится в моей голове? Как-то устыдиться Господа, Который с небес сошел, чтобы нас спасти. Ведь Его слово обращено не к внешним людям. Слово Божие на площадях не проповедуется, потому что это бессмысленно. Те люди, которые вне храма, им вообще ничего не нужно: выкати им бочку вина и побольше еды

и еще немножко развлечений, ну а когда уже всем насытятся, еще блуда вволю, и все. Поэтому это слово обращено к тем, кто пришел в храм, пришел ко Христу, к тем, которые хотят быть христианами. Это слово обращено к нам, конкретно. В чем это слово? А в этом: человек, устыдись.

Господь говорит: «Не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне». Сколько в Москве, десять миллионов человек? А скольким Господь веру дал? Нескольким тысячам всего из десяти миллионов, вот нам с вами дал эту величайшую драгоценность, которую остальные люди хотели бы иметь, а не имеют. Ко мне вчера человек один приходил, бывший военный, говорит: «Я и хотел бы веровать, а нету веры, нету». А нам дано это даром. Зачем? Что, мы самые хорошие, что ли? Нет, мы еще хуже даже тех людей, которые ходят там. Но по непонятным причинам, одному Богу известным, Господь нам веру даровал. Для чего? Чтобы мы были как гробы накрашенные? Чтобы мы так же распинали Христа, как фарисеи распяли? А что, фарисеи атеисты были? Нет, они были глубоко верующими людьми. Господь обращается к нам. До каких пор мы с вами будем распинать Христа? Когда у нас наконец совесть пробудится? Когда мы начнем жизнь христианскую?

Господь суд Свой начнет с Церкви, как был уже суд у нас первый, предваряющий, в семнадцатом году. Кого первых начали расстреливать? Священников. Это уже потом докатилось до остальных. Кто был враг номер один, в списке стоял? Патриарх Тихон – враг номер один советской власти. Спрашивается, что может кроткий Тихон? Он никогда в руке ножа-то не держал, а не то что ружья. А в чем же его опасность? В том, что он говорит, свидетельствует об иной жизни. И если будет еще суд, то опять начнется с нас. И что? От нас пух и перья полетят. Где наше мужество? Где наша любовь? Если мы даже в собственной семье не можем какой-то элементарный мир, порядок соблюсти.

То есть мы, оказывается, ни на что не способны, мы совсем ничем от них не отличаемся. Тогда получается, что вера нам дана зря, что это все бисер, который мечется перед свиньями. Мы не только никому, а мы даже самим себе не можем образ

христианской жизни показать. Так вот, пока еще не поздно, пока ножки нас еще держат, голова у нас, слава Богу, пока еще в порядке, надо постараться приобрести подлинное сокровище духовное, и Сам Господь нам будет в этом помощник. Надо на Бога уповать, стараться не малодушествовать. Потому что если Господь нам веру даровал, то Он нам даст и все остальное. Помогите нам, Господи. Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 18 апреля 1992 года

Память благоверного царевича Димитрия

До пришествия Христа мир лежал во тьме, и вот пришел Свет миру и высветил все, как вспышка молнии: все оказалось словно на фотоснимке-негативе. Те люди, что считались темными, грешными, – это они оказались способными принять Евангелие, осветились и стали светом. Учителя же народа, которые должны были его вести, оказались в тени. Все перевернулось – перевернулось с точки зрения падшего мира, а с точки зрения истины как раз выправилось. Потому что всегда, испокон веков, с тех пор, как Адам согрешил, большая часть человечества ходит на голове, а меньшая – и с течением времени все меньшая – пытается встать на ноги. Но, видя человека, ходящего на ногах, остальные люди невольно вспоминают об истине, потому что некое знание об этом есть у каждого. Поэтому в каждом народе и в каждой вере есть какое-то понятие о святости. У любого человека Востока, Запада, Севера и Юга спроси, что такое святость, он ответит: это что-то весьма хорошее.

Господь пришел объяснить всем: то, что люди часто принимают за хорошее, часто есть весьма плохое, потому что это не настоящее, это фальшь, это некая фикция, маска. А где тогда правильное? Где критерий, как это узнать? Господь дает его. Он говорит: «Я есмь путь и истина, Я есмь дверь», только через Меня можно войти. Мое слово – как меч. Нужно взять этот меч осторожно двумя руками, чтобы не пораниться, и принять в свое сердце. И даже если ты многого не понимаешь, многое тебя смущает, но ты чувствуешь здесь, в слове, внутреннюю правду, прими целиком, а потом по ходу жизни будешь осмыслять, будешь исполнять, и постепенно сроднишься с этим словом, и оно станет в тебе жить и действовать, и из твоего «чрева потекут реки воды живой».

Бог есть любовь. Поэтому Он дал заповедь: «Сие заповедаю вам, да любите друг друга». Хочешь – не хочешь, а если принял слово Божие, то любить другого должен. Потому что только «пребывающий в любви пребывает в Боге». И

никаких оправданий, и никаких причин быть не может; любая неприязнь, любое зло есть нарушение заповеди. Даже если перед тобой враг, который хочет тебя убить, – ты должен за него молиться Богу, ты должен его любить. Спрашивается: зачем, какой в этом смысл, в любви к врагам? Как можно заповедовать любить? Как можно приказать: люби его, – если любви нет? Как выдать ее из сердца, если там есть только раздражение, уныние, злоба, осуждение, зависть, сребролюбие, блуд? Как это исполнить?

Только упражняясь. Для этого и даются другие заповеди: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Как это ни трудно, но постарайся это сделать, хотя бы однажды, потом второй раз, потом третий, и дальше ты увидишь, что это не вызывает у тебя ответного зла, не вызывает желания мстить. А потом будет вызывать даже и сострадание: этот несчастный человек дошел до такого гнева, он же безумен, болен, он достоин сострадания. И иногда его безумие достигает самого последнего острия, когда он хочет тебя убить. Но опять же «не бойтесь убивающих тело». Потому что у нас «волосы на голове все сочтены» и ни один волос без воли Божией даже полинять не сможет, изменить свой цвет. А уж такая вещь, как переход в мир иной, конечно, каким-то образом в плане Божием учтена. Так вот поверь, прими. Не надо сопротивляться слову Божию. Не надо лицемерить. Если ты хочешь быть христианином, то мало крестик на себя надеть, мало правило читать, мало пост соблюдать, мало стремиться причащаться. Надо, чтобы это приносило какой-то очень важный плод.

Что толку, если ты каждый день в утренних и вечерних молитвах просишь смирения, а сам не смиряешься, когда Господь тебе дает такую благую возможность? «Дажь мне терпение, великодушие и кротость». Спрашивается, а где же твоя кротость? Где твое смирение? Где твое терпение? Вот тебе дает Господь возможность потерпеть. Ну потерпи, поупражняйся. Потому что вся жизнь наша земная очень короткая, это есть только подготовка к вечности, как и внутриутробное наше развитие только подготовка к жизни земной. Тебя обидели? Замечательно: тебе дали шанс простить.

Яви Богу тайно свое прощение, потому что, только если ты будешь тайно делать, Господь, «видящий тайное, воздаст тебе явно». В глубине сердца прости, не криви губы, не плачь, не рыдай. Прости, докажи, что тебе совершенно не важны ни деньги, ни мнение людей, ни твоя гордыня, что тебе важно только принять слово Божие, тебе важно только любовь иметь, что ты от Его любви не хочешь отворотиться, что ты действительно принял слово, что ты действительно христианин.

Давайте потерпим, давайте смиримся, давайте не будем сердиться, давайте воистину «друг друга обйдем», ибо вот это и есть Пасха Христова. Потому что только таким образом мы перейдем в вечную жизнь. Потому что это заповедь Божия, это есть Его закон, другого закона нет. Не надо друг на друга обижаться, не надо друг друга в чем-то подозревать, не надо друг на друга жаловаться, не надо обманывать друг друга, не надо лукавить. Все наше лукавство шито белыми нитками, это всем прекрасно видно, ведь никого же не обманешь своими притворными улыбками. Каждый человек – живая душа, он всегда понимает, кто как к нему относится, всегда чувствует. Внешне можно изображать что угодно, но никого и никогда ты долго не сможешь обманывать, даже такого человека, который хочет обмануться. Сердце ему скажет: нет, здесь нет любви, здесь просто комильфо, вежливое поведение, благопристойность, сплошное фарисейство.

Господь этого не хочет. Потому что Господь неизменен, Он постоянен, Он целен, Господь прост, Он единственен. А мы все раздваиваемся, множимся, троимся, четвертуемся, в разные стороны раздирается наша душа. Наша душа в результате греха делается неспособной к восприятию вечной жизни, вот этой простой, созерцательной, прославляющей Бога. Для этого нужна тоже цельность. Святые отцы называли это целомудрием, и нужно восстановить его. Да, в результате греха сосуд нашей души разбился вдребезги, и жизнь наша заключается в том, что мы должны его постоянно склеивать. И по мере того, как этот сосуд будет приобретать задуманную Богом форму, в него будет изливаться благодать Духа Святаго, тот самый елей, о котором Господь говорил в притче о десяти девах. И столько, сколько

сможет вместить этот сосуд, столько в тебя и изольется благодати Божией. Потому что Господь этого тоже хочет.

А склеивание этого сосуда – это и есть внимательное исполнение заповедей Божиих. Тебя обидели? Хорошо, что написано в Евангелии? Молись за обидчика. Тебя проклинает кто-то? Что написано в Евангелии? Ты должен этого человека благословлять. Пожелай ему всяческого добра, скажи ему доброе слово, благослови его от всей души. Тебе не хочется благословлять, тебе хочется дать ему в зубы? Потерпи, не давай воли злу, которое в тебе действует. Пусть воля твоя будет направлена на добро, что бы этот мир ни делал – а мир добро ненавидит, потому что оно ему противно. Почему Христа распяли? Потому что Он принес то, что людям оказалось противно. Потому что люди хотят быть себе на уме и делать то, что им нравится. Вот чего хочет каждый человек. И если кто-то из нас вдруг решил принять слово Божие, то он должен в первую очередь изменить это. Иначе можно отходить в церковь всю жизнь и просто напрасно провести время, ничего не усвоив, ничему не научась в этой школе жизни, в школе Божественной литургии, которую мы совершаем, которая есть воистину школа любви.

Мы все люди разные, все по-разному думаем, по-разному чувствуем, все разного возраста, разных возможностей умственных, волевых, сердечных. И вот нас Господь вместе собрал, мы слушаем одно и то же слово, изливаем душу одному Богу, и свидетели нашего покаяния – одни и те же священники. Мы приступаем к одной и той же Чаше. Что Господь нам этим хочет сказать? Детки, любите друг друга, ведь как это хорошо! И если внешне на нас посмотреть: какое мы являем благопристойное, приличное собрание, как мы все красиво одеты, как у нас трепещет сердце от того, что мы пришли в храм и слушаем слово Божие. Наше сердце радуется, сжимается. Но надо идти дальше, надо, чтобы это действительно стало нашей жизнью, а не просто рассеивалось, как «безводные облака, носимые ветром».

Какой смысл еженедельно причащаться, если это никакого следа в нашей жизни не оставляет? Если мы по-прежнему

ругаемся, злобствуем, обиду носим, если мы не хотим покрыть любовью немощь другого? Но он же неправ? Конечно, неправ. Он же плохо сделал? Да, ужасно, его поступок кошмарен, он поступил нехорошо. И что? Ну и прости, а иначе просто невозможно. Потому что это единственная возможность жить вместе, единственная возможность достичь любви – простить. Господь так сказал: четыреста девяносто раз в день ты должен простить человеку, если он против тебя согрешил. Вот это и есть любовь.

Не хочется прощать? Конечно, не хочется. Потому что мы грешные люди, потому что у нас любви нет, потому что мы Бога не знаем. Если бы мы знали Бога, то мы вообще бы не знали, что такое обида. Знающий Бога не может обижаться, та часть души, которой человек обижается, сгорает в пламени любви Божией. Знающий Бога человек носит в сердце своем благодать Святого Духа, которая высвечивает в глубине души человека все тайники, как зажженный фонарь – темный подвал, и видно становится, что грехов там, как песка морского. Поэтому все уколы жизни, все недоумения, возникающие между братьями, человек воспринимает как нечто само собой разумеющееся. Потому что он грешник, с ним и должны поступать как с грешником, он не ищет ничего себе, не ищет своего, не хочет какое-то место себе под солнцем выторговать. Нет, он самый последний грешник, он за стол всегда садится последним, он никогда себе, упаси Бог, ничего не требует, потому что он знает истину. Эта истина заключается в том, что он грешник. А удел грешника – стоять самым последним, все время принимать поношения и видеть в брате своем ангела. Потому что ты же не видишь в брате своем грехи, как песок морской. Ты видишь один, два, восемь, четырнадцать грехов, не больше. А в себе видишь миллиард. Поэтому если такой совершенный человек, имеющий всего четырнадцать грехов, дал тебе по физиономии, то тебе, как имеющему миллиард грехов, ничего не остается делать, как сказать: прости меня, брат, дай мне еще раз, чтобы я лучше почувствовал свою греховность.

Вот это нормальное устройство. Вот это ощущение христианское. Вот это и есть смирение, вот это и есть терпение,

послушание. А остальное все? А остальное все – фарисейское лицемерие, которое проявляется во всем внешнем, это все обман. И Господь пришел, чтобы это все высветить и обнажить. И обнажил. И это Ему, по-человечески, дорого обошлось. Так и любому человеку: скажи ему правду в глаза, и что, думаешь, друга себе приобретешь? Нет, как бы врага на всю жизнь не приобрел. Он будет дуться, он будет про тебя другому говорить: ты знаешь, с этим лучше не надо – не то что, мол, мы с тобой. Потому что правда, она абсолютно всегда колет глаза. И такую правду по немощи своей мало кто может понести.

Наша немощь заключается в гордости. Поэтому каждый из нас должен сам честно трудиться над своей душой, смотреть за своими поступками, за движениями своих чувств. Вот обуревают тебя в данный момент какое-то чувство: негодование, уныние, ты чем-то рассержен, озлоблен, чего-то тебе очень хочется. Подумай об источнике этого чувства: есть ли это благодать Божия или нет? Если это грех, то, как бы это чувство тебе ни было сладостно, постарайся его ради Христа отвергнуть. И вот это будет шаг навстречу благочестию, навстречу подлинной жизни, навстречу Христу. Это будет шаг в ту дверь, которая есть Христос, потому что это будет исполнение заповеди, это будет оказание любви.

Что значит любовь? Любовь – это когда к тебе со злом, а ты все равно с добром. Любовь никогда не перестает, она может только прибывать. Подлинная любовь не зависит от того, как человек к тебе относится: если он ко мне хорошо относится, я его люблю; если он ко мне плохо относится, я его не люблю. Любовь от этого зависеть не может. И понятие о такой любви у нас есть. Наши деточки ненаглядные, которые не всегда к нам хорошо относятся, а большей частью плохо, – но мы все равно их любим, все равно прощаем, все равно ждем, надеемся на их исправление. Вот так и Господь Отец Небесный любит нас, надеется на наше исправление и так же ждет и покрывает миллиарды ежедневных грехов наших. Что же мы будем судиться друг с другом? Зачем нам это нужно? Нам нужно лучше учиться друг друга любить, прощать, жалеть. Мы все инвалиды, все изранены, у нас общий враг – диавол. Мы друг

другу не враги. Нас Господь собрал всех вместе. Мы пришли к Богу. Поэтому каждый из нас должен по мере сил к Нему и приближаться. А на других надо смотреть как на таких же пришедших в больницу. И если действительно Бог какую-то часть нашей жизни занимает – хотя должен занимать всю жизнь, – то каждый из нас хотя бы умом должен знать, что эта часть – главная. И это главное, что в нас есть, должно нас объединять. Во имя этого главного всем остальным можно пожертвовать. Это важнее всего!

Можно и в приходе, и в Церкви, и в стране, и в мире, и во вселенной навести идеальный порядок, как в компьютере. Но он будет мертвый, потому что это только порядок, а любви нет. Любовь может проявляться только тогда, когда есть какой-то непорядок, как это ни парадоксально. Господь говорит: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». А когда приходится душу свою класть? Во время войны. Когда восемь бандитов напали на одного, а ты, как тебе ни страшно, пытаешься человека защитить. Когда все разваливается, а ты строишь, все враждуют, а ты стараешься всех умирить, простить. И так во всем.

Вчера я посещал одну больную. Муж, вот чудак, говорит: «Нельзя ли ее как-то исцелить?» Может быть, и можно, но это не моя прерогатива. Можно молиться Богу, может быть, Господь и исцелит. Но с другой стороны, какая красота: она болеет, а ты за ней ухаживаешь. То есть она терпит скорбь, а ты оказываешь ей любовь. Собственно, вот она, жизнь-то. А если она исцелеет, то, может быть, той духовной красоты уже не будет: одна болеет, страждет, а другой душу кладет за него. Он уже не может себе служить, не может пойти, куда хочет, не может отъехать, куда ему угодно, он служит, он жертвует собой, он делает дело христианское. А если полный порядок, полная Америка, идеал, Европа – я имею в виду в лучшей, в самой вкусной ее части, потому что, к сожалению, и там порядка нет, только в телевизоре это бывает и в кино, – ну представим: и где место любви, где место Богу? Ну не будут рождаться уроды, все будут здоровы, все будут жить ровно сто лет и умирать в свой день рождения, причем безболезненно: заснул, сон хороший

приснился – оп, и там. И какой смысл? Просто пожить? Чисто ветхозаветное желание: мы будем жить хорошо, а Бог нам еще прибавит и волов, и овов, и много хороших, вкусных вещей. Мы только должны некие правила исполнять.

Нет, из этого совершенно ничего не получается. Господь хочет совсем другого. Он хочет каждого из нас научить любить, причем не по выбору: вот этот человек мне приятен, а этот нет. А именно всех, потому что Церковь – это есть новое человечество, собранное по иному принципу, не по принципу крови, а по принципу любви к Богу и желания жизни вечной. Конечно, мы все разные, как разные были все апостолы, но они же смогли иметь одно сердце и одну душу. Вот и мы к этому тоже призваны. Поэтому не надо думать, что можно оставаться так: вот это мой Бог, вот это мой храм, вот это мой батюшка, а остальное все мне мешает. Много народу, что они пришли? Что они все разговаривают? Что им всем надо? Некоторые так и говорят: я люблю молиться, когда вообще никого нет. Да, так бы хорошо: чтобы хор пел тихо, ненавязчиво, чтобы никого даже не видно было. Я, мой батюшка, ну и шесть-восемь человек, и тишина, и воздух свежий. Можно и так. А как ты будешь любовь-то свою проявлять?

Можно в пустыню, замечательно. Но в пустыне люди проявляли свою любовь иначе: земными поклонами по тысяче, жестокими постами, непрерывным молитвословием. Можешь так? Нет, человек двадцатого века этого не может в силу общей немощи, в силу рассеянности ума и плохого здоровья. А заповедь о любви вечна. Поэтому нет другого выхода. Вот она, наша жизнь, не надо от нее никуда бежать, надо ее принять так, как она есть, и жить. Не завтра буду христианином, не потом, после отпуска начну, а сегодня, сейчас, потому что мы можем и сегодня умереть. Поэтому надо стараться каждый день об этом размышлять, об этой заповеди: достаточно ли я люблю Бога? как это проявляется в моей жизни? как я люблю ближнего? Потому что эта заповедь подобна первой. И, следуя этим путем, можно во многом управить свою жизнь, очень многое исправить. А все остальные немощи Господь восполнит Сам Своей любовью, потому что Он знает наше положение и обильной

благодатью выправляет наши пути, помогает, посылает нужные обстоятельства и нужных людей.

Такое многообразие, такой большой выбор – не даром Господь так устраивает. Это замечательно, что мы имеем возможность обрести наиболее подходящее нашей душе! Везде милость Божия, везде Его любовь. И Он ждет от нас того же. Помоги нам в этом Господь Своею благодатью. Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 28 мая 1992 года

Всенощное бдение под Вознесение Господне

Событие евангельской истории, Вознесение, которое мы сегодня празднуем, стало одним из двенадцати главных праздников церковного года. Когда мы пытаемся как-то его осмыслить, ничего, кроме ужаса и удивления, в нашем сердце не возникает. Но Святая Церковь приходит к нам на помощь, настаивая на том, чтобы мы веровали, что Господь вознесся на небо с Пречистой Своею плотью. Это действительно нуждается в вере, потому что никакому опыту человеческому это не доступно.

Погружаясь в иорданские воды, вкушая земную пищу, ходя по пыльным дорогам Галилеи, Господь присутствием Своим на земле во плоти обожил падшее творение. Этим Он придал бытию нашему в этом мире огромную значимость. И весь подвиг жизни христианской состоит в том, чтобы, ведя христоподражательную жизнь, постараться всю ее наполнить Божественным светом. Потому что Господь не погнушался ничем, из чего состоит жизнь человеческая, кроме греха, и тем самым придал великий смысл всему, чем человек занят на земле.

Хотя каждый человек призван к тому, чтобы стать гражданином неба, призван к спасению, которое заключается в том, чтобы вернуться назад, к Богу, тем не менее наша земная жизнь для этой цели имеет огромную важность. Как внутриутробное развитие дитяти имеет колоссальное значение для его телесной жизни в будущем, так и наша земная жизнь здесь, в теле, играет такую же колоссальную роль для жизни в вечности. Жизнь в вечности тоже состоит из двух частей: сперва только душа пребывает в вечности, а потом, в последний день этого материального мира, Господь придет во всей полноте Своей Божественной славы. И конечно, сияния славы Божества материальный мир не выдержит, он изменится. Это будет животворящая сила такой невероятной мощи, что все мертвые воскреснут и вновь воссоединятся со своими телами, которые

будут преображены и восстановлены силой Божественного Духа. Произойдет чудо восстановления полноты, податель которой есть Бог.

И тогда одни пойдут в жизнь вечную, а другие пойдут в муку вечную. Но мука вечная – это, если можно так выразиться, с точки зрения Божества. Потому что то, что для одних мука, для других радость. Это нам всем очень хорошо известно. Если один хочет спать, а другой хочет слушать музыку, то одному эта музыка мука, а другому – радость. Даже в таких пустяках видно, как человечество делится на две части, словно острым мечом. И именно поэтому все люди не могут быть вместе в Царствии Небесном. И мешает этому то, что человек никак не может принять слово Божие, которое заключается в том, что нужно эту жизнь земную потратить на то, чтобы научиться любить. Потому что если один слушает музыку, а другой хочет спать, то их помирить может только любовь: один ради любви к другому выключит музыку, а другой ради любви будет согласен эту музыку потерпеть. Только так.

А вот этого-то как раз и не находится. Потому что нет такой силы в сердце человека, чтобы отказаться от себя и предпочесть другого; бросить свои дела и то время, которое мог бы потратить на себя, потратить на то, чтобы оказать другому милость, чем-то ему бескорыстно помочь; ради того, чтобы ему было легче, взять на себя ношу другого. Для этого нужно много сил. Даже чтобы оказать милость собственным детям, у нас часто не хватает сил. Все мы знаем, что раздражение бывает сильнее любви. И единственный способ победить рознь века сего – это обратиться к Источнику этой любви.

Поэтому Господь сказал: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет». Потому что человек, не верующий в то, что податель этой силы есть Христос, пришедший во плоти, лишается возможности приобщиться к этой силе, делается слепым. Такому человеку непонятно, почему Борис и Глеб не убили Святополка Окаянного и не сели на его место, а вместо этого дали убить себя. Такому человеку непонятно, почему Серафим Саровский, обладая колоссальной физической силой, отложил топор, а не

поддал как следует тем крестьянам, которые пришли его грабить; почему он за них заступился и не хотел, чтобы их наказали.

Человеку всегда непонятно то, чего у него нет в душе или в уме. А если он каким-то образом причастился этой любви Божественной, хотя бы раз испытал ту радость, когда жертвуешь чем-то своим ради пользы другого; если хотя бы раз благодать Божия коснулась его сердца, то тогда исходя из этого конкретного мистического опыта человек уже и начинает понимать, как может одно малое человеческое сердце вместить так много любви, откуда такая сила, которая может преодолеть и боль, и страх, и расстояние, и время, и всякие другие бесконечности.

Это возможно, только приобщившись к вечному Богу, у Которого нет ни конца, ни начала, у Которого нет никакой перемены, Который есть одна постоянная могущественная любовь. Только приобщившись к этой любви, можно совершать дела, подобные деяниям Самого Бога. И конечно, никогда настоящий христианин не будет приписывать их себе. Как апостол Павел говорит: много я потрудился – и тут же оговаривается: «Не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною». Он ее прекрасно ощущал, эту благодать Божию, и прекрасно понимал, что то, что творит через него благодать Божия, – это не его; он просто не мешает ей действовать, он просто ее хранит, он боится ее потерять. Поэтому он всю свою жизнь, всю свою волю поставил на то, чтобы бежать от греха. Потому что если склониться на грех, благодать Божия отбежит. А если она отойдет, то ничего сам не сможешь.

Человек, что ты сам можешь? Маленький микроб один может свалить тебя в постель с температурой. Ничего человек не может, только по милости Божией и Его благодатью. Поэтому никаких добрых дел просто так не существует. Серафим Саровский говорил, что доброе дело, сделанное не во имя Христово, – это не доброе дело, а чаще всего даже зло. Потому что служит собственному тщеславию, превозношению, похвальбе. И всем от этих добрых дел противно и тошно. Эту эпоху похвальбы мы пережили, и все знают, как это тошно и

стыдно. Нормальному человеку всегда стыдно от такого самовосхваления. Но к сожалению, ум человеческий бывает так помрачен, что все нормальное видится ненормальным, а все ненормальное становится в порядке вещей. В этом и ужас той эпохи, которая, слава Богу, кончается. Хотя она, конечно, и не скоро кончится, потому что носители эпохи есть люди – носители определенных духов. А дух покинет человека только тогда, когда он этому духу будет сопротивляться. А такого большого сопротивления что-то не видно. Поэтому Господь сказал: когда приду второй раз, найду ли «веру на земле»?

Когда это случится, мы не знаем, потому что такого срока вообще нет. Любой из нас может этот срок продлить, по крайней мере, на свою жизнь. Потому что если хотя бы у одного из нас хватит упорства все-таки следовать Христу, а не греху, то он не увидит конца, потому что Господь не погубит этот росток. Он даст ему вырасти и даст ему принести плод. Только когда все иссякнет, только когда на земле Христос уже никому не будет нужен, вот тогда придет этот день. Тогда земля со всеми людьми и со всеми их планами будет просто уже никому не нужна. Потому что весь мир существует только для славы Божией – вот его предназначение. А если он хочет отделиться и жить сам по себе, то это все равно что срезанная ветка сирени – срежь ее, и она увянет к вечеру.

Так и человек: как только он отрезается от Бога, он просто увядает. Всё, отошедши от Бога, увядает. И цель нашей жизни – привиться к этому блаженному дереву, которое есть Церковь Божия, соединиться с ним, чтобы токи воды живой стали течь и в жилах нашей души и чтобы мы всю жизнь посвятили тому, чтобы ничем Бога не огорчать. И тогда Он нас совознесет и мы взойдем также на небеса, как и верует Святая Церковь. Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 3 июня 1992 года, вечер

Всенощное бдение под Неделю 9-ю по Пятидесятнице

Слава Богу, мы опять вместе. Сегодня читалось самое мое любимое из всех воскресных одиннадцати Евангелий – о том, как Мария Магдалина «стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь?» Плакала она – и они это, конечно, знали – о том, что прервалось общение с Богом. Хотя Господь Своим ученикам и ученицам неоднократно говорил, что Он есть живой Бог, но в полноте это уяснить им было очень трудно. Поэтому чисто по-человечески скорбь Марии Магдалины была объяснима, потому что ни она и никто из людей, конечно, никогда еще не бывал в общении со столь прекрасным человеком, каким был человек Иисус Христос – Сын Божий. Но Господь хотел от нее другого, Он хотел, чтобы она оторвалась от земного, от своего чувственного, душевного восприятия. И поэтому, по милости Своей, Господь послал ей этих Ангелов, чтобы напомнить о том, что Он – Сын Божий и что то, что случилось, должно было случиться.

Мария «обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус». Нет ничего удивительного в том, что она не узнала. Потому что хотя Он воскрес во плоти, но Он был какой-то иной, Он был как бы и Он, и не Он. Вот как на иконе хотя иконописцы стремятся изобразить и портретное сходство, но в то же время это не главное, главное – духовная сущность. Поэтому хотя мы на любой иконе узнаем Николая Чудотворца, но, если все эти иконы рядом поставить, мы увидим, что они все разные. А что же мы тогда узнаем? Мы узнаем не внешнее, а внутреннее, что отличает Николая Чудотворца от всех других. Так и воскресший Господь в Своем воскресшем теле имел несколько другой вид.

То, что она Его не узнала, связано еще с тем, что тело Его было духовное. У нас нет соответствующего опыта, поэтому мы можем это только называть, а не можем изъяснить, что такое

тело духовное, в котором воскрес Господь. Поэтому нужно было прозреть духовно, чтобы Его в этом теле узнать. А поскольку Мария еще была человек душевный, телесный, она не могла во всей полноте это воспринять. И Господь, Который по великой любви Марии к Нему открылся ей первой, как бы делает за нее этот шаг, окликает ее по имени: «Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Учитель!» А Господь ей говорит: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему». То есть Спаситель открылся ей, но не разрешил к Себе подойти, потому что ее порыв был чисто человеческий. А Господь пришел на землю не для того, чтобы улучшить человеческую жизнь, чтобы все обнимались, целовались, гладили друг друга по головке, вели душеспасительные беседы. Не для этого. Господь явился, чтобы вернуть человека на небо, вернуть человека к подлинно духовной жизни.

В силу того что все наше духовно-душевно-телесное естество повреждено грехом, телесное и душевное в нас, к сожалению, превалирует над духовным и находится с ним не в гармонии. Поэтому чтобы достичь духовного, нужно обязательно обуздывать телесное и удерживать душевное. Только таким образом можно опять вернуть себе духовную жизнь. Поэтому Церковью и предпринимаются посты: чтобы ущемлять свое душевное и телесное. И поэтому все заповеди Божии направлены к тому, чтобы человека удерживать от зла всякого рода: большого, маленького, среднего, ежеминутного или редко случающегося, но от всякого зла.

Очень важная добродетель – воздержание, и кто достиг его, тот достиг духовной жизни. Потому что духовная жизнь дается только тому, кто научился быть воздержанным и в своих телесных проявлениях, и в своих душевных проявлениях. Поэтому Господь, хотя Мария Магдалина плакала о том, что с Ним рассталась, то есть явила свою сердечную любовь и скорбь о потерянном общении с Богом, ей этого не дал. Потому что она к этому была еще не готова.

Вот так и каждый из нас. Мы должны возжелать достичь духовного общения с Богом, возжелать действительно узреть воскресшего Господа, а не просто наладить здесь свою

короткую человеческую жизнь, чтобы хорошие люди нас окружали, чтобы все было у нас мирно и покойно, чтобы каждый занимался любимым делом, чтобы нас никто не обижал, чтобы все было сытно, благополучно. Потому что если мы к этому стремимся, то это дело обречено на неуспех, потому что, как бы мы благополучно жизнь ни устроили, к сожалению, придется болеть и умирать; к сожалению, придется близких хоронить; к сожалению, придется в один прекрасный момент столкнуться с тем, что тебя обокрали, или предали, или причинили еще какую-то скорбь.

Конечно, если представить себе, что все люди стали бы православные, стали в храм ходить, исповедоваться в грехах, то жизнь бы намного улучшилась. Но и все равно никуда не денешься ни от болезней, ни от смерти, ни от засухи, ни от потопа. Да и среди тех, кто ходит в храм и причащается, тоже падения бывают: чуть немножко вожжи ослабил, и опять надо все снова начинать. Поэтому Святая Церковь постоянно нас обучает отгребаться от всего земного, поститься душевно и телесно.

Вот скоро мы вступаем в поприще Успенского поста. Он по времени непродолжительный, но устав его такой же строгий, как и Великого поста. Это в смысле телесном, но, конечно, телесное – это не самое главное. Важнее удерживать в себе именно душевные поползновения. А в чем их опасность? В том, что часто душевность путается с духовностью. Поэтому, не научившись воздерживаться в своих чувствах, в своих порывах, стремлениях душевных, невозможно достичь трезвости, при которой только бывает подлинная духовная жизнь; невозможно достичь молитвы: все будет человек скатываться к внешним проявлениям, искать не того, чтобы в результате молитвы стяжать добродетель, а стремиться к ощущениям.

Очень часто человек оценивает свою жизнь, и все события, и людей по тому, хорошо ему или плохо, то есть именно по своему чувству. А ведь чувства зависят от обстоятельств, часто совершенно произвольных. Вот стоит человек на автобусной остановке, и у него одно чувство. А если он стоит двадцать семь минут, то у него уже другое чувство. Всего-то прошло

двадцать семь минут, а чувство совершенно переменялось: уже у него и гнев, и раздражительность. А если толпа собралась и он оказался еще в конце, то вообще кошмар. Вот что такое чувства. И с помощью чувств человек иногда всю свою жизнь коверкает. Вот у меня такое чувство, что без него жить не могу. То есть как не могу? А если он завтра под трамвай попадет, что же, и тебе бросаться? Или такое чувство, что не хочется жить, все немило. Ну а как не жить-то? Ну, допустим, выбросился из окна. Все равно смерти-то нет: тело покинул, но душа-то продолжает страдать. Что изменилось принципиально? Ничего, только хуже стало. Но человек привык полагаться на чувства, привык удовлетворять только свои страсти, свои желания.

А ведь христианская жизнь, она совсем не в этом состоит: нужно стяжать добродетели, потому что христианство – это есть делание, это искусство, художество, это целая наука. Христианство – это значит нечто уметь. Господь как говорит: тебя ударят по правой, ты подставь левую. И это надо уметь. Христианство – это когда тебе неохота, а ты делаешь. «Был болен, и вы посетили Меня». Ведь редко встречаются такие люди, у которых прямо стремление, если кто-то болен, то к нему пойти, помочь, посидеть с ним, поговорить, утешить. Для большинства, чтобы пойти, нужно сделать усилие, нужно себя заставить, нужно что-то отложить, нужно изменить какие-то свои планы. Но вот сегодня пошел, и завтра, и послезавтра. И как любое действие: езда на велосипеде, или бокс, или шахматы – при бесчисленном количестве повторений вырастает в определенный навык, так же и доброе дело. Человек упражняется в добре – и у него образуется навык, то есть он навыкает в добре, и уже понуждать себя стало легко, и находишь даже в этом радость, утешение, а потом уже без этого и жить не можешь, без добродетелей.

Вот с этого момента, собственно, и пошла жизнь христианская: когда то, что Христос заповедал Своим ученикам, уже делать радостно, легко и это и составляет жизнь человека. Такой человек, конечно, уже Христов. Потому что он продолжает то самое дело, которое делал на земле Христос, то есть как Учитель поступал, так и ученик Его поступает во всем. И

конечно, это возможно, только если мы верим, что это действительно нужно; если мы верим, что это действительно красота; если мы верим, что если мы так будем трудиться, то Господь нас примет в число Своих учеников, и тоже нас однажды окликнет по имени, и тоже возьмет нас с Собой на небо. Если мы в это абсолютно твердо верим, верим совершенно спокойно каждому Его слову, то, естественно, мы на этом поприще будем трудиться. Ради чего? Ради того, чтобы наконец-то очутиться рядом с Ним навсегда, во веки веков и во всей самой наиглубочайшей полноте.

Раз мы в церковь пришли, значит, у каждого из нас благодать Божия касалась сердца. Но это было какой-то миг, а ведь это же можно сделать непрерывным, и тогда это есть блаженство, тогда это есть Царство Небесное, духовная жизнь, это есть непрерывная молитва – как угодно можно называть, потому что это все понятия абсолютно тождественные, они существуют только все вместе, все одновременно и одно без другого не бывают. Как нет добродетели без молитвы, так нет и молитвы без добродетели. Нельзя быть молитвенным человеком и злым, это невозможно, хоть лоб расшиби. Пока ты с кем-то в спор вступаешь, пока ты отстаиваешь свое, пока ты кому-то завидуешь, хоть мозоль на лбу набей, ничего из твоей молитвы не выйдет, потому что все добродетели связаны. В этом-то и заключается гармония. Это и есть восстановление в себе падшего естества, когда все приходит в свою изначальную, задуманную Богом меру. И пост для этого и служит.

В духовном плане каждый человек, живущий на земле, урод, потому что телесное и душевное у нас выпячивает, а духовное, хотя, конечно, оно есть: мы люди крещеные, и мы вкусили молитву, мы знаем, что такое церковное богослужение, мы и в таинствах церковных участвуем, – конечно, духовная жизнь у нас есть, но сказать, что мы имеем ее в полноте, нельзя. Поэтому нужно все время к этому идти, все время, не унывая, себя понуждать. И для таких людей, как мы с вами, ленивых и нерадивых, пост – очень удобное время. Потому что когда один человек трудится, это всегда тяжелей бывает, а когда осознаешь, что нас, православных, по всей Руси примерно

двести тысяч человек, это огромная сила. Вот нас сегодня на всенощной от Сахалина до Кенигсберга собралось тысяч, может, сто пятьдесят. Из них, я надеюсь, хотя бы семьдесят процентов постятся. Представляете, вот так ощутить, что мы все вместе готовимся начать пост. Ради чего? Ради Матери Божией, ради того, чтобы встретить Ее праздник, ради того, чтобы себя как-то подготовить, углубиться, ради того, чтобы и Она за нас помолилась, а мы за них за всех, кто нас окружает: может быть, из них кто-нибудь еще к нам придет. Это же все от каждого из нас зависит.

К сожалению, сталкиваясь с нами, люди не приходят к Богу, потому что мы ничего не можем им показать. Христос был совершенный человек, поэтому, когда Он сказал апостолам: пойдем со Мной, – они сразу за Ним пошли. А мы часто говорим другому: пойдем в церковь – а он говорит: мне некогда. Потому что ну что мы можем ему явить? Вот если бы мы были действительно христиане и кого-то позвали, тогда они бы пошли. Конечно, не все, нет, упаси Бог! Будь мы совершенны даже как Отец наш Небесный, все не пойдут все равно. Это невозможно, к сожалению. Царство Небесное – это не для всех, извините, это для избранных. Для всех – это вот телевизор. А для Царства Небесного особая должна выработаться порода человека: благородная. Потому что Царствие Небесное – это для детей Божиих. Не для графских, не для княжеских, не для царских, а для Божиих. Выше этого уже ничего на свете нет. И надо в это достоинство войти, надо осознать, что Господь хочет, какими Он хочет видеть Своих детей, с какими хочет вечерю сотворить. Вот в это надо постоянно умом вникать.

Много у нас, конечно, и забот, и грехов, но эту главную вожденную мысль надо постараться не оставлять. Тогда мы из тьмы выйдем к свету Божию. Но надо в это обязательно верить. А без веры жизнь бессмысленна. Ну зачем жить? Что-то поиметь, что ли, купить что-то? Ну купил, ну съел, ну поехал поглядел, ну хорошо, даже весь мир увидел. Дальше что? Дальше как у всех, как у самого последнего заключенного в тюрьме: заболел и умер. Все одинаково. Поэтому растекаться вовне – бессмысленно. Самое главное – вот этот свет, вера

наша. Поэтому раз уж Господь даровал нам веру, надо стараться ее не только сохранить и приумножить, а надо сделать ее зрячей. Если уж веруем, то надо веровать как следует, надо уж тогда действительно Бога видеть, надо тогда действительно молиться, надо тогда действительно по вере жить. Если уж назвался груздем, полезай в кузов, а иначе все как-то получается несерьезно.

Поэтому хотя бы постом надо нам всем стараться встряхнуться, подумать, углубиться в духовную жизнь, несмотря на то что сейчас время летнее, довольно рассеянное, все служит вроде бы к времяпрепровождению такому приятному, отдохновению. Но Святая Церковь не оставляет нас своей заботой: именно летом два поста, чтобы не очень-то расслаблялись. Поэтому, по милости Божией, будем поститься. А наши праздники грядущие замечательные, только от предвкушения которых сердце замирает, – ну это какая же сладость! Сперва Преображение, потом престол – память святителя Митрофана, потом еще чуть-чуть – и Успение. Какая красота! Помоги, Господи! Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 15 августа 1992 года, вечер

Всенощное бдение под Неделю 10-ю по Пятидесятнице

Сегодняшнее воскресное Евангелие повествует о том, как Господь наш Иисус Христос явился Своим ученикам и не сказал никакого слова назидания, явился как бы для того, чтобы только их накормить. Они ловили рыбу целую ночь и ничего не поймали. А Господь указал то место, куда нужно было закинуть сеть, и они поймали сто пятьдесят три огромных рыбы – этот улов был столь необычным, что апостолы даже сосчитали. И вот уже две тысячи лет, читая это Евангелие, мы все слышим: сто пятьдесят три, сто пятьдесят три, сто пятьдесят три – такое свидетельство истины этого события.

Этот эпизод содержит для нас великое назидание и утешение. Каждый из людей внутри своего сердца сам решает, идет ли он за Христом или он просто ходит в церковь. Потому что можно ходить в церковь и не идти за Христом. Это встречается сколько угодно: можно быть хорошим, трудолюбивым человеком, можно быть прекрасным семьянином, можно быть умным и воспитанным, и прекрасно исполнять свою работу, и ходить в храм, и постоянно участвовать в таинствах церковных – а за Христом не идти. Потому что шествие за Христом – это шествие всегда в гору: одновременно и на Фавор, и на Голгофу. Если это не присутствует в жизни человека, то, значит, он еще не ученик Христов.

И вот Господь тому, кто оставил все и последовал за Ним, кто действительно не заботится о том, что ему есть, и что пить, и во что одеться, и так ли все складывается, как он хочет, а ищет только одной воли Его, – Господь такому человеку, ученику Своему, подает все, и даже Сам готов предложить такому человеку ужин, и Сам этому человеку готов за этим ужином и служить. Поэтому этот эпизод имеет такой таинственный смысл, весьма утешительный для всех тех, кто пошел за Христом. Господь действительно с ними и заботу Свою о них не оставляет никогда и ни в чем. Но этого блага сподобляется

только ученик Христов и больше никто. Потому что Церковь Божия, состоящая из учеников Христовых, принадлежит уже новому веку – восьмому дню.

А для того, кто пребывает еще в дне седьмом, для него Господь почил от дел Своих, поэтому ему самому приходится в поте лица зарабатывать хлеб свой насущный, надеяться только на себя, потому что Бог-то очень далеко, так далеко, что Его даже и не слышно. Вопит человек от земли к небу, а небо молчит, ничего не отвечает до тех пор, пока не уверует человек во Иисуса Христа, Сына Божия, Который пришел для того, чтобы его спасти от всего ужаса этой тягостной жизни, где все человеку плохо. Почему плохо? Потому что все то хорошее, что создал Бог, человек сломал, разрушил, изуродовал, испортил. Да и сами люди вокруг – младенцы-то еще бывают прекрасны, а когда выросли, стали весьма и весьма плохие, неприятные, тяжелые, скучные, раздражительные, злые, завистливые. Поэтому среди всего этого жить тяжело, и грустно, и скучно. Поэтому многих тянет душой прийти в храм, от всего этого отдохнуть, отвлечься, успокоиться. И действительно, это все человек и получает. Но хотя Христос Своим ученикам сказал: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», тот покой, который мы обретаем в храме, может быть чисто внешним, душевным, психологическим. Потому что, вновь выйдя в этот мир и столкнувшись с каким-то злом, мы увидим, что этот покой очень быстро улетучивается. Потому что он не настоящий, а связан с настроением.

Люди, живущие в миру, все очень хотели бы иметь всегда хорошее настроение. От чего бывает обычно хорошее настроение? Когда человек хорошо себя чувствует, когда он никому не должен и ему ничего не должны, когда у него нет никаких забот, когда хорошая погода, и причем хорошей он считает ту погоду, которая ему нужна в этот момент. Если он занимается огородом, то это дождь, если он лежит на пляже, это солнце, а если ему куда-то нужно идти, это прохлада.

К хорошему настроению человек стремится с помощью и вина, и какой-то передачи по телевизору или по радио. Этому служит и музыка, и посещение гостей – конечно, людей

приятных, а если он человек деловой, то людей нужных. Потому что предвкушение обильных благ от хорошего завершения дела настолько захватывает душу человека, что он готов даже и со скучным сидеть, и с противным, лишь бы дело вышло.

И множество вещей создает хорошее настроение: когда дети не плачут, не капризничают, когда все тихо, и гладко, и спокойно. Такой земной рай. И каждый из нас время от времени иногда на минуты, иногда на часы этого достигает. И действительно, душа наша в эти минуты покоя получает отдохновение. Но к сожалению, это временно и кончается очень быстро, как только то внешнее условие, от которого мы зависим, меняется.

А тот покой, к которому зовет нас Господь, совсем иного рода. Господь хочет, чтобы наша душа, как принадлежащая миру иному, жила бы этим миром, вовлечена была бы в жизнь духовную, причем вовлечена настолько, что те скорби, которые она испытывает, живя на земле, для нее были бы легко преодолимы. Потому что главная часть ее существования – это небо, это Бог, это святые, это то иное, к которому она принадлежит и к которому она отойдет. И когда у человека есть такое упорство все время восходить на гору Фавор несмотря ни на что, когда душа достигает этого через исполнение заповедей Божиих, через устремленность к этому миру горнему, тогда Господь, по милости Своей, дарует человеку эту вечную жизнь, и тогда, даже живя на земле и испытывая различные естественные и скорби, и нападения, и болезни, человек делается нисколько не уязвимым от мира этого.

Вот это бытие и называется христианством, это бытие и называется жизнью духовной, это бытие называется святостью, это бытие называется праведностью. Это и есть то, ради чего пришел Христос на землю. Так и святые отцы говорили: Господь сошел с неба на землю, чтобы нас, живущих на земле, возвести на небо, то есть в иной мир.

Поэтому Церковь – это только те люди, которые твердо уже решили идти за Христом и не колеблясь идут по этому однажды избранному пути. Это совсем не все, кто ходит в храм, а именно те, кто уже решил исполнять Его заповеди, кто решил научиться

кротости, смирению, кто решился уже идти на Голгофу, кто решился пройти именно этим путем, которым первым из всех людей прошел Господь Иисус Христос. И зная нашу скорбную жизнь, и любя нас, и каждому подавая свой крест, Господь берет такого человека под Свое покровительство и Сам заботится о том, что ему есть, что пить, где ему трудиться, как ему болеть и в какой день ему выздороветь, – все-все-все берет на Себя. Он Сам так обещал и всегда так и делает, лишь бы человек никогда не отвлекался от главного, от жизни небесной, и служил бы Ему.

Господь очень нуждается в том, чтобы те ученики Его, которые пока еще живут на земле, Ему бы послужили. Потому что Сам Господь принял на Себя плоть человеческую, стал человеком, чтобы послужить людям. И ученики Христовы, каждый ученик должен стать в свою меру маленьким Христом, чтобы этому миру послужить. Он должен стать солью земли, он должен трудиться, он должен продолжать дело Божие на земле. Господь не может явиться человеку Сам в Своей славе, потому что человек по грехам своим эту славу не выдержит. Даже ученики Христовы апостолы Петр, Иаков и Иоанн, три самых-самых близких к Нему, и то попадали, и то не смогли увидеть эту славу в той полноте, в которой Господь им подал.

А еще Господь не хочет никого принуждать. Потому что любое чудо – это всегда насилие над волей человека, то есть человек как бы вынужден признать: раз это чудо – значит, это от Бога. А Господь вот этого как раз не хочет. И когда Он даже был вынужден творить чудеса, потому что это свойство Его Божественной природы, Он всегда эти чудеса старался скрыть и открывал их совсем не всем. Ведь если Господь после Своего воскресения явился апостолам на море Тивериадском, если Он у гроба явился Марии Магдалине, если Он явился еще пятистам человекам до того, как вознестся на небеса, то понятное дело, что ничего Ему не мешает явиться каждому из нас, для Него это не представляет никакого труда. И не представляет никакого труда Ему, вот так явившись, убедить любого человека в том, что не надо пить водку, не надо убивать своих детей, не надо ругаться скверными словами, не надо

воровать и завидовать. Почему же Господь этого не делает? Потому что тогда не останется места для веры.

Вера – это есть выбор. Вот есть Евангелие, а вот есть все остальное – и теперь ты сам принимаешь Христа или нет, без всякого насилия. Если принимаешь не на словах, а на деле, то изволь жить так, как этого требует Господь. А если не принимаешь или принимаешь только на словах, тогда сам лишаешь себя вечной жизни. Сам. Господь именно поэтому никого не принуждает. Это мы часто хотим своих детей, внуков заставить любить Бога, заставить ходить в храм, заставить креститься, заставить венчаться, заставить еще что-то во что бы то ни стало. Но это не для Бога, а только чтобы себя успокоить: мне спокойней, если у меня внучок крещеный. Потому что речь идет, конечно, не о ребенке, а о самом себе. Потому что не хочет человек нести крест за свои грехи: что не сумел за кого не надо замуж не выходить, не сумел как следует детей воспитать, и так далее, и так далее. А теперь как результат своей жизни он не хочет понести то, что ему предлагается, а все продолжает требовать и требовать.

Человек не хочет жить по Евангелию, он берет оттуда только то, что ему нравится, что ему удобно, что приятно, что ему легко исполнять. А каждому человеку независимо от того, где он воспитывался, кое-что из Евангелия легко исполнять. Кто от природы кроткий, ему легко быть кротким. А есть люди от природы щедрые, и им не надо бороться против своей жадности, им это само дано. Но награды-то в этом никакой нет, и нет ничего удивительного. Потому что каждый из нас создан Богом Отцом через Христа, через Его Слово. Поэтому в каждом человеке независимо от цвета кожи, от воспитания есть это природное, внутреннее, онтологическое христианство. Поэтому каждый человек, если почитает Евангелие, он там себя найдет, узнает. И вот человек сам себе выбирает, что он из Евангелия принимает, а что незаметно, не афишируя тихонечко отвергает.

Такой выбор по-гречески называется «ересь». Поэтому Евангелие нельзя разделить, его надо брать целиком. Это не значит, что человек сразу возьмет и исполнит все Евангелие. Это невозможно. Но хотя бы должно быть постоянное

стремление его исполнить, и причем на деле. Поэтому когда человек на кого-то обиделся и ему говорят: ну чего ты обижаешься, ведь это же грех? – он должен тут же опомниться и простить, иначе он уже не христианин, он уже, значит, вне Церкви. Или если человек настаивает на своем и хочет обязательно по-своему, а ему говорят: слушай, ты все-таки не забывай, что Христос сказал: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем». А где же твое смирение? Ты весь кипишь и готов весь мир сокрушить – это нехорошо. По крайней мере, когда человек услышал эти слова, он все силы своей души должен направить на то, чтоб себя как-то укротить. Иначе как раз и выявится мнимость этого христианства.

Только человек, который поставил себе благую цель стать истинным учеником Христа, достигает того, что получили апостолы в этом чудесном улове рыбы. Помоги нам всем Господь набраться такой степени мужества, чтобы отважиться на этот шаг. Как некогда Петр, епендитом препоясаться и ввергнуться в это житейское море, ничего не боясь, зная: раз Христос на берегу, ничего со мной страшного не будет. Да, будет трудно, будет холодно, будет неудобно и будет очень много всего того, что должно быть. Но уж слишком велика цель, слишком драгоценна награда – вечное общение с бессмертным Богом, Который ради нас пролил Свою Кровь! Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 22 августа 1992 года, вечер

Воскресное всенощное бдение. Перенесение мощей святителя Петра, митрополита Московского

Мы сейчас дожили до такого времени, когда очень хорошо видны дела Божии. Еще совсем недавно нельзя было и представить, что станет возможным приложиться к мощам святителя Петра. И вот так Богу было угодно, что огромная зловещая безбожная государственная машина была опрокинута – как будто от легкого ветра все перевернулось, хотя еще не так давно, пятьдесят лет назад, гораздо более слабая государственная машина смогла выдержать страшную войну против мощного, прекрасно вооруженного противника, всего за четыре года с ним расправились. И вот так быстро все переменялось. Действительно, усилия людей важны, но все зависит от того, что Бог благословляет. От одних человеческих усилий мало что зависит, если не придет время, когда Господь Сам им поможет. Это не значит, что надо сидеть и ничего не делать. Надо и делать, и верить, и надеяться, ну и, конечно, ждать тоже часто приходится.

Сегодня мы читали первое воскресное Евангелие, от Матфея, которое читается в Великую Субботу и при крещении человека. Святая Церковь избрала этот отрывок, где Христос говорит Своим ученикам: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Эти слова каждому вновь крещенному напоминают: научитесь «соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века». Так сказал Господь, а перед этим Он сказал: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» – такую таинственную фразу, прямо не связанную с тем, что говорится выше. Эта фраза очень утешительная и важная: Господь говорит нам, что это Он управляет нашей жизнью – несмотря на все потуги человеческие, всю магию, астрологию, несмотря на все человеческие грехи и несмотря на то, что Бог как будто забыт на этой земле, и забыт очень хитро.

Есть два способа борьбы с истиной. Один был испробован сатаной в течение семидесяти лет: замолчать Бога, прописную букву превратить на письмо в строчную, книги изъять, упоминание о Боге исключить, а тех людей, которые упорно Его вспоминают, изолировать. Но ничего не вышло. Тогда избрали другой способ: слово «Бог» повторять так часто, чтобы оно потеряло всякое значение. Свойство человеческого разума таково, что, если постоянно повторять «спасибо», забываешь, что это значит «спаси тебя Бог», и будешь произносить это слово, не вникая в его значение. Все слова нечто означают, но человек забывает их изначальный смысл. Например, подходит и говорит: поисповедуйте меня. Ему в голову не приходит, что «исповедать» – это значит поведать из себя до конца все, что у него есть грешного на душе. Человек думает, что исповедаться – значит совершить нечто, что стоит на пути к причастию.

Слово «Бог» теперь слышится отовсюду: и от людей, чуждых Богу, и от людей, враждебных Богу, и от искренне заблуждающихся, и от шарлатанов, и от людей больных, с искаженным восприятием, которыми просто дьявол руководит, а они считают, что это Бог. Поэтому человеку была дана древняя заповедь не поминать имя Божие всуе. Почему так, что тут особенного – чаще вспоминать Бога? Дело в том, что Господь знает нашу падшую природу, знает, что от частого употребления уходит благоговение и теряется самое главное: стояние человека перед Богом. Вот сейчас слово «Бог» вошло в категорию обычных, и хотя буква из строчной стала прописной, но печатается оно часто в таком контексте, что лучше б этого и не было.

Или, к примеру, в какой-нибудь газете печатается икона. Спрашивается, что с ней делать самому благоговейному человеку, когда он прочел уже эту газету? Ее же не бросишь, это священное изображение. А сколько этих изображений выброшено! Сколько в них всего завернуто! Вроде бы икона напоминает о том, что Бог есть, вроде бы это свидетельство, а на деле отношение к ней не то что отвратительно, а просто кощунственно. И если поглядеть на нашу теперешнюю жизнь, окажется, что этого кощунства так много, оно выражается в

таких ужасных формах и приобретает такой размах, что общая его сумма нисколько не меньше, чем когда взрывали и ломали храмы. Просто огромное стекло разбилось на мелкие куски, но от этого главная дьявольская затея не потерялась.

Хотя на самом деле, что бы дьявол ни творил, сколько бы миллиардов душ он ни собрал себе, все равно на небе и на земле власть Божия. В чем же тогда эта власть, если по видимости люди не подчиняются ни Богу, ни совести, ни заповедям, ни Ангелам-хранителям, а только служат своим страстям? А вот в чем: сколько бы дьявол ни ухищрялся, сколько бы он ни стращал, сколько бы он людей ни погубил, на этой земле все равно совершится только то, что Бог попустит, и нет у сатаны власти над Богом. Поэтому Господь посылал Свою маленькую Церковь, состоявшую из нескольких человек, в тот ужасный мир, который по своим чудовищным преступлениям, извращениям человеческой природы был не менее ужасен, чем сейчас. «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» – все равно вы победите, это обречено, обречено на победу. И победа заключается не в количестве, эта победа иного свойства – победа жизни над смертью.

Жизнью, если мы помним, называется жизнь духовная. Потому что жизнь биологическая для человека – это не жизнь, этого для него слишком мало. Конечно, как всякая сложная система, человек стремится к упрощению. Быть животным гораздо проще и легче. Еще проще и легче быть растением. И многие люди идут этим путем, а дьявол этим пользуется, пользуется законом энтропии, помогает распаду. Но это не значит, что он побеждает. Потому что власть, которую имеет Христос на земле и на небе, – это власть любви. Ангелы подчиняются Богу не только потому, что Он их такими создал. Это подчинение Богу и это служение Ему – из любви. Бог строит новую вселенную, в которой свободное существо сумело бы свободно полюбить Бога больше всего на свете: больше отца, матери, детей, внуков, родины, работы – как раньше говорили, беззаветно, то есть без всяких договоров. Сделать свободный выбор между грехом, который для падшей человеческой природы естественен, близок, сладок, притягателен, знаком,

испытан, – и любовью к Богу, Которому эта греховная сладость противна. Потому что греховная сладость недостойна человека: Бог человека создал свободной личностью, способной достичь божественной жизни.

Но как и в начале пути Церкви в мире, так и в конце его мало людей, свободно выбирающих любовь к Богу. В этом нет ничего ужасающего и страшного. Потому что Христу дана всякая власть, и ничего невозможно сделать с человеком, который утвердился в любви. Что может дьявол предложить? Только устрашение или соблазн, больше ничего. У него ничтожный арсенал средств, и все его ухищрения настолько пошлы и примитивны, что каждый из нас уже давно научился их распознавать. Чего же нам не хватает? Нам не хватает только смелости. Все мы боимся, все малодушничаем, все себя немножко жалеем, немножко бываем к чему-то пристрастны, хотя христианин должен к Самому Богу быть пристрастен, а все остальное ему более или менее важно, более или менее интересно, но и только. Все наши ошибки, скольжения и падения происходят оттого, что мы излишне внимательны к этой земной суете.

И вот, по милости Божией, у нас есть возможность всем собраться и прославить воскресшего Бога. Действительно, какая сладость пребывать на богослужении, когда душа наша купается в изобильном море Духа Святаго! Как она замирает, трепещет, стремится к этому и наслаждается! Хотя каждый из нас знает, как это все трудно: и физически тяжело, и мысли дьявол насаждает, и приходят всякие образы, и парение ума, и отвлечение, и непонимание, – но тем не менее душа постоянно стремится к этому пусть еще весьма несовершенному общению с Богом. Каждый из нас, я надеюсь, уже вполне осознал, что ничего за порогом храма нет выше этого собрания. Вот мы стоим, такие немощные и грешные, а с нами Христос. Он здесь присутствует, любящий нас, благословляет нас и помогает нам преодолеть нашу немощь. И каждый из нас постепенно крепнет, становится умней в смысле духовном, начинает различать правду и ложь, начинает все больше и больше в себе видеть и начинает к себе трезвее относиться.

Христос нас хочет всегда видеть вместе, и Он воистину с нами «до скончания века». Церковь есть народ, который Он призвал и собрал вместе. И если мы хотим быть ближе к Богу, хотим действительно вопреки этому миру удержаться от соблазна, хотим действительно не падать, то путь к этому только один. Господь Сам этот путь показал: Он дал нам заповеди. И хотя формально каждый из нас знает, что надо соблюдать заповеди, но очень трудно принимается душой такая простая истина, что заповеди Божии, эти формальные правила, которые можно заучить, – это есть воистину ступени, которыми мы выйдем на простор духовной жизни.

Заповеди Божии как будто сужают нашу свободу, делают вход в Царствие Небесное узким, ограничивают. Истинная любовь к Богу – это есть всегда ограничение. Любовь и свобода часто вступают в противоречие, то есть по свободе человек иногда жаждет поступить против любви. Но Господь не мог не дать человеку дар свободы, потому что несвободный любить не может. На любовь не способно существо примитивное. Любовь – это удел высших, потому что любовь есть Бог. И Богу нужно, чтобы Его любили, потому что это естественное свойство любви. Это наблюдается даже во взаимоотношениях человека и животного. Если человек любит животных, то животные, низшие существа, наши меньшие братья, и то отвечают любовью. Хотя бывают и неблагодарные – ну так это же животные, что тут удивляться? А Бог, по свойству Своему являющийся Любовью, естественно желает, чтобы человек Его любил.

Поэтому Господь не оставил нас на земле одних. Нет, Он постоянно, премудро, одному только Ему известным и только для Него возможным образом старается спасти каждого человека, старается его вырвать из зла, старается ему помочь, старается ему расчистить путь. Господь каждого человека вызывает к жизни в определенное время от определенных родителей, каждый человек у Бога на счету, каждый Ему нужен, для каждого есть обитель в Небесном Царстве, о каждом Он заботится и промышляет, каждого зовет: «Се, стою у двери и стучу». К каждому Господь взывает, и каждый из нас это может не только ощутить, но и ощущать постоянно. Надо только и

самому к Богу взывать. Этому взыванию мешает и наша немощь, и всякая нечистая сила, и люди, ею поработанные. Но Христу «дана всякая власть на небе и на земле», Он с нами «до скончания века». И если мы сохраним веру, если мы под действием устрашений, которые грядут на нас из мира, все-таки устоим, веруя, что Он нас любит, знает, помнит, веруя, что Он нас хочет спасти, то, сколько бы раз мы ни падали, мы можем вставать, мы вновь можем идти, вновь очищаться, освящаться, двигаться вперед. И каждый шаг в исполнении заповедей Божиих будет шагом к этому очищению, освящению и спасению. И это есть, собственно, подлинная человеческая жизнь.

Конечно, нам это трудно: мы действительно дебелые, мы действительно опутаны грехами, многих тяготит греховное прошлое, мучают воспоминания, и вообще все непросто. Один святой сказал, что все высокое дается большим трудом. Почему Царство Небесное так трудно достигается? Да потому, что то, что легко достигается, то мало ценится человеком падшим. Поэтому только в этом изнурительном труде человек может обрести и любовь, и подлинную свободу. Подлинная свобода заключается в том, что человек добровольно себя ограничивает во зле, добровольно отсекает от себя любую возможность зла. А для того, чтобы знать, что есть добро и зло, существуют заповеди. Нашего ума, нашего чувства здесь не хватит. Есть заповеди – исполняй их и тогда получишь свободу в Боге.

Можно идти иначе, выбрать и правую сторону, и левую: буду и добро творить – а в каждом, даже самом злом человеке есть много добра, – и буду творить зло, то зло, которое выбирает моя душа, которое мне нравится, мне по вкусу, к которому я пристрастен вопреки заповедям Божиим. Многие из нас так и живут: что-то себе выбирают из Евангелия, в чем-то трудятся, а что-то очень легко себе прощают, как будто этого и нет. И в результате буксует человек на месте и не понимает, что так и будет, пока он не начнет заповедь Божию исполнять. Потому что если сказано «не осуждай», то это и тебе сказано. И пока ты будешь осуждать кого-то, искать недостатки или в чужом глазу видеть соринку, ты никогда ничего не поймешь и ты никогда не научишься молитве. Можно выучиться читать

акафисты, объездить все монастыри, быть на сотнях всяких отчиток, но, пока хотя бы язык не обуздаешь, ничего не получишь. Это все равно что биться об стену. Путь идет только через заповеди Божии. И тот подвиг, который человек несет не во имя этого, не венчается.

Очень многие люди, совершающие как будто бы великие труды, на самом деле не достигают Царствия Небесного. Более того, они бывают часто совершенно противоположны Богу и совершенно чужды Ему по духу. В своей фарисейской праведности они не видят совершенно Христа. Очень много есть людей, верующих в бога, но этот бог не Христос, а какой-то совсем другой, это бог выдуманный, это идол, хотя они и могут называть его Христом. Недаром Достоевский сказал, что католик хуже атеиста. Потому что Католическая Церковь не отрицает Христа, она Его подменяет. И действительно, посмотри на Христа Микеланджело и на Христа Андрея Рублева. Разве у Микеланджело это Христос? Нет, это здоровый, мощный мужик с хорошими бицепсами. С точки зрения искусства очень и очень неплохо и по композиции, и по рисунку, но это просто не имеет отношения к христианству, причем никакого, только по звуку. Содержание все выхолостилось, это поминание имени Божия всуе, которое совсем не может напомнить Христа.

Такая подмена происходит совершенно незаметно. Эта трагедия произошла и в древнем Израиле, когда распинающие Христа думали, что они спасают свой народ. Это происходит и сейчас, в православном храме. И не надо бить себя в грудь, что, мол, лишь мы обладаем истинной верой, ибо для многих давно уже эта подмена произошла: подмена закона благодати и любви правилом. Причем правила-то истинны, но из любого правила может уйти дух. Цель правила – привести человека в Царствие Небесное, а не закрыть его. А часто бывает, что человек, окруживший себя правилами, как раз и устремляется к тому, чтобы не любить. Потому что любить – это очень тяжело. Именно поэтому у нас постоянно происходят споры и распри: каждый отстаивает свое правило, свою правду, свой взгляд, то есть отстаивает себя. А любовь – нет, любовь заключается в том, чтобы по возможности быть со всеми в мире.

Это не значит, что нужно потакать чужому греху и зло называть добром, если другому так хочется. Нет, но нужно все-таки помнить, что самая главная драгоценность – это главная заповедь Христа: «да любите друг друга». И если из этой презумпции исходить, то жизнь наша начнет меняться. Но это-то и трудно, потому что себялюбие, оно ближе: это моя правда, я так привык, я так люблю. А нужно «друг друга тяготы» носить. «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию». Как этому научиться? Гораздо проще исполнять правило, чтобы душа была в покое, чтобы только ей не трудиться. Потому что на самом деле самый тяжкий труд на свете – именно труд духа, который заключается в этом самоотречении.

С малого нашего возраста как наша жизнь проходила? Капризы, нытье, истерики, только бы добиться от взрослых своего. И мы выросли в этом постоянном эгоизме. Иногда нам говорили, что надо поделиться, что, если нечто получил, надо другого угостить. Это уже трудно: не съесть самому, а разделить пополам. И пополам-то – это еще ничего, всем поровну, так что без зависти. А если взять и все отдать, всего лишиться? Хотя чего там лишиться? Чуть-чуть, несколько секунд по гортани кусок чего-то пройдет, и потом даже приторно станет, и захочется запить, а через пять минут забудешь. Так ради чего? Ради какого-то секундного услаждения гортани – и уже масса греха, зла и обиды. А подлинная любовь – это когда человек «положит душу свою за друзей своих». Бывает, оказывается, такая любовь, про которую мы в книжках читаем, когда человек готов за другого умереть. Любовь Христова как раз такова. Христос-то умер за каждого из нас конкретно, поэтому Он и к каждому из нас обращается отдельно. У каждого из нас своя душа, за каждую Он умер. Умирать бы тебе, ты должен сойти во ад, а сошел Он. «Верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» – вот для этого, чтобы ты во ад не сошел даже ни на минуту, а прямо от смерти в жизнь.

Вот какова христианская любовь, а мы постоянно друг с другом сталкиваемся. Я уж не говорю, в семье. Ну что семья? Это люди нам чуждые, они нас не понимают. Слава Богу, если кто имеет семью, верующую во Христа и живущую по заповедям. А так в основном это чужие нам люди, с которыми нас жизнь связала вместе на какое-то время. Пусть даже они самаряне, то есть признают Бога, но они не христиане. Но если самарянин лежит избитый разбойниками, мы должны перевязать ему раны, «возливая масло и вино», и «всадив на свой скот», в гостиницу отвезти. Пусть они нас не понимают, это совершенно неважно, мы должны упражняться в любви, все время трудиться, служить, помогать. А мы часто шипим, подозреваем, клеветаем, жалуемся, чего-то друг от друга добиваемся, хотим, чтобы все было поровну. Но это же невозможно. Один сильный, другой слабый; один мужчина, другая женщина; один женат, другой холост; один умный, другой не так уж. Каким экзаменом человек входит в Царствие Небесное? Только одним: насколько сумеешь возлюбить Бога и как следствие этой любви к Богу – своего ближнего: и самарянина, и христианина, и язычника. Подлинная любовь проявляется ко всему живому, даже и к врагу, потому что враг – это тоже дело временное.

Вот хорошо бы это держать в сердце. Конечно, это трудно, придется забывать и опять возвращаться, как пес, на свою блевотину, к своей прежней жизни. Трудно так сразу научиться любви. Но если будем все время стараться любить, если будем все время вспоминать об этом, если будем действительно крест на груди носить как символ этой отдающей себя в жертву любви, тогда потихонечку наша жизнь начнет исправляться. И тогда молитва у нас будет, тогда у нас будет радость на душе, тогда будет и покой, мы сможем огромные дела совершить, нам будет помогать Бог, Он будет через нас действовать, мы станем проводниками Святого Духа, и вокруг нас тысячи спасутся.

Человек скушает только по любви, и чего-то достичь можно только любовью. Жестокостью ничего не добьешься. Вот была эпоха большевизма, была жестокость. Ну и ничего не получилось все равно. Вот вроде бы уже убиты все, кто мог

противостоять этому злу, вроде сейчас настоящая жизнь начнется. Но нет, ветерок подул – и все распалось, разлетелось. Оказалось, что генерал Де Голль был прав, когда говорил, что советская и американская империи – это бумажные тигры. А что произошло? Просто в голове у определенного числа людей, не у всех, у достаточно большой части, что-то поменялось. А представим себе на секунду, что большинство людей к Богу так же повернутся, все захотят прилично себя вести и захотят детей своих любить и воспитывать, – так мы уже через пятнадцать лет будем иметь совершенно иной народ. Ведь то, что произошло с каждым из нас, может произойти со всеми. И что для этого нужно? Для этого нужно покаяться, осознать, что наша нехристианская жизнь недостойна человека, это нехорошо, неправильно, это не по-Божьи. А если застынем на том, что нужно здоровье, благополучие, мир, еще что-то внешнее, тогда опять все это будет сметено. Вон сколько храмов настроили, все хорошо, благополучно, уже скоро должно быть богатство – но нет, Господь не даст. Почему? Потому что ожиреет сердце и забудет Бога.

Поэтому нам надо усердие приобретать только в любви, а остальное постольку, поскольку оно служит любви. Вот это единственная драгоценность, это важно, а не то, какой формы окно в доме, или какие занавески, или подогретое или холодное. Не стоит из-за этого ругаться, не стоит это все отстаивать, лучше даже голодным остаться, это гораздо благородней. И если мы будем все время упражняться, ограничивая свою свободу в отношении зла, тогда мы приобретем нечто великое, то, что Евангелие называет драгоценным бисером, вот эту жемчужину. Как апостол говорит: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Если ради любви к Богу, ради любви ко Христу мы будем делать такие усилия, то наше сердце расширится, оно сможет вместить не только ближнего, одного, двух, трех, а сотни, и тысячи, и даже бесконечное число, как Бог.

Некоторые удивляются: как Он может следить за всеми пятью миллиардами людей? Как Его хватает? Ну это же Бог.

Если какой-то вшивенький компьютер может делать такие вещи, что диву даешься, так здесь Бог, Он больше, чем эта вселенная, которая, как некоторые говорят, бесконечна. Бог больше вселенной. Поэтому что для Бога пять миллиардов? Он каждую мысль каждого из нас знает, Он знает каждый наш поступок, Он настолько мудр, настолько любит нас, что заботится о каждом нашем шаге. И пусть память об этом постоянно возвращает нас к любви к Богу. Помоги нам, Господи. Аминь.

*Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 5 сентября
1992 года, вечер*

Воскресное всенощное бдение. Память священномученика Киприана Карфагенского

Жены-мироносицы, «войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам. И, выйдя, побежали от гроба; их объял ужас и трепет, и никому ничего не сказали, потому что боялись». Ангел велел мироносицам передать ученикам, что Господь воскрес, а они этого сделать не смогли. Господь дал им повеление идти из Иерусалима в Галилею, а они Его не послушались.

Очень часто бывает, что человек по слабости своей не слушается того, что Господь ему повелевает, и из-за этого бывает беда. Плохо, когда человек не слушается Бога, а слушается своих чувств, или мыслей своих, или кого-то из людей слушает, надеясь «на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения», потому что это проще, легче. Все человеческое льстит человеку, а Бог говорит человеку прямо. И вера православная заключается в том, чтобы как ни трудно было, но со всем упованием на Бога сделать все-таки так, как Он говорит. Надо приучаться жить не чувствами, не мнениями, не советами, прочитанными из книг или полученными от людей. Потому что советы могут быть хорошими, а могут быть и плохими, а могут быть и очень льстивыми, то есть по виду быть хорошими, а на самом деле заключать зло. Всякое действие, всякое явление всегда можно оценить по плодам, хорошо оно или плохо. Для этого надо посмотреть, к чему это приводит. На вид может быть все красиво и привлекательно, но если плоды злые, значит, это плохо. И наоборот, на вид невзрачно и вроде бы неуспешно, а на самом деле плоды приносит добрые. Господь это Своей жизнью прекрасно продемонстрировал. А если следовать тому, что люди скажут, то можно ошибиться.

Сегодняшнее воскресенье совпало с памятью священномученика Киприана Карфагенского, епископа, жившего в середине третьего века. В то время в Карфагене было страшное гонение, христиан хватали, многих казнили и ссылали. Киприан спрятался, и это вызвало большой соблазн. И если бы он пошел на поводу у этого людского мнения, то получилось бы плохо. А он, хотя и слух пополз, что, дескать, он боится, все равно не вышел, потому что у него были еще другие святительские обязанности, более важные, чем мученические. А когда уже время пришло, он сам сдался властям, даже денег палачу дал, и сам склонил голову на плаху. И христиане постелили белую простыню, чтобы собрать его кровь, потому что эта кровь была способна чудотворить.

Иногда по внешним действиям бывает очень соблазнительно и непонятно, что делает человек. Но если он поступает по воле Божией, то это всегда бывает правильно, хотя с точки зрения обычной, мирской, людской иногда и кажется диким. Но Господь заповедал нам не метать бисер перед свиньями, поэтому Он Свою волю открывает только такому человеку, который от нее не уклонится ни на волос. Воля Божия открывается только тогда, когда Господь совершенно в этом человеке уверен, что ничто его с правильного пути не своротит: ни людская молва, ни опасность, ни смерть.

Многие сейчас ищут старцев духоносных, хотят у них узнать правду, когда же конец света будет, какого числа. И никто такого старца не найдет, а если и найдет, старец никогда ему не скажет, потому что совопросников-то много, а людей, могущих исполнить волю Божию, нет. Поэтому и в древности старцы часто говорили прикровенно, в форме притчи. Один человек у Серафима Саровского нечто вопрошал, а он молчал и спички ломал, чтобы его натолкнуть на мысль, что если он не прекратит грешить, то дело кончится пожаром. И действительно, пожар случился, все сгорело. Преподобный Серафим очень жалел всех, кто к нему приходил, и любил от всего сердца, каждого принимал как родного, говорил: «Радуйся, Господь с тобою, Христос воскрес». Это не формула была, не просто что-то такое заученное, как: Ангела-хранителя вам, то, се. Это все

не было ритуалом, а шло от сердца. И поэтому он не мог сказать волю Божию человеку, потому что воля Божия – это слишком тяжелая ноша, совсем не каждый это может понести.

Даже жены-мироносицы, которые были весьма близки к Богу, но все-таки, когда Ангел возвестил им волю Божию, не сумели ее выполнить, свой естественный страх не смогли преодолеть, потому что не было еще в них достаточно любви Божией. Только совершенная любовь к Богу изгоняет страх. Тогда человек ничего не боится, он просто веряет себя Богу и знает, что действительно волос с его головы не упадет. Это не значит, что человек лезет на рожон, как был случай с одним священником: говорит, у меня на груди Святые Дары, пойду-ка я по водам, что со мной может быть? Пошел и утонул. Потому что как это вообще можно, что за наглый такой поступок? Ну ты священник, а что в этом такого особенного? Поэтому когда человек в чувстве гордости желает Бога испытать, Бога проверить на прочность, то бывает, конечно, всяческая беда. Речь идет не об этом. Речь идет о том, когда Сам Господь человеку предлагает нечто испытать. Тогда это всегда зачем-то нужно. И это испытание не обязательно бывает за что-то. Конечно, если у тебя белая горячка, то ясно за что: за то, что пил много. Тут, как говорится, все конкретно. А бывает, что такой прямой зависимости нет и совсем другой надо вопрос ставить: зачем? Что Господь хочет данным испытанием, ниспосылаемым человеку, в нем воспитать? Что человеку нужно, преодолевая вот эту трудность или скорбь, в себе изменить?

Господь хочет наши души привести в соответствие с Царствием Небесным, Он хочет, чтобы мы все спаслись. А мы немощны, мы боимся и уклоняемся, и из Евангелия мы стараемся принять только то, что нам легко. Но ведь нельзя в Евангелии что-то выбрать, а что-то оставить. Выбор – это есть ересь. Бог не может разделиться, так же и слово Божие: к нему нельзя ни прибавить, ни убавить. Но чтобы следовать воле Божией, нужно мужество, которого у нас нет в силу многих причин: неправильного, изнеженного воспитания, себялюбия, саможаления. Это все очень расслабляет. Если бы жизнь была суровой, мы были бы получше. Потому что чем жизнь

изнеженной, тем человек менее мужественен. А мужество – очень важная, нужная добродетель, необходимая. Потому что без решимости начать новую жизнь и начинать ее каждый день невозможно достичь спасения. Просто Господь без этой решимости не будет нам помогать. Потому что это то же, что метать бисер перед свиньями.

Хочешь быть свиньей? Ну будь, пожалуйста. Больше половины человечества в этом свинстве валяется, целые народы. Каждый делает свой законный выбор, Господь никого не хочет заставлять. Хочешь? Давай спасайся. Не хочешь? Ну что же, пропадай, как все. Жалко тебя? А как же, конечно, жалко. Но что же делать-то, нельзя же волю человека насиловать. Насиловать волю человека – это значит превращать его в животное, то есть уже другой вид получится, не homo sapiens, а не поймешь чего. Зло пресечь легко. Пожалуйста: ворует человек – ну отруби ему руки, и не будет воровать. Ругается – язык вырежи. Смотрит не туда – глаза ему выжги, это же дело пустяковое. Но чего ты этим достигнешь? Что, человек лучше, что ли, станет, перестанет хотеть воровать? Нет, не перестанет. И образы, которые его мучили, пока он был зрячий, от него не уйдут, когда он ослепнет.

Поэтому только когда человек сам имеет решимость от греха избавиться, только тогда Господь придет ему на помощь. И эту решимость, это мужество надо в себе воспитывать, а на это уходит вся жизнь: понуждать себя, когда устал и уже сил нет, все равно вставать, правило читать, понуждать себя ходить на службу, понуждать себя читать Евангелие, понуждать себя навещать больного – все время так себя нудить, нудить, чтобы все время торжествовала заповедь Божия. И те люди, которым удается вот так по совести всю свою жизнь исправить, достигают благодати Божией.

Таким был Симеон Новый Богослов, который еще молодым человеком так умел обнажить свою совесть, что поступал всегда по правде, и благодать Божия с юности была с ним. Поэтому когда читаешь его совершенно божественные писания, то любого человека просто ужас берет и кажется, что совсем никто не спасется. Потому что он пишет все это с такой небесной

высоты, что простому смертному этого не достичь. И Церковь его исповедует богословом, а богословов всего в Церкви три: Иоанн – любимый ученик Христа, Григорий и он. Но он достиг этого благодаря тому, что вот так мужественно поступал только по совести, во что бы то ни стало, вопреки всему. Можно было бы ему быть и более политичным, и гибким, и прочее, прочее, но он избрал путь прямой. Много, конечно, через это натерпелся. Можно было бы, конечно, пройти и более удачным путем с точки зрения человеческой, но такого огнепального, духоносного присутствия в себе Божества он, конечно бы, не достиг; тех гимнов он, конечно, никогда бы не написал – не в смысле поэтическом, хотя по форме они тоже весьма и весьма высоки, а в том смысле, что ему не было бы открыто то, что он в них отразил.

А эти гимны таковы, что Феофан Затворник даже сомневался, стоит ли их переводить на русский язык, потому что очень мало на земле людей, которые адекватно могут это все воспринять. Потому что это запредельная, небесная высота. Это из той же области, что метать бисер перед свиньями и говорить человеку волю Божию, когда он не сможет ее исполнить. Какой смысл? В этом нет никакого смысла. Это только человеку повредит, лучше пусть поступает, как он сам знает, это будет менее беспощадно по отношению к нему, чем ему открыть нечто. «Или слово священническое попраша, или под клятвой священническою быша, или под свою анафему падоша» – то есть равносильно тому, как будто сами себя проклинали.

Это, конечно, говорится не для того, чтобы нас как-то напугать. В христианстве нет ничего страшного, пугающее – это только состояние нашей общей греховности. Но в то же время какая прекрасная надежда: Христос воскрес, и каждую седмицу Господь нам об этом через Церковь напоминает, хочет нас спасти, любит нас, жалеет нас, всех собирает. Мы имеем возможность слышать слово Божие, все глубже и глубже в него проникать. И обязательно нужно стараться совершать и поступки евангельские, то есть жить не как прочие человецы, которые идут на поводу своих сластей, страстей, слабостей,

представлений, каких-то лукавств, какой-то политики, а именно правильные поступки с точки зрения Евангелия совершать, преодолевать свою немощь – и так постепенно раз за разом душу укреплять. Вот возьми гантели и поднимай – мышцы будут расти, расти. А как перестанешь, так они и ослабнут, и все вернется к прежнему. Так и в любом искусстве нужно постоянное, постоянное упражнение. В этом слове ничего плохого нет, даже говорят «упражняться в молитве» – потому что с молитвой сопряжен именно труд, понуждение себя, беспощадность, самоотверженность, и это все дается, конечно, любовью к Богу.

Если человек действительно Бога любит – потому что это есть заповедь: люби Бога, – он будет стараться ради этой любви, ради того, что мало на земле людей, которые Бога любят, и для Него это очень прискорбно. Бог отдал Сына Своего Единородного на смерть, чтобы всех спасти, а людям этого не надо, у них свои заботы: кто в кино пошел, кто картошку сажает, кто колорадского жука собирает, кто думает: вот сейчас я весь мир ошеломя, трилогию какую-нибудь напишу, всю правду скажу. Некоторые так и говорят: мне есть что сказать людям. Потрясающе, надо же, великий человек! Это просто смешно. Бывает, конечно, ситуация, когда человек родился поэтом, он несчастный, одержимый, и он не может не писать. Ну что же тут сделаешь? Тогда как бы приходится. И то, если человек ищет духовной жизни, как Иоанн Дамаскин – пришел в монастырь, ему старец сказал: все, это дело ты брось, – и он замолчал и ничего не писал, хотя был гений, один из немногих гениев всех времен и народов, но он это все отложил. Однажды потом из него все-таки вырвалось, он нарушил этот запрет и написал то, что мы поем на отпевании. И монахи просили старца, чтобы он Иоанна простил, а то старец его выгнал с глаз долой. А если бы он не написал, то отпевание имело бы какие-то другие слова, не было бы «кая житейская сладость». Сколько отпеваешь, но всякий раз, как видишь эти слова, начитаться нельзя, настолько они необыкновенны. И то – запрещено. Потому что душевредно, а душа все-таки важнее.

Поэтому нам нужно упражняться постоянно в малом. От нас сейчас никаких подвигов не требуется, нет гонений никаких, никто не трогает, не обижает, в КГБ не вызывают, руки не выкручивают, все тихо, мирно, молись, трудись, старайся. Потому что обязательно, обязательно настанет время, когда, как Киприану Карфагенскому, нужно будет прийти и спокойно, с достоинством положить голову на плаху и еще дать несколько монет палачу, чтобы показать, как умирает православный епископ, вообще как это надо. Потому что каждому из нас нужно умирать, каждому из нас придется болеть, придется страдания в жизни перенести – и как мы выдержим этот самый главный экзамен? Если мы сейчас не будем в этом упражняться, тогда с чем к Богу пойдем? Ведь конец – делу венец.

Хорошо, если кто-то какой-то памятник нерукотворный себе создаст в течение жизни. Это само по себе неплохо, лирой добрые чувства в людях пробуждать – это хорошо. Но не это главное, главное все-таки спасение души. Главное сокровище – вот это сердечное, тайное, внутреннее, которое знаешь только ты сам и Бог, ну отчасти, может быть, духовник твой знает, насколько у него хватит любви проникнуть в твое сердце. Но даже самый прекрасный духовник до конца в глубину души не может проникнуть, потому что он сам немощной, грешный человек. Только в ту степень, в которую ему Сам Бог откроет – то есть это все равно не человеческое, все равно Божие. Поэтому перед Богом надо стараться быть прямым и чистым. Нам, людям лукавым, изнеженным, это очень и очень трудно. И нет ничего удивительного, что это у нас не получается, а многим вообще трудно понять, о чем идет речь. Но надо стараться этому следовать мужественно, спокойно, твердо, с любовью и с величайшим по возможности смирением. Не мудрствовать о себе высоко, не считать себя чем-то, ни в коем случае стараться никого не осуждать, никого не учить, никого никуда не тащить, не заставлять, знать свой шесток.

Это очень много – стараться действовать не по страсти, а по заповедям Божиим. И Господь не замедлит, Он всех нас любит, всех нас знает, все мы у Него наперечет, о каждом Он заботится, каждого хочет спасти, хочет, чтобы вся Его забота о

нас даром бы не пропала. Господь нас слышит, Он думает о нас, Он не забыл нас. Это нам иногда так кажется, а Он просто ждет и медлит, потому что нечто нужно нам потерпеть, нечто нужно принять. Иногда что-то кажется нам в нашей жизни совершенно несправедливым и мы спрашиваем: за что? Но этот вопрос в корне, методологически неправильный. Киприану Карфагенскому за что голову отрубили? Это был лучший из людей, которому принадлежит замечательное выражение, которое мы повторяем уже тысячу семьсот лет: «Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец». Пожалуйста, веруй в душе, но ты к Богу не имеешь никакого отношения, потому что Бог пришел во плоти. А кто «не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти», в том «дух антихриста», он вне Православной Церкви, вне спасения.

Сразу спросят: а как же малайцы? неужели все погибнут? В любом народе каждый делающий правду Богу приятен, и Господь, если захочет, может и малайца спасти. Любого человека, если этот человек захочет, как Симеон Новый Богослов, жить по правде, Господь из любой страны может вызволить и привести к Церкви, а если Ему угодно, может и прямо спасти. Для Бога никаких преград нет: ни поверхности моря, по которому Он может легко ходить, ни времени, ни пространства. Для Бога этого ничего нет, Он все пронизывает; «Бог идеже хочет, побеждается естества чин: творит бо елика хочет»; что Ему угодно, то Он может сотворить. Поэтому тут проблем-то никаких нет. Проблема только для человека, который пытается себя в чем-то оправдать: я в церковь не хожу, потому что смоковница засохла. Вот перед собой поставит сухую смоковницу и претыкается. Не потому, что здесь есть преткновение, а потому, что ему нужен этот барьер, чтобы оправдать себя. А мы поем: «Научи мя оправданием Твоим». То есть Бог должен Сам человека оправдать. Только это оправдание имеет силу, когда Господь человека очищает и спасает, а не сам человек оправдывается: это я потому-то, это поэтому-то. Много всяких причин, ну и оставайся с ними.

Можно так свою совесть заглушить, что вроде бы все в порядке и культурно. А если она чуть начинает вылезать, ее

чем-нибудь оглушить. Почему все люди стремятся к развлечениям? Скорее бы кончилась работа – а там выходной, потом отпуск или еще что-нибудь, чтобы отвлечься. А это отвлечение состоит в том, чтобы погрузиться в какие-то удовольствия, чтобы не думать, не ощущать, чтобы совесть аккуратненько пригасить. И так можно некоторое время существовать, некоторым даже удается десятилетиями – кто спивается, кто просто в ритм вошел: работа – телевизор, работа – телевизор. Но потом все равно придется болеть, все равно придется умирать, все равно придется близких терять – все равно будешь поставлен перед этим экзаменом. И когда хоть что-нибудь знаешь, то на тройку можно сдать, но когда ничего не знаешь, это просто конец, просто тоска, просто смерть в вакуум, в ноль. Вот в чем ужас.

А экзамен будет все равно. Хочешь – пей, хочешь – в телевизор залезь с ногами, все равно придется ответ держать, от этого никуда не денешься. Слушаешься – не слушаешься; работаешь в поте лица – ленишься; как сумасшедший с утра до вечера дачу свою вылизываешь или вообще ничего не делаешь, лежишь, в потолок плюешь – все равно придется это решать. И это реально, через смерть все проходят. Можно, конечно, себя обмануть, себя завертеть, свою голову закрутить под крыло, но ведь это же неправильно, нетрезво, не по-человечески. Лучше все-таки, наоборот, как-то заострить, пусть это может быть и болезненно, и трудно, и боязно, и ужас берет. А собственно, ну что ужасного? Что тут такого нового? Ну да, мы все грешные. И Господь пришел, протягивает руку, чтобы грешника, каждого из нас, спасти. Нам только остается не упираться, а с благодарностью, со смирением, с покаянием это все принять. Просто надо за эту руку, с любовью протянутую, взяться и в корабль, как Петр, залезть. И все, и, слава Богу, кончится весь этот ужас.

Ведь с Богом как же хорошо! Ведь каждый из нас, раз мы здесь, в храме, стоим, с Богом бывал, может быть, минуту, может быть, секунду. Ведь это же какая сладость, это же Небесное Царство! Какая красота! И сердце каждого из нас на самом деле знает, что именно это – жизнь, а не то, что вовне, во

всяких отвлечениях и во всякой суете. Помоги нам, Господи, по молитвам всех святых вот этого мужественного выбора постоянно держаться. Аминь.

*Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 12 сентября
1992 года, вечер*

Сретение Господне

Через богослужение мы становимся созерцателями этой прекрасной картины: Дева Мария приходит на сороковой день после рождения Своего первенца, для того чтобы посвятить Его Господу. И хотя Она не нуждалась ни в каких днях очищения, потому что рождество Спасителя произошло выше всякого естества, сверхъестественным образом, но смысл этого обряда, как и смысл всякого ветхозаветного обряда, был двойной: не только покаяться в первородном грехе, не только выполнить гигиенические предписания, которых полно было в Ветхом Завете и которые были необходимы, потому что всякие, даже медицинские сведения люди могли получать только от священников как вождей народа, – но каждый обряд имел также значение и прообразовательное и предуготовительное. В данном случае каждого рожденного младенца нужно было посвятить Господу. Такой обычай был установлен для того, чтобы родители – а ведь рожают детей люди обычно еще молодые и глупые – осознали, что тот, кто к ним пришел, младенец – это есть дар Божий и поэтому его нужно Богу и посвятить; нужно таким образом его растить и воспитывать, чтобы главным в его жизни был Бог. Таким образом, этот обряд посвящения имел значение воспитательное.

Обряд – это от слова «обряжать», то есть значит «одежда». Но одежда всегда на что-то надета, поэтому обряд – это внешняя форма. А что под ним подразумевается? Какой цели он служит? Нужно всегда стараться докапываться до самой глубинной сути и всегда ее помнить, в противном случае, к сожалению, любой обряд, даже самый благочестивый, превращается в магию, то есть в механическое действие, попытку через какие-то манипуляции достичь изменений в мире духовном. Поэтому надо трезво понимать, что цель обряда сугубо служебная, а главное – внутренняя сущность.

И здесь мы видим эту внутреннюю сущность, потому что ну как Господа можно посвятить Господу, когда Он Сам Господь, Сам Творец? Но это совершается как некий очень важный для

всех символ. И Церковь углядела в этом событии очень важное для всех нас, таинственное происшествие, которое нам являет некую очень важную истину, и избрала его для двенадцатого праздника – Сретения. Это праздник не посвящения, не очищения, не пришествия в Иерусалимский храм, а день сретения, встречи: встречаются два Завета, Ветхий и Новый. Новый – в лице человека Иисуса Христа, в лице Богочеловека, потому что во всем мире пока новозаветен один Он. И еще Его Мать, Которой Архистратиг Гавриил сказал, что Она зачнет и родит Спасителя. То есть Она обладала этой истиной из первых уст, от Самого Бога через Ангела возвещенной, и все же то, что лежащий на Ее руках сорокадневный Младенец есть Ее Творец, Ее Спаситель, Который управляет всем миром, Который устроил и небо, и звезды, и все творение, – как это можно было вместить в эту еще совсем юную головку, хотя и необычайной, небесной чистоты и ясного ума? Это было просто невозможно. Сердцем Она это предощущала, а умом еще пока не могла обнять и только, все, что происходило с Ним, слагая в Своем сердце, Она вместе с Ним вызревала. И это происходило так же постепенно и незаметно, как и Царствие Небесное в каждом из нас постепенно и незаметно для нас произрастает.

И вот Он – единственный из Нового Завета пришелец, «хлеб живой, сшедший с небес», – и вокруг Него Пресвятая Дева, Иосиф, который всю свою жизнь посвятил тому, чтобы Их обоих хранить, и двое самых лучших из всех: Анна пророчица, дочь Фануилова, которая день и ночь служила при храме и всю ее жизнь составляли пост и молитва; евангелист именует ее пророчицей – а пророчествовать можно только Святым Духом, поэтому воистину «Дух бе Свят» на ней, как и на старце Симеоне, который тоже, несмотря на глубокую старость и немощь, пришел для того, чтобы дрожащими руками взять Этого Младенца, Его ощутить, к Нему прикоснуться, прикоснуться к Слову Божию, прикоснуться к своему спасению, потрогать свое спасение.

Бог воплотился, и все самое лучшее, что было в Ветхом Завете, собралось в этот миг в Иерусалимский храм, потому что не было тогда на земле более святого места, где поклонялись

единственному, единому, настоящему Богу. И вот они пришли, и произошла эта встреча – произошла потому, что они, и Анна, и Симеон, жили напряженной жизнью, жизнью подвижнической, жизнью, которая была исполнена всяческого ожидания этой встречи. Анне было восемьдесят четыре года, Симеону – около двухсот лет: цифра, более похожая на возраст праотцев. Он был очень стар и несмотря на это пришел, и увидел, и ощутил. Это говорит о том, что даже в Ветхом Завете, когда не было с человечеством благодати Божией, когда не было еще полноты откровения, когда люди были водимы только обрядовыми прообразованьями, когда человек еще не мог достичь благодатной жизни, когда между человеком и Богом была огромная пропасть, – и то отдельные люди, подвижники, жившие ожиданием пришествия Христа, достигали благодатной жизни и Господь, как бы предвосхищая будущее Царство, поселялся в них, почивал на них.

А мы живем уже в совершенно другую эпоху. Принципиальное ее отличие заключается в том, что любой крещеный человек, если пожелает, может стать пророком и любой в крещении уже является носителем Святого Духа, Того Самого, Который почивал на Симеоне и на Анне. Нам это дано сразу и даром, без всяких подвигов и заслуг, и вся оставшаяся наша жизнь должна заключаться в том, чтобы возгревать однажды данную благодать, чтоб она не угасала, не остывала, а все время прибывала. Но для этого нужно все время жить в напряженном ожидании встречи с Богом. И встреча эта совершается на Божественной литургии. Господь Сам заповедал нам ее совершать и Сам нам обещал, что, когда мы будем собираться все вместе, Он будет среди нас. Поэтому нам нужно стараться никогда не забывать, что мы приходим в храм не только чтобы поучаться благочестивой жизни, не только чтобы купить какую-то мудрую книгу, не только чтобы отрешиться от своих земных забот, не только чтобы через исповедь очистить свою душу и заглянуть, что там происходит, но прежде всего для сретения, для того, чтобы нам встретиться с живым Богом, Который здесь живет.

Бог, конечно, вездесущ, и любой молящийся человек – это уже церковь, потому что в молитве происходит соединение человека и Бога. Но каждый из нас по опыту знает, что когда мы собираемся все вместе молиться, когда мы собираемся все вместе причащаться, то совершенно явно наше сердце ощущает живое присутствие здесь Бога. И вот это есть и цель, и смысл жизни христианской, это есть источник возрастания, источник освящения, это есть источник очищения, средоточие полноты бытия, именно это вообще есть само бытие. Потому что все, что вне, это не бытие, это не жизнь, это есть некая мнимость, это все не подлинное, это преходящее. А вот то, что здесь, только это вечное, и это дано нам без всяких подвигов, без всяких достоинств, без ничего, просто даром, только потому, что мы соизволили откликнуться на этот призыв, который дошел до наших сердец, – и вот мы имеем всю полноту бытия сразу, мы имеем возможность не только на руках поддержать Христа Господа, но и, вкушая Его, соединиться с Ним, растворить Его Тело и Кровь в своем падшем естестве. Вот это нам дано – всякая мыслимая только полнота богообщения.

За границами этой жизни, которая есть жизнь подлинно духовная и настоящая, потому что святая Евхаристия есть воистину источник всякой духовности, никакой другой духовности нет, и, если мы говорим иногда «ложная духовность», или «черная духовность», или «иная духовность», мы говорим просто условно, потому что бесов мы тоже называем ангелами, хотя они, конечно, ангелы падшие. Поэтому да, существует другая духовность, существует иная мистика, существует другой мир, мир злобы поднебесной, это все тоже духовно, но это не имеет отношения к святому. Поэтому Духовность с большой буквы – только здесь. И мы этим обладаем.

Конечно, всей полноты этого дара мы не можем обнять, в силу того что мы духовно слепы. Мы ощущаем это, как слепой от рождения ощущает тепло солнца. Он ощущает его кожей, но этого очень мало, конечно, и это очень большой ущерб, когда человек слеп, потому что помимо теплоты солнца есть еще свет, которым солнце заливает весь этот прекрасный мир: и

прекрасное небо, и прекрасные горы, и прекрасные долины, и прекрасные леса, и прекрасные реки, и прекрасные камни, и прекрасные ручьи – все это освещает солнце. А если бы его не было, был бы мрак и ничего бы не было видно. Так и духовно слепой человек, он тоже ощущает, конечно, благодать Божию, и каждый, кто ходит в храм постоянно, это ощущает, потому что он ради этого-то сюда и ходит. Иначе что тут делать? Ничего нового тут не говорят: две тысячи лет все одно и то же. Каждый год читается одно и то же. Служба тоже имеет свой черед, некую одинаковость, хотя в деталях отличается, но нужно быть очень большим специалистом, чтобы за этим уследить, со слуха это довольно трудно.

И вот каждый из нас приходит для того, чтобы это ощутить. Но ведь можно еще и прозреть, можно еще это увидеть. Но вся наша жизнь, к сожалению, нацелена не на жизнь духовную, а на мир. Мир – это не только то, что нас окружает вовне, но это и те грехи и страсти, которые есть в нашем сердце. И мы в это погружены и поэтому не видим света Божия. А чтобы прозреть, нужно от всего этого освободиться. К сожалению, то, что в миру, представляет для нас очень большую ценность в силу нашей дебелисти, в силу того, что мы очень плотские и изрядно душевные. И вся эта наша жизнь, телесная и душевная, приносит нам большую скорбь, потому что в этом мире все лежит во зле, которое произошло из нас и из окружающих нас людей и наших предков, тоже этому послуживших. Каждый свою меру зла вызвал из бездны. Поэтому мы видим, что с каждым новым веком количество зла прибавляется и оно имеет временный, видимый успех.

А что такое жизнь подлинно духовная? Это когда исчезает скорбь. У большинства из нас обычное состояние души – это скорбь, туга, переживание каких-то трудных обстоятельств, обида, грусть, печаль, тоска, иногда переходящая в полное уныние. И это связано только с тем, что мы еще не познали Бога. Это значит, что мы еще голодны. Это значит, что нам не хватает нищеты духовной, мы еще недостаточно просим, недостаточно взываем: «Иисусе Сыне Давидов, помилуй мя». Мы недостаточно еще верим, что Он воистину Сын Давидов,

что Он Мессия, что Он Спаситель. Мы все стараемся путем всяких, может быть, правильных и разумных действий достичь земного счастья, чтобы не болело тело и не страдала душа от того, что приходится претерпевать от окружающих нас людей, а это часто невозможно. Поэтому апостол Павел так и говорит: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми». Но понятно, что это возможно не всегда.

Даже при идеальном воспитании из ребенка может вырасти негодяй, и это очень часто бывает, потому что здесь участвует его свобода. У Адама и Евы был один Отец – Бог, и тем не менее они Его не послушались. Поэтому не надо думать, что если мы не сделаем ни одной педагогической ошибки, то наши дети вырастут благочестивыми. Это совсем необязательно. Может быть, наши дети и погибнут. Мы сделали все, что могли: мы привели их в храм, мы показали им, как нужно молиться, мы показали, что значит исповедь и святое причастие, что такое домашняя молитва, мы показали, где стоят хорошие книги, – мы сделали все, а выбор все равно они будут делать сами. Может быть, для них всякие мультики, видюшники, гадюшники окажутся более ценными, более привлекательными, потому что грех, он привлекает. Еще Ева, разглядывая тот плод, который ей предложил змей, предпочла этот плод воле Божией, Его запрету. Он оказался слаще. А то, что Отец Небесный будет от этого скорбеть, что она Его оскорбила, высказав свое недоверие, ей было невдомек. Как дети часто высказывают недоверие, если мать и отец говорят: ты с этим мальчиком не дружи, потому что он плохой. А ребенок не верит, потому что ему там интересней, и он делает сознательный выбор.

Поэтому изменить нашего ближнего мы не в силах. Даже Сам Бог не может изменить человека, если человек этого не захочет. Потому что если Бог насильно из плохого человека сделает хорошего, то этим отнимется его свободная воля и он перестанет быть человеком. Поэтому Бог как источник всякой свободы хочет от человека свободной любви к Себе. Конечно, если человек не хочет исправляться, можно постараться его увещевать и чисто логически ему показать, что его жизнь придет к распаду: вот посмотри, что случилось с твоим телом – оно

состарилось и сморщилось, оно больно; вот посмотри, что случилось с твоей семьей – от тебя ушла твоя жена; теперь посмотри, что случилось с твоими детьми, во что они превратились; вот посмотри, что случилось с твоими талантами и способностям, во что ты их употребил; и дальше смотри, куда это все идет. Но это, как правило, никого не убеждает, как не убеждает никогда никого никакая нотация, – то есть человек должен сам. Поэтому успех в изменении нашего ближнего не всегда обязателен. И бывают у очень благочестивых, святых даже родителей совсем неблагочестивые дети. Народ это давно заметил и говорит: в семье не без урода. Слава Богу, когда в семье нет ни одного урода – морального, конечно. Это большое счастье, это большой покой, это большая ценность. Но к сожалению, так бывает не всегда.

И что же делать? Да, приходится в этом мире скорбеть. Господь нам это обещал: «В мире скорбни будете». Потому что, видя все это несовершенство, видя это зло, направленное против тебя и против того, кого ты любишь, и видя зло в нем самом, что еще более страшно созерцать, и видя всю невозможность что-то изменить, не скорбеть нельзя. Но эта ситуация не есть ситуация уныния и безысходности. Выход есть. Выход есть в жизнь духовную. И хотя некоторые говорят, что духовная жизнь – это уход от мира, они просто не знают, что такое духовная жизнь. Духовная жизнь – это связь с Утешителем, Духом Святым. Апостол говорит: «Если мы живем духом, то по духу и поступать должны». И если мы будем стараться поступать по духу Евангелия, если этот дух Евангелия войдет в нашу жизнь и мы будем жить согласно с ним, то тогда у нас будет полнота духовной жизни, полнота в ту меру, насколько мы можем вместить, потому что у каждого своя мера: своя мера и веса, и физической силы, и ума, и способностей в духовной жизни.

Что значит, что наша жизнь станет духовной? Это значит, что главным руководителем нашей жизни будет не наша страсть или какое-то устремление внешнее – нет, руководителем нашей жизни станет Святой Дух, потому что мы каждое свое действие будем мгновенно согласовывать с Ним. И такая жизнь настолько

наполняет человека любовью и радостью, что даже понуждает его, как Серафима Саровского, избитого обухом топора почти до смерти, простить этих обидчиков. Потому что он знает, что если хотя бы на секунду гнев на этих людей, причем гнев совершенно справедливый, посетит его сердце, то Дух Святой отойдет от него. Поэтому он предпочитает лежать в кустах, обливаясь кровью, со сломанным позвоночником, но не гневаться. Он это предпочитает. Почему? Потому что то, что он носит в своем сердце, несоизмеримо больше и драгоценней, чем какая-то обида на людей, которые его избили. И это есть не просто акт воли, хотя и воли тоже, но это есть прежде всего хранение этой драгоценности. И каждый из нас к этому призван, каждый может этой драгоценностью обладать.

Это не значит, что наша жизнь будет без скорбей. Нет, совсем нет, может быть, даже наоборот, потому что противнику рода человеческого, дьяволу, все, что здесь происходит, крайне противно. И конечно, он всячески будет этому препятствовать, всячески будет этому мешать, всячески будет пытаться нас из этого состояния вывести. Есть очень хорошее понятие: вывести из себя. Это совершенно правильно и очень конкретно. И источником этого выведения из себя всегда бывает дьявол. Поэтому, конечно, он будет пытаться всячески, вплоть до того, чтобы внушить людям, что у этого монаха, который питается одной травой, могут быть какие-то деньги. И хотя они не могли не знать, кто он такой, потому что, слава Богу, половина России приезжала только поглядеть на Серафима, все-таки эта мысль смогла войти в их сердце, укрепиться и даже быть исполненной.

И каждый день кто-то совершенно непонятно с чего придумывает какое-то зло, что-то такое устраивает, как вчера вечером мальчики, наши прихожане, взяли и открыли бочку с горючим веществом. Если мы не взлетели все на воздух, то это просто милость Божия. Папа с мамой стоят в храме Богу молятся, а мальчик где-то там что-то отвинчивает. И это все могло кончиться очень печально. Но сколько ни призывай, что папа с мамой должны держать мальчика за руку, чтобы нам не взлететь на воздух, это все как-то не доходит. Как не доходит часто до человека, что мало, что ли, перевернутых машин –

ведь и ты можешь так перевернуться. Поэтому от нотаций и от каких-то призывов мало что меняется.

Выход для нас один: утешить нас в нашей скорби может только Сам Бог. И всякую скорбь, всякую печаль, всякую тугу в своей душе надо учиться изливать Ему, просить Его, просить Его утешить. А для этого нужно сделаться в Его глазах таким, чтобы Он захотел к нам прийти. Смешно говорить: «Прииди и вселися в ны», – если мы все делаем только противное Ему, мы только все противимся, мы только все сопротивляемся Евангелию, сопротивляемся заповедям Божиим, мы очень противны и горды. Вот эта гордость, как стальная пружина, не дает возможности войти в нас Духу Святому, Утешителю. Поэтому чтобы достичь Его пришествия, нужно глубоко смириться перед Богом.

Господь не посылает нам скорбей больше, чем мы можем нести, но у каждого свой крест, и это необходимо. Это необходимое, хотя и недостаточное условие для того, чтобы достичь жизни во Святом Духе – а только это и есть подлинная жизнь. И чем чаще происходит сретение нашей души с Духом Божиим, тем больше в нас навык этого духовного делания. Только не надо определять пришествие благодати Божией каким-то физическим ощущением. Это путь плохой и неправильный, потому что сатана, он хитрый, он может узнать по выражению нашего лица или по каким-то неосторожным словам, что мы этого ждем. Хотя по немощи своей сатана не может в наш ум проникнуть; свои мысли он может вкладывать, но то, о чем мы думаем, он понять не может, это ему не дано, это от него сокрыто. Поэтому у нас перед ним есть огромное преимущество: все его хитрости и проделки мы уже, слава Богу, за две тысячи лет жизни церковной знаем, все это прекрасно описано святыми отцами. Поэтому если мы будем усердно просить, Господь избавит нас от всякого зла. Господь и от болезни избавит, и от смерти, и от чего угодно, хотя это вещи не самые страшные. «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне», – сказал Господь. Больше всего надо бояться греха.

И вот каждую молитву, каждое посещение храма Божия, каждое прочтение нами Святого Писания, а вообще-то лучше и каждую встречу с любым человеком можно устроить таким образом, что это будет встреча с Самим Богом. Потому что каждый человек – это есть образ Божий, это есть икона, и в каждом, даже последнем злодее, этот образ сохраняется, как в иконе, из которой может быть сделан стол, или стул, или порог в бане, – но она все равно остается иконой, и если ее отреставрировать, почистить, то опять засияет та божественная сущность, которая в ней содержится.

Поэтому прожить в этом мире, радуясь, по заповеди апостола, который сказал: «Всегда радуйтесь», – возможно, только если мы достигнем этой апостольской веры и апостольского сочетания со Святым Духом. Только если наша встреча с Богом будет постоянная, если жизнь с Богом станет для нас общей, то есть мы каждую секунду будем Ему предстоять. И такое предстояние, собственно, на языке святых отцов и называется непрестанной молитвой. Для этого не обязательно все время какие-то слова произносить, хотя путь к молитве часто идет и через это тоже, но главное – через страх Божий, через ощущение близости Его. Нужно постоянно делать усилия для того, чтобы возвращаться умом к Богу. И это усилие будет вознаграждено, будет происходить вот эта искомая встреча. Помогите нам в этом, Господи. Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 15 февраля 1993 года

Неделя о Страшном суде

Сегодняшнее воскресенье называется Неделей о Страшном суде по Евангелию от Матфея, где приводятся слова Спасителя, которые Он сказал Своим ученикам. Поэтому те из нас, кто считают себя учениками Христовыми, имеют счастье эти слова послушать и постараться вникнуть в них таким образом, чтобы они отражались на нашей жизни. Потому что слово Божие должно входить, как «меч обоюдоострый», в наше сердце.

«Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов». Вот образ Страшного суда: добрый Пастырь Господь с Ангелами Своими, которые участвуют в этой жатве, и перед Ним все человечество. Те, кто еще не умрет к этому времени, изменятся, преобразятся, получат новые тела, а те, кто жил начиная от Адама, все воскреснут. И Господь будет отделять овец от козлов. Почему Господь этот образ приводит? Вроде бы на вид одинаковые животные: у обоих и рожки есть, и хвостики, и шерсть, и раздвоенные копытца. Но разница большая во внутренней сущности, в повадках: овца кроткая, смиренная, робкая и послушная, а козел очень задиристый, упрямый и драчливый.

«И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И

Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Часто человек от всего сердца воспринимает этот призыв, и, когда кто-то стучится к нему в дом и со смиренным лицом кротко говорит: пустите, я верующий, мне негде переночевать, я еду в монастырь, — с радостью его принимает. А утром оказывается, что этот «паломник» обокрал квартиру и исчез. Такие истории очень часты. Или приходит человек в ондатровой шапке и говорит, что ему есть нечего. Или приезжает на хорошей машине и говорит: нам нужна гуманитарная помощь, потому что мы очень бедные. Или у человека одежды столько, что впору и выбрасывать, но он все равно просит, и так далее, и так далее. А уж про темницу и говорить нечего. Сколько раз, особенно в последнее время, бывало так, что человек беглого вора приютит, а тот его убьет и над женой его еще надругается. Таких случаев сотни и тысячи.

Как же быть, ведь Господь же сказал? Да, Господь сказал, и слово Его истинно. Но Господь сказал не только о любви к ближнему, сказал не только, что «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Господь еще сказал, что бывают волки в овечьей шкуре, и поэтому надо нам обязательно, непременно рассуждать. Это не значит, что наша жизнь отменяет добро или отменяет Евангелие. Но совсем не обязательно снять с себя пальто и отдать другому, потому что это может стать одной из самых больших глупостей в нашей жизни. И совсем не к каждому больному нужно ходить, потому что иногда этот больной будет просто тебя эксплуатировать. Очень часто в храм приходят люди и говорят: мы слышали, у вас верующие ухаживают за больными; не могли бы вы нам прислать человека, чтобы ухаживать за нашим больным? Он, правда, некрещеный, и у него трое детей, но, вы знаете, им некогда. Нет ли у вас в вашей общине таких идиотов, которые могли бы его бесплатно обихаживать, кормить, поить? А когда говоришь: хорошо, мы найдем таких людей, потому что многим и жить негде, и они согласны у него жить и за ним ухаживать, а потом пусть он им квартирку свою подарит в знак

благодарности. Э, нет, мы лучше его тогда в дом престарелых сдадим.

Ситуация тривиальная до тошноты, но и она тоже не отменяет слово Евангелия. Просто Господь, естественно, в Своем слове не мог учитывать все многообразие нашей жизни, особенно всей подлости века двадцатого. Вот недавно я столкнулся с такой вещью, что два человека улыбаясь говорят: давайте мы с вами поменяемся, вы нам дадите хорошую машину, а мы за это на вашей машине, которая сломана, выправим крыло. Представляете? Или подходит человек, имеющий два ряда золотых зубов, и говорит: подайте. И еще имеет наглость говорить: ради Христа. Да вынь одну короночку и живи полгода на это, замени ее на стальную, вот и весь разговор, на хлеб по крайней мере хватит. А как же Господь сказал: «Всякому, просящему у тебя, давай»? Ну давайте отдадим – и что, это будет по Евангелию? Нет, это будет против Евангелия, это будет полное противоречие с Евангелием. Потому что Евангелие призывает не к тому, чтобы потакать слабости или греху другого человека, но оказывать ему милосердие. Как иногда врач или медсестра, делая перевязку больному, причиняют ему такую боль, что он даже кричит и плачет, но в следующий раз все равно приходит, потому что знает, что хоть и больно, но от этого бывает великая польза.

К слову Евангелия нужно подходить разумно. Нужно стараться понять, что же Господь хочет от человека. Каким образом нам встать одесную, а не ошуюю? Каким образом нам оказаться среди овец, а не быть последними козлами? Как нам устроить свою жизнь? Господь хочет, чтобы мы были добры, чтобы мы были отзывчивы на чужую беду, чтобы мы были отзывчивы на чужую скорбь, на чужое страдание, но не отзывчивы на чужое желание нас эксплуатировать, использовать, обманывать, дурачить, издеваться и прочее. Вот что Господь хочет, только и всего. Поэтому Он говорит: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». При всем при том человеческая мудрость нам просто необходима, нам нужен этот опыт.

«Был странником, и вы приняли Меня». Ситуация для иудеев двухтысячелетней давности самая обычная. Очень много было странников, и не каждый имел деньги на коня или мула, ходили пешком. И действительно, страшно в поле остаться ночевать, поэтому пустить в дом, приютить человека было так естественно, так понятно, что даже обычай на Востоке возник, неписанный закон, что странника принять – это просто обязанность каждого. Было много и настоящих нищих, у которых действительно ничего не было, они были больные, инвалиды. И сейчас очень часто бывает, что человек говорит: мне жить негде. Как негде? Открой паспорт и посмотри на четвертой странице, там адрес указан, вот туда поезжай и там живи. Почему тебе обязательно жить на Тверской? Ты кто такой? Если хочешь здесь жить, купи, заработай. Почему надо жить за счет другого? Это что, христианство? Мы все христиане, поэтому отдай мне все. Это не христианство, это разбой. И тот, кто этому потакает, тот грешит, тот себе Тартюфа на шею вешает, и в этом нет никакой правды. Тартюфом этим может стать и родной сын, и внучок, и племянничек. И то, что мы ему помогаем, совсем не есть любовь, а есть самый ужасающий разврат, за который мы будем отвечать. И никакого отношения к Евангелию, никакого отношения к доброте, к милосердию, к сочувствию это не имеет. Это имеет отношение только к сочувствию собственной страсти, потому что я хочу ублажать свое, я не хочу трудиться над воспитанием, я хочу идти по принципу «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». А дитя не всегда страдает, когда плачет, в девяноста процентах случаев оно капризничает, за что нужно драть, а совсем не потакать этим слезам.

Господь желает от нас милосердия подлинного. И для этого подлинного милосердия огромная сфера деятельности. Для этого не обязательно куда-то в Ясенево ехать. Это все происходит часто в нашем доме, где живут наши родственники и родственнички, которые бывают нам даже врагами, и тем не менее они часто нуждаются в милосердии, которое может выражаться не обязательно в том, чтобы нам обменяться пальто или еще чем-то, потому что им так хочется. Совсем не в этом, а, может быть, иногда нужно просто промолчать, когда хочется в

ответ что-нибудь сказать ему неприятное, потому что он это заслужил, вполне заслужил. И то, что ты намеревался ему сказать, это была бы полная правда и полная справедливость, но в этой справедливости нет не только любви, а вообще ничего, кроме излияния своего раздражения. Поэтому когда удержишься хотя бы разок, этим самым ты приблизишься к искомому состоянию овцы стада Христова. Потому что проявишь кротость, проявишь терпение, проявишь любовь настоящую.

Настоящая любовь – это всегда отречение, но не обязательно от пальто или от удобства из-за того, что ты принял странника или что тебе обязательно надо куда-то поехать. Очень частая ситуация: человек едет навещать больного за тридевять земель, а дома у него четверо больных, которые нуждаются в гораздо большем уходе, вполне реальном и очень-очень конкретном. Но гораздо легче, расчесывая свое самолюбие, тщеславие, честолюбие и религиозное чувство, куда-то съездить, поговорить с человеком, который гораздо более приятен, чем этот родственник, который бесконечно надоел и к тому же еще неблагодарен. Родственники друг к другу обычно неблагодарны: ни муж жене не благодарен за то, что она за него душу кладет, ни жена не благодарна мужу за то, что он деньги приносит. Это все принимается как само собой разумеющееся. А чтобы дети были благодарны родителям, этого я вообще еще пока в жизни не встречал. Может быть, это где и есть. Во всяком случае, я глубоко надеюсь, что вообще-то, по идее, быть должно, потому что земля как-то должна стоять, поэтому, наверное, такие дети есть. В Израиле же нашелся юноша, который с детства чтит отца и мать. А Израиль был тогда очень маленький. Поэтому надо надеяться, что где-то все-таки благодарные дети, может быть, и есть.

И вот Господь призывает нас к добру. И каждый день для каждого из нас бывают испытания. С какой целью Господь попускает этим испытаниям на нас надвигаться? Чтобы каждый раз мы проявляли мужественную мудрость, потому что иногда очень трудно не проявить человекоугодия, так как каждому хочется быть со всеми в хороших отношениях. Потому что так

проще: компромисс во что бы то ни стало. Не ради мира, нет, а ради того, чтобы самому было спокойней, ради охранения собственного комфортного бытия. Вот ради чего, вот мотив наших компромиссов, но совсем не мир Божий, нет, к сожалению, это не так. А должно быть так.

И слово Божие, которое говорит о Страшном суде, оно как раз об этом подлинном милосердии. И конечно, очень трудно быть милосердным, очень трудно быть благодарным, очень трудно быть кротким человеку, который этого не имеет, который эгоист, который всех людей, особенно своих ближних, воспринимает только так: чтобы они послужили мне, а я буду заниматься тем, чем я хочу, а от остальных отгорожусь, ну, по возможности, потому что от всех не отгородишься, к сожалению: компромисс нужен и с начальником, потому что он платит деньги, и с женой, потому что, если вступишь в конфликт, она вдруг стирать перестанет, придется самому в прачечную ходить, а это нудно. И так человек взвешивает, что вроде бы лучше с ней на паритетных началах как-то договориться, чтобы и я особенно палку не перегибал, и она какие-то границы не переступала. Но в этом опять же любви никакой нет.

А каждый день, прожитый нами в этом мире, в нашей семье, на работе, в храме или на улице, может превратиться в шаг навстречу Богу. Потому что спасение наше в нашем ближнем, которым является абсолютно любой, а не только голодный и не только больной, не только раздетый и путешествующий. Потому что сейчас путешествующий в ста процентах случаев не нуждается ни в чем: дорога очень дорогая, и раз куда-то едешь, значит, денежки есть. А то: я еду в монастырь, дайте мне денег на дорогу. А что ты там забыл? Сиди дома. Серафим Саровский по монастырям не ездил и спас свою душу. Совсем незачем куда-то ездить, а если едешь, значит, тебе делать нечего, значит, у тебя есть свободное время, есть энергия.

Разве плохо съездить в монастырь? Да съезди, что же тут плохого, все-таки в монастырь, а не куда-нибудь в игорный дом. Это совсем неплохо, но это уже, как говорится, твое дело. Это

есть твоя жизнь, и совсем никто тебе ничего не должен. А человек, особенно советский, к сожалению, так воспитан, что ему все кругом должны, все от начала до конца и даже Бог. Говоришь человеку: молись. Отвечает: я и так уже молился. Видали? Я молился, а Он не дает. И это совсем не смешно, потому что вот это и есть козлиное упрямство, вот это и есть непонимание спасения, вот это и есть непонимание вообще, что такое жизнь, что такое взаимоотношения человека и Бога, это есть полное непонимание Евангелия и того, что Господь ждет.

Некоторые мучаются: что бы мне еще такое придумать, чтобы спастись? Да ничего не надо придумывать, никуда не нужно ехать, не надо искать никаких старцев-прозорливцев, все и так предельно ясно. Просто человек не хочет трудиться и все хочет найти какую-то панацею. Вот буду читать сто пятьдесят раз чего-то там и спасусь. То есть что-то обязательно нужно автоматически-механическое. А почему так? Потому что работать неохота, все ищем легких путей, а их нет. Путь единственный – это жизнь духовная, и эту духовную жизнь надо начать. Нужно смотреть, каков мотив моих поступков, из чего я исхожу, что мною руководит, когда я делаю это или это. Что я хочу, чем я руководствуюсь: спасением души или, наоборот, желанием себе душевного комфорта, душевного покоя? И если мы действительно трезво и внимательно будем рассматривать свою жизнь, свои поступки, движения своей души, если мы действительно захотим исполнить волю Божию, тогда мы и будем все время делать шаг по направлению к ближнему. Мы не будем искать вокруг, что бы нам такое еще сделать, кому бы помочь. Потому что если мы сумеем не раздражаться на своего ближнего, это уже есть благо, и гораздо большее благо, чем дать сто рублей или тысячу, хотя это, конечно, его тоже обрадует. Редко кто не обрадуется, когда ему дадут тысячу. Только в том случае, если он рассчитывал на большее, тогда обидится: что это ты мне тысячу даешь?

Слово Божие никак не отменяется нашей жизнью. Только, и это не к сожалению, а это к счастью, преломление слова Божия в нашей жизни бывает совсем иным, и когда мы пытаемся буквально его перенести на наши обстоятельства, то бывают

самые трудные ситуации. И чтобы их разрешить, в том же чтении, которое на сегодня приходится, апостол Павел говорит, например, о посте. Апостол Павел – человек колоссально образованный и очень живой умом. И кто со вниманием читает его послания, найдет там ответ на множество жизненных коллизий и сумеет приобрести некоторый навык в том, как их разрешить. Вот он пишет: «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем». И это чтение Святая Церковь избирает накануне поста. Ничего себе! Спрашивается, тогда зачем же это все отцеживание: сколько в эту булку булочник положил сливочного масла, скромная она или нет? Какая серьезная проблема!

Я вчера яйцо вареное съела, теперь войду ли я в Царство Небесное или же нет? Нет, конечно, не войдешь, и, конечно, это самый страшный грех, который вообще только на свете есть. Хуже этого нет – съесть яйцо. А вот апостол Павел говорит, что «пища не приближает»: ешь ли, не ешь ли, это не имеет никакого значения. Тогда зачем же пост и почему Церковь избирает это чтение? Для того, чтобы нас дразнить? Или для того, чтобы отменить устав, который святыми отцами разработан и исполняется всеми благочестивыми христианами на протяжении уже более тысячи лет? Как же так? Противоречие? Да, противоречие, но только видимое. Потому что надо понять, что же такое пост, в который мы вступаем, и какой смысл того, что человек отказывается от какого-то вида пищи, и какой смысл именно в скрупулезном исполнении устава. Что это дает конкретно каждому человеку, и мне в частности? Потому что какое мне дело, как постится другой? Это он постится, «перед своим Господом стоит он, или падает», по слову Священного Писания.

«Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных. Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное? И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос. А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против

Христа. И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего». Вот, оказывается, можно еще какую любовь оказать ближнему. Не обязательно его посетить в темнице или отдать ему свою зимнюю шапку, а можно еще так поступить, чтобы его не соблазнять. Можно снизойти к его немощи, можно ему уступить. Можно пожертвовать своей свободой в его пользу. Если его смущает, что другой ест, апостол Павел готов вообще этого не есть никогда, лишь бы он не смущался. Потому что для чистого все чисто, и никакое идоложертвенное для нас ничто, и мы можем общаться с кем угодно, и ничто нам не вредит. Но если от этого человек соблазняется, повреждается или начинает этому подражать, считая, что это можно всем, тогда нельзя.

Поэтому те родители, которые перед детьми строго постятся, приносят им огромную пользу. И чем раньше дети начинают поститься, тем полезней. Потому что это утеснение чрева, которое есть, собственно, сила нашей животности, – не случайно именно чрево называется животом: живот и жизнь, как это все очень вкусно и здорово связано! – это очень полезно, когда человек утесняет свою животную природу с самого малолетства и тем самым воспитывает волю свою, направляя ее на духовное. А когда человек в присутствии немощного нечто нарушает, пусть даже в какой-то мелочи, то это является причиной соблазна и иной может повреждаться. И оказание любви к нему в данный момент – это поступить, как жаждет его немощь. Поэтому любовь очень часто заключается в том, чтобы быть к человеку снисходительным, и в этом нет никакого унижения для него, и нет никакого унижения для тебя самого, потому что так же поступил и Сам Христос: будучи Богом, Он не постеснялся сделаться человеком; будучи Царем, не постеснялся, как последний разбойник, взойти на Крест; будучи мудрее и прозорливей всех тварей, Он решил промолчать на суде Пилата и не стал с ним спорить.

И если мы изберем вот этот образ жизни, который нам преподавал человек Иисус Христос, то таким образом мы станем тоже «сограждане святым и свои Богу», станем Его учениками. Потому что чтобы стать учеником, нужно учиться, и не только у

Него Самого, но и у всех учеников Его, которые в этом учении преуспели и даже во внешней жизни, как Он Сам и обещал, превзошли Его в своем человечестве. Помоги нам в этом Господь и сподоби нас на Страшном суде занять сторону одесную Царя Небесного. Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 21 февраля 1993 года

Вечерняя служба в понедельник 1-й седмицы Великого поста

Великопостные службы таковы, что хочется, чтобы они продолжались и продолжались, и только телесные немощи понуждают нас оставлять их или несколько сокращать, приспособляясь к нуждам нашего большого города.

Великий канон Андрея Критского принят Церковью к ежепостному прочтению для того, чтобы в нас возбудить покаяние и чтобы в сердце сложилось правильное понятие о том, что такое покаяние. Мы привыкли всё, что происходит вокруг нас, оценивать через те чувства, которые у нас по этому поводу бывают в душе: хорошо мне или плохо, – и в зависимости от этого выносить суд какому-то событию. И от этой привычки нам нужно обязательно отвыкнуть, потому что надо, как и преподобный Андрей, рассматривать свою жизнь с точки зрения слова Божия, постепенно себя воспитывая, постепенно трудясь над тем, чтобы слово Божие в нас вместились – чтобы мы могли оценивать и свои поступки, и свое духовное состояние, и то, что происходит вокруг нас, именно им, а не по тому чувству, которое мы испытываем. Ну, во-первых, потому, что наши чувства лгут, а во-вторых, в наших чувствах всегда присутствует лесть, потому что каждый человек в силу своей греховности эгоист и поэтому всегда себе желает блага, и причем блага, к сожалению, не духовного, а телесного или, что более пагубно, душевного.

Человек хочет, чтобы на душе у него был покой, но покой, который дается не Святым Духом, а покой душевно-телесный. И к этому он устремляется и пытается как-то свою жизнь устроить, чтобы ничто его не трогало, не волновало. И так все время каждый человек как бы борется с собственной жизнью, пытается каким-то образом ее наладить, и от этого возникает множество попечений, а жизнь ускользает из рук, и все идет само по себе, как скоростная езда на льду: можешь крутить руль в любую сторону, но машина едет туда, куда ее несет. Так же и здесь, собственно, происходит. Человек пытается как-то увернуться от

воли Божией, пытается сам устроить свою жизнь, забывая о том, что Господь печется о каждом. Причем иногда Богу угодно, чтобы в одно прекрасное время своей жизни человек принял скорбь. Почему? Потому что эта скорбь нужна ему для его спасения.

Часто человек задает себе вопрос: почему со мной случилось то-то и то-то? Может быть, я чем-то согрешил? И пытается во что бы то ни стало найти ответ и думает, что, найдя ответ, он это исправит и тогда скорбь уйдет. Да, действительно, опыт нашей жизни научает, что и так бывает. Если человек одержим каким-то грехом, то часто следствие греха бывает вполне определенным. На детях это очень видно. Папа с мамой говорят: не делай этого. А он все равно делает до тех пор, пока не случится то, о чем сто раз предупреждали. Так же и со взрослыми бывает от неверия слову Божию. Но это не значит, что то, что с нами происходит в жизни трудного, печального и скорбного, есть обязательно следствие какого-то нашего греха. Нет, вся наша жизнь греховная, и это надо понять.

Грех не есть обязательно какой-то поступок. Можно достичь такого образа жизни, что не будешь совершать никакого плохого поступка. Можно путем суровой аскезы, внутреннего труда достичь того, что голова будет свободна от дурных мыслей – это очень трудно, но достижимо. Еще более трудно, но также достижимо очистить свое сердце от помыслов лукавых, то есть тех движений сердечных, которые бывают по наущению дьявола. И когда человек этого достигнет – а из всего человечества этого достигают единицы, – это не значит, что человек избавился от греха. Это значит только, что человек достиг праведности. А грех – это совсем другое. Грех – это есть разделение человека и Бога.

Грех есть отдельная от Бога жизнь, есть самостоятельность человека от Бога. Вот такая жизнь есть грех, который может не выражаться в каких-то ужасных поступках, плохих словах, плохих мыслях и нехороших чувствах. Поэтому у людей, не знающих Бога, часто возникает вопрос: вот живет прекрасный человек, но в Бога не верует, в храм не ходит – что же с ним будет после смерти? То же самое, что и в этой жизни: как он не

знал Бога в этой жизни, будучи прекрасным человеком, так он и умрет и будет там, в том мире, не зная Бога, оставаясь в собственной прекрасности, то есть пребывая в том же аду. Ад – это не обязательно Бутырская тюрьма. Ад – это бытие вне Бога. Ад – это создание такой жизни, где нет Бога. Поэтому Господь сказал, что мытари и грешники предваряют праведных фарисеев в Царствии Небесном. Потому что фарисею не в чем каяться, он живет правильно, хорошо, он не чувствует, что он грешник, потому что он делает все правильно. А грешник понимает, что он грешник, потому что его греховные мысли и поступки, слова и чувства для него самоочевидны. Поэтому грешнику в некотором смысле проще. И вот мы все грешники, поэтому нам это проще понять, проще ощутить.

Разрушение этой стены, освобождение от греха, соединение с Богом дается Богом человеку даром, не за какие-то заслуги, не за то, что он хороший. Это вообще тайна, почему так происходит. «Ихже бо предуведе, тех и предустави» – апостол Павел сказал такие слова очень интересные, из которых потом много ересей возникло, и, в частности, кальвинизм. Почему так? Вот хороший человек – и нет у него веры. А дрянь последняя, можно сказать, подзаборная – и Господь дает веру. Как это? Почему? Это таинственно. И у того человека, который имеет веру, хоть он и грешен, но, если он сознает грех и вступает на путь исправления, у него есть шанс спасения. Потому что только живые взаимоотношения человека и Бога могут спасти душу, спасти от греха, спасти от этого разъединения, если человек хочет, хочет соединиться с Богом вопреки своим грехам, своим страстям, устройству своей жизни – вопреки всему, во что бы то ни стало хочет соединиться с Богом. И это желание человека Богом и награждается, Господь Сам освобождает человека. Господь может очистить, может помочь этому человеку и с молитвой, и помочь освободиться от каких-то страстей, лишь бы он воистину хотел не устроиться здесь, на земле, подольше, побезопасней и получше, а именно воистину хотел бы достичь Бога.

Покаяние, по определению, это и есть осознание всего ужаса того, что я отъединен от Бога, что я не знаю, где Он, что я

не чувствую Его, что я Его не знаю. Это состояние, когда человек понимает, что то, как он живет, это не есть жизнь, и стремится во что бы то ни стало так Богу угодить, чтобы Господь на него посмотрел, призрел на его усилия, пусть и ничтожные, пусть и несуразные, пусть и ошибочные, но они все-таки есть, есть это устремление. Вот это – основа духовной жизни. И покаяние есть возбуждение своей души к этому внутреннему деланию, чтобы не соглашаться, чтобы все отринуть, что этому мешает, чтобы основной мотив каждого поступка был приближен к Богу. Тогда в этом свете будет понятно, что многое из того, к чему мы стремимся, совершенно не нужно.

Надеюсь, каждому хотя бы со слуха известно, что «без смирения нет спасения». И хотя нас совершенно справедливо возмущает то или другое и гнев у нас бывает на это совершенно праведный, абсолютно оправданный с любой точки зрения, но бывают такие ситуации, когда ничего и не сделаешь, потому что, если будешь что-то предпринимать, будет хуже. И что нужно? Нужно принять это от Бога и смириться, потому что раз Господь так устроил – ведь Он все видит, все знает, Он видит всякую несправедливость, Он видит всякую обиду, которая нам нанесена, Он видит все, – и раз Он этому попускает, значит, это нужно. Кому нужно? Мне нужно. Зачем? Затем что Господь решил избрать такое лекарство, и когда я буду это переживать, буду стараться выйти из этого, то моему духу от этого будет польза.

Я это приму – а Господь за это мне откроет еще больше, еще глубже, еще утешит меня сильнее. Потому что всякие радости душевные и телесные, они, к большому сожалению, в силу того, что грехом разрушена гармония, противоположны духовному. Поэтому чтобы достичь радости духовной, обязательно нужно томить свое тело постом, бдением, коленопреклонением, трудами физическими и не давать своей душе распускаться, не давать душе отдыха, не давать ей ослабы больше, чем требуется. Некоторое послабление нужно, не все могут жестокое житие проходить, это очень трудно, трудно быть к себе беспощадным. Но мера этой ослабы должна быть в наших руках, потому что попечение о плоти и о своей

душе может превратиться в похоть и под видом отдыха вполне заслуженного можно, к сожалению, делать всякие непристойные дела, хотя внешне они, может быть, и не так ужасны по сравнению с тем, что вокруг делается, но это будет шаг от Бога.

Тут нужно проявлять разумную мудрость и твердость к самим себе, и тогда мы сумеем пройти этим царским путем и Господь призрит на нас и захочет нам дать то, что Он готов и хочет дать, и то, ради чего Он пришел. Он говорит: лучше для вас, чтобы Я ушел, потому что тогда Я пошлю к вам Утешителя. Потому что подлинная духовная жизнь – это связь с Утешителем, Духом Святым. И Дух Святой утешает человека и в его телесных трудах, и в его душевных скорбях, утешает так, как ничто и никогда на свете, и нет ничего сладостней этого. Поэтому это не какая-то гипербола, когда в акафисте мы поем: «Иисусе Сладчайший». Это слово исторглось из души святого человека, потому что он ощутил сладость бытия с Богом, общения с Ним. «Вкусите и видите, яко благ Господь». Когда человек вкусил, что такое Господь хотя бы чуть-чуть, хотя бы одну только секундочку, он этого никогда не может забыть. Поэтому каждый из нас, кто вкусил сладость жизни церковной, сладость богослужения, не может этого никак забыть. Потому что все остальные естественные сладости, которые мы получаем из мира, они с этим несравнимы. А богослужение есть подлинная жизнь во Святом Духе.

Поэтому вполне понятно наше устремление в храм, потому что здесь мы это получаем. И душа томится и жаждет, и хочется еще. Но к сожалению, такой возможности нет, нет душе возможности вместить больше, слишком уж она маленькая, душа. Поэтому надо расширять. А расширять можно только таким образом: томить, нудить, заставлять самого себя. Чем больше подвиг, тем больше получишь. Другого пути нет. И то получишь не автоматически, а просто из двухтысячелетнего опыта церковного известно, что кто больше себя томил, тот и больше получил. Поэтому каждый из нас, собственно, жнет только то, что сеет, и получает только то, над чем трудился. А всякое от этого отлынивание, нежелание – это есть обкрадывание себя.

Часто спрашивают: батюшка, я что-то там недочитал, или переел, или еще что-то – можно причаститься? Да можно, моя, что ли, Чаша? Но чем меньше трудишься, тем меньше и получишь. Какой в этом смысл? Какой смысл решетом воду черпать? Ну, конечно, какие-то капли соберутся в силу поверхностного натяжения жидкости и на этом решетке. Ну и что? Вот ты получил всего Христа. То, что шире вселенной, вошло в тебя. Но ты перешагнул за порог храма – и что? Особенно это видно на детях. Вот причастился ребеночек, выходит на улицу – и все забыл, кидает, швыряет, ломает. Что в нем произошло? Ничего не произошло. Почему? Труда-то никакого не приложено. Вошло и тут же вышло, ничего человек не мог удержать. Ему дано все, дано больше, чем имели апостолы при живом общении с Господом Иисусом Христом. Дана вся полнота, которую только можно вообразить. Весь Христос, Который вездесущ как Бог, Он в тебе. И что? И ничего. А никому и не страшно: привык человек, живет спокойно.

Поэтому нам нужен труд над размягчением сердца, над расширением его. А для этого нужно заповеди Божии исполнять, нудить себя на это. Нужно перестать лукавить, потому что Бога все равно не обманешь, как ни выкручивайся. Он же знает, почему ты говоришь так или так. Бог-то знает, что за этим стоит. Ну ты можешь перед батюшкой какой-то особый вид принять или пытаться на исповеди как-то интерпретировать, особенно сказать, чтобы некие отношения сохранить. Какая-то ерунда, чисто душевная. Ну и что? Бог-то видит тебя, знает. Он знает источник твоих чувств и слов и знает этот зазор между истинным состоянием дел и тем, что ты говоришь. То есть кого ты обманываешь? Батюшку? Да шут с ним, с батюшкой, ты о себе подумай. Ну ходи в церковь сорок лет – и так ничего и не узнаешь, и так ничего в тебя и не войдет, ты будешь тем же фарисеем. Можно всю жизнь отходить в храм и Бога-то не познать, Его не ощутить. Какой в этом смысл? А ведь сотни тысяч людей ходят в храм и не знают Бога, и не знают Христа, и не знают даже, что такое благодать. Тебя крестили? А что такое Дух Святой? Не знаешь? Тогда где же оно, христианство?

Христианство без Святого Духа – это что такое? Это вообще не поймешь что, это какая-то ложь.

Так вот, время покаяния, время поста дано для того, чтобы нам это все как можно более честно и перед собой, и стоя перед Богом осмыслить и осознать. Конечно, это очень трудно, нужно действительно огромное самоотречение, чтобы вот так перед Богом предстать без всяких фокусов, без всякого человекоугодия, без всякого заискивания – вот таким, как ты есть, грешником, в этом признаться и это начать исправлять. Не повиноваться своим чувствам и стараться относиться к ближнему своему по возможности, как к самому себе. А это очень трудно, потому что мы же совершенно отчетливо видим, что ближний ну никак недостоин этого. Но Господь не говорит, чтобы мы выбирали достойного нашей любви. Он просто говорит, что нужно так. И надо себя к этому понудить. Не нужно льстить, не нужно в зависимости от его поведения каким-то образом регулировать и свое. И понятно, что это уж слишком против течения и, если мы начнем сразу, мы просто с этим не справимся. Но во всяком случае, главное устремление, вся тенденция нашей жизни должна быть к этому, это основополагающее. И конечно, опора наша должна быть в Евангелии, во Христе – в этом воплотившемся Слове Божиим. Помогите нам в этом Господь. Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 1 марта 1993 года, вечер

Неделя 2-я Великого поста

Господь «пришел в Капернаум; и слышно стало, что Он в доме. Тотчас собрались многие, так что уже и у дверей не было места; и Он говорил им слово. И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо; и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопав ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный».

Часто можно слышать: я читаю Евангелие и ничего не понимаю. Спрашивается: вот несколько строк – что тут понимать? Как говорится, все ясно, как Божий день. Отчего же человек не понимает? Не оттого, что текст туманный, а оттого, что ум очень косный. Поэтому сам труд по чтению для большинства людей просто невозможен: такая расслабленность мышления. То же самое происходит и с любым живым органом: если он не находится в постоянном упражнении, то он атрофируется и отмирает. Так же и человек: если он с детства не имеет упражнений для ума, не имеет упражнений для совести, не имеет упражнений для каких-то поступков, которые требуют усилий, то, вырастая, он уже и подавно этого делать не может. Обычно такие люди попадают в тюрьму или спиваются. Почему? Нет воли, не может человек отказать себе в удовольствии, потому что выпить – удовольствие. Или приятель говорит: пойдем с нами. И нет никакой возможности сказать: нет, я не пойду, потому что это нехорошо. Не в состоянии человек. И так один раз нехорошо, другой раз нехорошо, пока милиция не остановила.

Почему люди воруют? Не только из зависти, что у другого есть, а у меня нет. Причина – в неспособности работать. Потому что украсть – тут никакой работы не надо производить: известная ловкость и риск. А трудиться, чтобы хлеб свой насущный добывать, это тяжело. Поэтому хорошо, когда есть папа, мама или работающая жена, к которой можно пристать и ничего не делать, вяло влачить существование. И так очень многие пребывают. А чтобы что-то создавать, нужно трудиться,

но вот этого труда человек и не может предпринять, потому что он расслаблен, воля его расслаблена. Так многие и говорят: я ничего не могу с собой сделать, меня несет. Вот я что-нибудь говорю, говорю, говорю и остановиться не могу. Или кто-то меня обидел, и я начинаю про него рассказывать одному, другому, третьему. Вижу, что ужас творю, – и ничего не могу с собой сделать. Или меня дразнят, и я дразню; чем больше я отвечаю, тем больше меня дразнят, и мне от этого тяжело, а замолчать, не отвечать я не могу, нет воли взять и остановиться.

Обычно дети дразнят друг друга, и причем дразнят больше того, кто отвечает. Достаточно чуть-чуть потерпеть, никак не реагировать с полчаса, допустим, – и все, все попытки дразнить сразу отпадут. Но это же надо полчаса протерпеть, а терпеть нет возможности. Многие люди поэтому не в состоянии даже к зубному врачу ходить, потому что больно или неприятно. То есть потерпеть сорок минут человек не может, он не может себя преодолеть даже в такой мелочи, которая просто необходима. Человек согласен: пусть будет язва желудка от неправильного пищеварения, пусть что угодно, пусть меня разрежут, но под общим наркозом – но потерпеть то, что неприятно, нет, не могу. Не может человек, расслаблен.

И вот принесли расслабленного. Кто принес? Друзья, может быть, а может быть, родственники. И видят, народу битком, пройти нельзя. Залезли на крышу дома, раскопали ее и на веревках опустили носилки прямо к ногам Господа Иисуса Христа. Какой труд предприняли! На крышу человека парализованного затащить, веревки привязать, аккуратно спустить – колоссальную операцию проделали. «Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои. Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих». Почему в сердцах своих помышляли, а вслух не сказали? Боялись, боялись сказать вслух, потому что знали, что никто не мог уловить в слове Иисуса. Он обязательно что-нибудь такое скажет, что поставит их в тупик и они опять в очередной раз окажутся дураками. А дураком оказаться – хуже этого для человека гордого ничего на свете нет. Кем угодно

человек готов предстать, но только не дураком, упаси Бог, это самое обидное.

«Что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» Да, никто, кроме Бога, грехи прощать не может. Но перед ними сидел Этот Самый Бог, просто, к сожалению, они не могли по своей гордости этого видеть, потому что сами себя считали кем-то. Когда человек о себе что-то мнит, он уже не может ничего различать в другом человеке. Почему? Потому что он ослеплен своим собственным светом, который есть, конечно, тьма. Как от темноты человек не видит ничего, так и от яркой вспышки тоже ничего не видит. Человек ослепляется собственным мнимым светом – гордыней своей – и так же становится слепым.

«Иисус, тотчас узнав духом Своим, что они так помышляют в себе, сказал им: для чего так помышляете в сердцах ваших? Что легче? сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи? или сказать: встань, возьми свою постель и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видали». Еще бы! А Бог никогда по земле и не ходил, это было единственный раз. И всем, кто Его окружал, Он предоставил возможность думать самим. Он им не сказал: знаете, родные мои, я Бог, Я вторая ипостась Пресвятой Троицы, Я Божественное Слово, сшедшее с небес. Он им этого говорить не стал. До этого они должны были додуматься сами, потому что они же знали аксиому, что только Бог прощает грехи.

Всякая болезнь есть следствие грехов. Они видели, что на глазах у них человеку эти грехи прощены. Следует элементарный вывод: что человек, который это сделал, – это есть Бог. А вот этого вывода они сделать не смогли по своей собственной духовной расслабленности. Так же и Евангелие. Оно уже звучит на земле две тысячи лет, а последнее столетие – на всех языках всех народов. Но не каждый человек в состоянии сделать выводы, что это есть Книга жизни, что,

следуя словам Христа, которые произнесены на земле две тысячи лет тому назад, человек обретает свое спасение.

Этот эпизод для нас очень утешителен, и он очень многое объясняет. Даже совершенно расслабленный человек, оказывается, может получить спасение. Господь для наглядности творил эти чудеса. В каждом Его исцелении сокрыт духовный смысл. Потому что, конечно, сколько расслабленного ни восставляй, пройдет еще полтора-два десятка лет – он все равно умрет. Поэтому то, что делают врачи, в некотором смысле бессмысленно, это имеет смысл только в том, что облегчает человеческие страдания. Но не бывает исцеления навсегда и насовсем. Стало человеку полегче, ну и слава Богу. А так все равно умрешь.

Цель – не в том, чтобы он встал, взял свою постель и стал ходить своими ножками. Стал здоровым – слава Богу. Но это неважно. Не это важно. А важно, что он даже не сам пришел. Важно то, что его принесли. Все, что он должен был сделать, за него сделали другие, более сильные и более верующие. А почему Господь помиловал его, видя их веру? Ведь каждый из нас знает, что, если человек не захочет, бесполезно его убеждать, ну заставить еще можно, если у нас есть над ним хоть какая-то власть или преимущество в физической силе. Почему же Господь по их вере спас его? Дело в том, что они исполнили Его заповедь.

Апостол однажды сказал: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию». Они, не будучи еще христианами, уже исполнили закон Христов, который заключается в том, что сильный должен нести немощи слабого. Потому что так Господь устроил или, можно сказать, попустил, что все люди разные: одни сильные, другие слабые. Даже в троическом единстве человека – муж, жена и дитя – тоже есть по преимуществу более сильная часть – мужчина, более слабая – женщина и совсем слабая – дитя. Вот взрослые стоят, а дети сидят, потому что они слабые, они немощные, они не в состоянии стоять. И никого это не возмущает, потому что это естественно. Ну что с них взять? Они же дети.

Нет на земле двух одинаково сильных людей. Даже если два сильных человека встречаются на помосте, то очень редко бывает ничья, все-таки один немножечко другого победит. Для чего это попущено Богом? А потому что только так возможно проявление любви. Любовь – это когда сильный берет на себя часть, которую по справедливости должен был бы делать слабый. А обычно люди стремятся к тому, чтобы считаться, кто больше. Я больше, поэтому мне больше. И когда возникает этот счет, в этом уже любви нет. А вот эти четыре человека принесли расслабленного, взяли это на себя – и появился благой результат. И так и Церковь устроена: сильный – Господь – понес немощи людские и всех призвал к Себе. И все в Церкви совершается и создается Его силой, только надо к силе этой приобщиться. И более приобщенный к этой силе берет на себя немощи иных, и тогда вместе можно существовать.

Поэтому многие слабые так устраиваются, по милости Божией, прилепляются к более сильным: кто женится, кто замуж выходит. Ну а дети, по естеству будучи слабыми, зависят от взрослых как более сильных. Но, пребывая в этой зависимости, вместо того, чтобы смиряться, признавая свою немощь, они еще гордятся, они еще себе требуют, они еще и досаждают тем, за счет кого живут. То есть опять же нарушают эту любовь. Потому что сильный должен трудиться, восполняя немощь слабого, а слабый должен смиряться, и ручки целовать, и, как говорит русская поговорка, ноги мыть и эту воду пить в благодарность. А вот этого как раз и нет. Что же мешает взаимной любви? Один считается, потому что ему обидно, что приходится за других работать. А другой думает, что ему все кругом должны. То есть мешает гордость. Гордость – это главное препятствие в достижении любви «в союзе мира». Потому что если бы гордости не было, то все это было бы с радостью. Сильный, ощущая свою силу, с радостью трудился бы для слабого, а слабый с благодарностью этот труд воспринимал. И эта благодарность придавала бы сильному еще больше силы.

«Не десять ли очистились? где же девять?» – сказал Господь. Как же так, почему такая неблагодарность? Почему человек еще требует себе что-то, сам не способный вообще ни

на что, ни на какое даже шевеление, а только жить за счет других? Так большинство людей теперь на земле и живут за счет других. На самом деле это естественно, и ничего в этом страшного, катастрофического нет, потому что только так можно закон Христов исполнить. Только слабый не должен заставлять и требовать, а сильный не должен считаться.

Вот в таком простом евангельском эпизоде, одном из бесконечных случаев исцелений, которые сотворил Господь, сокрыт для нас огромный духовный смысл. Каждый из нас расслаблен. И эта расслабленность проявляется абсолютно во всем: в том, что мы не можем сдержать слово; в том, что не можем, если проснулись, сразу встать, а будем тянуть, пока не начнется спешка; в том, что не можем удержать свой язык, не можем ничего потерпеть, сразу отвечаем на одно слово десять; не можем отдать долг, будем ходить, мучиться, переживать, вместо того чтобы взять и отдать. Чего мучиться? Обещал – сделай. Не может человек, не может, просто не в состоянии. И так во всем, во всем расслабленность, в каждом действии. Встать на молитву – не могу, буду оттягивать, оттягивать, пока глаза начнут слипаться, а там уж вроде естественно: мол, я так устал, ну ладно, как-нибудь прочту, Господь меня не осудит. И во всем, конечно, других обвиняем: это она такая, это они такие. Почему? Сам расслабленный, не могу ничего потерпеть, а себя обвинить гордость не позволяет – значит, все кругом виноваты. Отчего это происходит? Тоже от расслабленности.

А как человек работает? Сидит и разговаривает: час говорит, два говорит, три говорит – работа стоит. Что, дел нет? Дел невпроворот, а если делать нечего, сиди вяжи хотя бы. Нет, постоянное стремление к ничегонеделанию, как кошка: только по минимуму. Будет просить, ныть: дайте поесть. Уж если не дадут, тогда только начнет искать мышь или птицу, а так нет. И каждое движение выверено: чуть что – к батарее. Для чего? Чтобы собственную энергию не тратить. Легко так: на тепленькое сел, и оно само греет. Но человек призван совершенно к другому. Поэтому животных называют меньшими братьями. Что же с животного требовать? Животное ничего созидать не может. А человеку дана земля для созидания. Но он

расслабленный, он все стремится идти по пути наименьшего сопротивления, как бы ничем себя не утрудить, только для оправдания себя нечто сделать несущественное, чтобы успокоить совесть.

Тут надо еще с совестью быть в ладах, вот в чем сложность. Надо как-то так устроиться, чтобы и совесть особенно не мучила, и в то же время особенно не утрудиться. Я договорился, мне через две недели раствор обещали. Время идет, и вроде как будто и дело делается. А дело-то никакое не идет, оно стоит. Просто висит некий воздушный замок. Что ты делаешь? Я жду раствор. А если его не привезут? Значит, целый день буду сидеть. А что, кроме раствора, нечего делать? Оказывается, дел полно, но я жду раствор, я курю, конкретное вроде дело. На самом деле никакого дела нет. То же самое и с молитвой происходит: все время на потом, все время на завтра. Вот в отпуск в монастырь поеду. А в монастыре, там еще больше дел. И все время такое откладывание.

Ну и кого человек обманывает? А спасение, оно совершенно рядом, оно во Христе. И как мы видим, любой, самый расслабленный настолько, что и ходить не может, оказывается, может быть спасен в один миг, если у него только есть вера и, конечно, желание. Вот без этого желания невозможно восстать. Невозможно. Господь говорит: «Возьми свою постель и ходи». Спрашивается, а при чем тут постель? Зачем ее брать? Чтобы хоть потрудиться немножко, чтобы эту постель хоть поносить. Потому что цель не в том, что из этого выйдет, а цель – в самом труде. Серафим Саровский, чтобы томить себя, делал, с точки зрения рационального человека двадцатого века, бессмысленную вещь: поленницу из одного угла кельи в другой перекладывал. Спрашивается: зачем он это делал? Трудился. Потому что все остальные дела у него были переделаны, во всем идеальный порядок; хозяйство было очень небольшое, в то время он уже и от огорода отказался, ему достаточно было одной травы, которую он ел. И время высвобождалось. Хотя он уставал и от молитвы, и от чтения ежедневного Священного Писания и святых отцов, но, чтобы томить себя, он поленницу перекладывал.

А мы готовы часами говорить, куда-то ездить, бессмысленно где-то быть. А потом время прошло, уже поздно, надо спать. А что ты сделал? Что ты сделал для Царствия Небесного? Ничего. А ведь первая заповедь Спасителя была такая: «В поте лица твоего будешь есть хлеб». Надо потеть. Это первое условие достижения жизни вечной: надо потеть, надо понуждать себя на труд и все время просить Господа, чтобы Он восставил. Но кошкой, конечно, быть гораздо проще, никакой ответственности, полная расслабленность: а я позвонил, а там никого не застал – ну и гори все огнем! И так и горит. Поэтому виновато никакое не правительство, никакая не жена, не какие-то неудачные дети. Каждый виноват сам. Если расслаблен, проси у Бога. Вот свидетельство того, что Господь восставит, и Он Сам же этого хочет. Потому что огромная нужда в таких восставших, которые способны пусть какую-то ерунду, хоть палец о палец, но все-таки для общего дела ударить.

Адаму и всем нам – потому что мы все его дети, мы все есть этот единый Адам – была дана такая заповедь, чтобы эту землю приумножать и приукрашать. Мы должны созидать. Потому что достаточно ломающих, достаточно ничего не делающих, достаточно живущих за счет других. И Господь прежде всего надеется на Свою Церковь, на тех людей, которым Он дал веру. Он на них надеется, хотя эти люди похожи на военный лазарет, на полевой госпиталь: все израненные, все только стонут, никто не может ничего с собой сделать, все очень нежные. Тогда на кого надеяться? Не на кого. Поэтому Господь сказал: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» Потому что вера – это не есть какое-то умозаключение: мне в воскресной школе рассказали, я уши развесил и поверил. Нет, вера – это делание. Покажи мне дела от твоей веры. К чему вера твоя понуждает тебя? Чем твоя жизнь отличается от жизни неверов? Чем? В чем? Ни в чем. А ведь вера – это есть движущая сила, такая могучая, что может двигать горами: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет». Вот что такое вера.

Поэтому будем просить у Господа, будем стараться хотя бы захотеть этого просить, чтобы Он нас восстановил из нашего расслабления, чтобы нам так же для Него потрудиться, как Он потрудился для нас. Аминь.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, 14 марта 1993 года